«Россия привержена принципу верховенства международного права». В. Путин

INTERNATIONAL LEGAL COURIER

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРАВОВОЙ КУРЬЕР

Журнал о юриспруденции и международных отношениях:
НОВОСТИ, СТАТЬИ, АНОНСЫ, АНАЛИТИКА

№ 3 (27) | июнь 2018

Журнал входит в перечень ВАК

16+

с. 25

Международные неправительственные организации:
вопросы развития законодательства на примере стран СНГ

Таврический дворец, Санкт-Петербург
Штаб-квартира Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ

с. 48

Юридические аспекты становления компьютерного спорта в России

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ОБЛАСТИ ИНВЕСТИЦИЙ

5 Эффективность международно-правового регулирования PRs на примерах ТРИМС и НАФТА

Данельян А.А., Магомедова О.С.

10 Нормы международного инвестиционного права и инвестиционное право США: сравнительно-правовой анализ

Акчурин Т.Ф., Марченко А.В.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

21 Реализация принципа недискриминации личности в международном и национальном праве

Глебов И.Н., Зимненко Б.Л., Мазманян А.С., Рыбаков Ю. М., Толмачев П.И.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

25 Международные неправительственные организации: вопросы развития законодательства на примере стран СНГ

Мишальченко Ю.В., Торопыгин А.В., Полунина А.В.

ВЗГЛЯД В ИСТОРИЮ

31 Исторический документ права вооруженных конфликтов

Егоров С.А., Анисимов И.О.

ЗАПРЕЩЕННЫЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

37 Основные методы совершения террористических атак на современном этапе

Ногмов А.М., Шангараев Р.Н.

МЕЖДУНАРОДНАЯ СУДЕБНАЯ СИСТЕМА

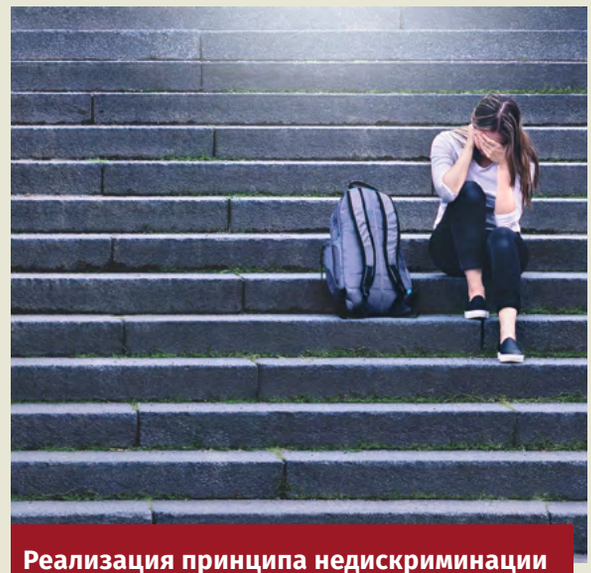
41 Международные судебные органы: эволюционное развитие или «самоопределение»? (на примере Международного уголовного суда)

Тимохин К.В.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КИБЕРСРЕДЫ

48 Юридические аспекты становления компьютерного спорта в России

Тарасенко В.А.



Реализация принципа недискриминации личности в международном и национальном праве

Оно тесно связано с расслоением общества, которое, в свою очередь, ведет к социальному неравенству в обществе. Однако сам принцип недискриминации личности был закреплен в международном праве лишь в середине XX века

с. 21

Исторический документ права вооруженных конфликтов

Среди множества знаменательных дат и событий 2018 года юбилей Санкт-Петербургской декларации о запрете применения во время войны некоторых разрывных снарядов, принятой по предложению России 150 лет назад, несомненно, занял особое место

с. 31

РЕДКОЛЛЕГИЯ

■ **Хлестов Олег Николаевич**
Председатель редакционной коллегии, профессор Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посол, вице-президент Российской ассоциации международного права, заслуженный юрист Российской Федерации.
Oleg N. Khlestov
Chairman of the Editorial Board, Professor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, President of the Russian Association of International Law, Honored Lawyer of the Russian Federation.

■ **Андреев Алексей Петрович**
И.о. ректора Пермского аграрно-технологического Университета им. Д.Н.Прянишникова, кандидат исторических наук, доцент
Alexey P. Andreev
Rector of the Perm Agrarian Technological University by D.N.Pryanishnikov, Ph.D. in History, associate professor

■ **Андреева Ольга Валентиновна**
Директор Департамента международного научного и образовательного сотрудничества Российского университета дружбы народов, кандидат исторических наук.
Olga V. Andreeva
Vice-Rector for International Affairs of the Russian Peoples' Friendship University, Ph.D.

■ **Бажанов Евгений Петрович**
Ректор Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, академик Всемирной экономической академии, Академии гуманитарных исследований, член Академии политических наук США, почетный доктор Народного университета (г. Пекин) и Университета Чжэнчжи (Тайвань).
Evgeny P. Bazhanov
Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the World Academy of Economics, Academy of Humanities Research, a member of the Academy of Political Sciences of the United States, an honorary doctor of the People's University (Beijing) and Chengchi University (Taiwan).

■ **Близнец Иван Анатольевич**
Ректор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, доктор юридических наук, профессор.
Ivan A. Bliznets
Chancellor of the Russian State Academy of Intellectual Property, Doctor of Law, Professor.

■ **Вихрян Алексей Петрович**
Эксперт РАН, заместитель председателя правления межрегиональной общественной организации «Национальный комитет общественного контроля», член Союза писателей России.
Alexey P. Vikhryan
Russian Academy of Sciences Expert, Deputy Chairman of the Board for Interregional Public Organization "National Committee of Public Control", a member of the Russian Union of Writers.

■ **Данельян Андрей Андреевич**
Главный редактор печатного издания «Международный правовой курьер», заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук.
Andrei A. Danelyan
Chief editor of the printed edition "International Legal Courier," Head of the International Law Department of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law.

■ **Жак Ладислав**
Директор Карловарского института развития (КРИ) (Чешская Республика), кандидат экономических наук.
Zhak Ladislav
The director of the Karlovy Vary Development Institute (CWI) (Czech Republic) Candidate of Economic Sciences.

■ **Закаурцева Татьяна Алексеевна**
Первый проректор, проректор по учебной работе Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, член Экспертного совета по внешней политике Совета Федерации ФС РФ.
Tatyana A. Zakaurtseva
First Vice-Rector, Vice-Rector for Academic Affairs of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, doctor of historical sciences, professor, member of the Expert Council on Foreign Relations of the Federation Council.

■ **Землин Александр Игоревич**
Доктор юридических наук, заведующий кафедрой «Транспортное право и административное право» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II».
Alexander I. Zemlin
Doctor of Law, Head of the Department «Transport Law and Administrative Law» Federal State Budget Institution of Higher Professional Education «Moscow State University of Posts Emperor Nicholas II.»

■ **Капустин Анатолий Яковлевич**
Первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор.
Anatoly Y. Kapustin
President of the Russian Association of International Law, Doctor of Laws, Professor.

■ **Марчук Николай Николаевич**
Профессор Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, академик РАЕН, специалист по истории конституционализма в Латинской Америке.
Nikolay N. Marchuk
Professor of the Russian Peoples' Friendship University, Doctor of Historical Sciences, Academy of Natural Sciences, a specialist in the history of constitutionalism in Latin America.

■ **Минаев Виталий Анатольевич**
Генеральный директор АНО «Международный аналитическо-исследовательский центр правовой информации», главный редактор сетевого издания «Международный правовой курьер», официальный представитель Итальянского института философских исследований в России, кандидат юридических наук.
Vitaly A. Minaev
CEO of ANO "Centr BIT RGB," member of UNESCO Chair in intellectual property, authorized representative of the Italian Institute of Philosophical Studies in Russia, Candidate of Legal Sciences.

■ **Мишальченко Юрий Владимирович**
Профессор кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, доктор экономических наук.
Yury V. Mishalchenko
The European Studies Department Professor in the St. Petersburg State University, Doctor of Law, Doctor of Economics.

■ **Моисеев Алексей Александрович**
Вице-президент Российской ассоциации международного права, профессор, доктор юридических наук, доктор права Австралии.
Alexey A. Moiseev
Vice president of the Russian Association of International Law, Professor, Doctor of Law, Doctor of Australian Law.

■ **Молчанов Виктор Федорович**
Заведующий научно-исследовательским отделом рукописей Российской государственной библиотеки, доктор исторических наук.
Viktor F. Molchanov
Head of the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library, Doctor of Historical Sciences.

■ **Никонорова Екатерина Васильевна**
Начальник Управления специальных проектов Российской государственной библиотеки, доктор философских наук, профессор кафедры управления природопользованием и охраны окружающей среды МИГСУ, РАНХиГС, член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации ФС РФ, профессор.
Ekaterina V. Nikonorova
Head of special projects of the Russian State Library, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Environmental Management and Environmental Protection Migs, Ranh and HS, Member of the Scientific Expert Council under the Chairman of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Professor.

■ **Петручак Лариса Анатольевна**
Проректор по учебной и воспитательной работе Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член учебно-методического объединения по юридическому образованию вузов России.
Larissa A. Petrouchak
Vice-rector for academic and educational work of the Moscow State Law Academy, Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia, a member of the Training Association of Legal Education of Russian universities.

■ **Россиус Андрей Александрович**
Главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Института философии РАН, член Научного совета Итальянского института философских исследований.
Andrei A. Rossius
Doctor of Philology; Professor of the Department of Classical Philology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow, IPhRAS; Member of the Research Council of the Italian Institute for Philosophical Studies.

■ **Сухарев Александр Яковлевич**
Государственный советник юстиции 1-го класса, доктор юридических наук, профессор (6-й министр юстиции РСФСР, 5-й генеральный прокурор СССР), заслуженный юрист Российской Федерации.
Alexander Ya. Sukharev
State Counselor of Justice of Class 1, Doctor of Law, Professor, 6 yministr Justice of the Russian Federation, 5th Prosecutor General of the USSR), Honored Lawyer of the Russian Federation.

■ **Требков Андрей Адамович**
Председатель Международного союза юристов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации.
Andrew A. Trebkov
President of the International Union of Lawyers, PhD, Honored Lawyer of the Russian Federation.

■ **Ярышев Сергей Николаевич**
Генеральный директор АО «Шереметьево-Безопасность», кандидат юридических наук.
Sergey N.Yaryshev
CIO in Sheremetyevo-Security JSC, PhD in Law.

■ **Цао Липин**
Доцент Института политологии и права Университета Ганьсу (КНР), кандидат юридических наук.
Cao Liping
Graduated from the high school at People's Friendship University with a degree «International Law», «European law». In 2011, she defended her dissertation of the candidate of jurisprudence «International public law for the management of maritime transport of goods.» Today - Associate Professor at the Institute of Political Science and Law.

РЕДАКЦИЯ

Данельян Андрей Андреевич — главный редактор
Фирсова Юлия Георгиевна — ответственный редактор
Краснов Николай Петрович — дизайн и верстка
Шепелев Борис — дизайн интернет-версии
Малахова Елена Евгеньевна — редактор текстов на английском языке
Редькина Ольга Витальевна — корректор
Данельян Андрей Андреевич и Минаев Виталий Анатольевич — авторы концепции
Мая Гергова — SEO-редактор
Федотов Денис Олегович — руководитель службы научно-информационного обеспечения

Номер ISSN: 2311-4525

«Международный правовой курьер» — официальное издание Дипломатической академии МИД РФ
Журнал выходит при поддержке Российской Ассоциации международного права

Материалы издания подготовлены при участии:
• Российской государственной академии интеллектуальной собственности
• Дипломатической академии МИД РФ
• Российского университета дружбы народов
• Московской государственной юридической академии им.О.Е.Кутафина
• Научно-исследовательского отдела рукописей ФГУ РГБ
• Межрегиональной общественной организации содействия реализации программ в области противодействия и борьбы с коррупцией «Национальный комитет общественного контроля»

Издатель: АНО «Международный аналитическо-издательский центр правовой информации»
г. Москва, Большой Козловский пер., д. 4, корп. 3, каб.324.
e-mail: inter.legal.info@gmail.com

Генеральный директор Минаев В. А.
e-mail: **v.minaev@inter-legal.ru**

Главный редактор печатного издания Данельян А. А.
e-mail: **a.danelian@inter-legal.ru**

Главный редактор сетевого издания www.inter-legal.ru
Минаев В. А.

Директор по развитию бизнеса Фирсова Ю. Г.
Тел. **+7 (499) 390-35-80;**
e-mail: **yulia.firsova@fmc-media.ru**

www.youtube.com/channel/UCmrSXGcbIBKDDNibMD6la5Q
www.facebook.com/ano.maicpi

www.inter-legal.ru

Типография «Маэстро Платинум», г. Москва, ул. Сущевский вал, 64. Тираж от 100 до 1100 экземпляров, с возможным увеличением тиража. Цена свободная. 0+ За содержание рекламных объявлений редакция ответственности не несет. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ No. ФС77-55592 от 07.10. 2013 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Источники фото: www.shutterstock.com, www.pixabay.com

Выход в свет 25 июня 2018 г.

Эффективность международно-правового регулирования PRs на примерах ТРИМС и НАФТА

The effectiveness of international legal regulation of PRs with examples of TRIMS and NAFTA

> Испокон веков эффективность права выражается в его применении и соблюдении. Ш. Монтескьё писал: «Когда я приезжаю в страну, я не смотрю, есть ли в ней хорошие законы, я смотрю, применяются ли в ней существующие законы»[1].

В некотором контексте понятия «efficacy» и «compliance»[2] или «efficacy» и «enforceability»[3] могут звучать как синонимы. Утверждение равно относится как к национальным, так и к международно-правовым нормам. Объём понятия «эффективности» права может варьироваться в зависимости от доктринальных подходов[4], но выделяемые критерии эффективности в большинстве своём универсальны. В общих чертах они включают: условия и гарантии для последовательного соблюдения вводимых правил; волю, интересы, мотивы и ответственность субъектов правоприменения; формы, методы и средства реализации норм; достижимость поставленных целей и разрешимость задач; затратность реализации норм[5].

Эффективность меры легче оценить, когда речь идёт об исполнении позитивных обязательств. Что если речь идёт о требовании пассивного характера, а именно принципе запрета performance requirements (далее – PRs)? Иными словами, об обязательстве не вводить требования достижения национально-экономических полезных результатов. Вопрос далеко не праздный. На общей волне реформирования международного инвестиционного арбитража, совершенствования условий заключаемых двусторонних и многосторонних инвестиционных соглашений нормы об ограничении одного из самых популярных государственных инструментов в инвестиционной политике вполне могут стать предметом критической оценки. Для полноты исследования запрета PRs с точки зрения богатой практики правоприменения следует обращаться к первым источникам его закрепления на региональном и универсальном уровнях – таким как соглашение НАФТА (1992) и соглашения ТРИМС в рамках ВТО (1995). Помимо одного предмета регулирования эти соглашения объединены историческим контекстом их принятия (переговоры шли практически параллельно), и даже методологической основой (проект регулирования PRs от США, так или иначе, отражён в обоих документах).

Предпосылки эффективности будущей нормы закладываются на уровне её разработки. Иными словами, успешное применение международно-правовой нормы определяется первоначальной согласованностью воль субъектов, участвующих в её принятии, и юридической техникой. В этом плане соглашение ТРИМС изначально обрекалось на сомнительное положение. Дело в том, что соглашение разрабатывалось в условиях сопротивления между инициативными силами (США, ЕС, Японии, стран Северной Европы) и развивающимися странами. Поэтому итоговый компромиссный вариант соглашения критикуется в доктрине обеих сторон: в развитых государствах – за недостаточно строгую регламентацию вопроса, в развивающихся – за пренебрежение к проблеме их экономического развития.

С другой стороны, перед разработчиками ТРИМС стояла сверхзадача интегрирования инвестиционной тематики в систему права ВТО, сосредоточенной исключительно на сфере международной торговли. Решение этой задачи можно увидеть сразу в трёх аспектах.

Во-первых, содержание ТРИМС аккумулирует в себе опыт разреше-

---

[1] Montesquieu, Notes sur l'Angleterre, Œuvres Complètes 331, 332 (Editions du Seuil 1964)/ Mark Weston Janis, International Courts and the Efficacy of International Law/ University of Connecticut School of Law, 1987

[2] Shima Baradaran, Michael Findley, Daniel Nelson, J. C. Sharman, Does International Law matter?/Minnesota Law Review, Issue 97, 2013 – p.743-837

[3] Joshua Kleinfeld, Skeptical Internationalism: A Study of Whether International Law is Law/ Fordham Law Review, Volume 78, Issue 5, Article 11, 2010 – P.2505

[4] Luka Burazin, The Concept of Law and Efficacy/ Accepted for publication in Sellers, Mortimer, Kirste, Stephan (Eds.), Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy, Springer, forthcoming 2019 – эл. ресурс:[https://www.researchgate.net/publication/317872826_The_Concept_of_Law_and_Efficacy] (дата обращения: 14.11.2018)

[5] Каширкина А.А., Морозов А.Н. Международно-правовые модели Европейского Союза и Таможенного союза: сравнительный анализ: монография / отв. ред. А.Я. Капустин. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Юридическая фирма «Контракт», 2012.—С.285-304 — 368 с. – эл. ресурс: [https://law.wikireading.ru/9286] (дата обращения: 14.11.2018)

ния споров по ГАТТ. В деле «Italian Tractors» (1958) было определено, что меры, влияющие на торговлю, могут вводиться законами, не направленными прямо на её регулирование[6]. В решении по делу «FIRA» (1984) арбитры отметили, что инвестиционные меры могут вводиться не только законодательными, но и иными правовыми актами[7]. В деле «EEC – Parts and Components» (1990) было указано, что к инвестиционным мерам могут относиться как законно обязывающие требования, так и условия, исполняемые добровольно[8]. Таким образом складывалось определение инвестиционной меры, связанной с торговлей (далее – «тримс»), представленное в Иллюстративном перечне к Соглашению: «Меры, которые применяются на основании распоряжения или вводятся внутренним законодательным актом или в административном порядке, или соблюдение которых необходимо для получения льгот <…>».[9]

Определение performance requirements в ст.1106 НАФТА тоже разделено на две части. Здесь признак мер как императивного инструмента управления выражается в формуле «impose or enforce». Однако в отличие от ТРИМС, допускающего альтернативы «или… или», в соглашении НАФТА проводится чёткое разграничение, какие виды мер должны быть обязательными, чтобы считаться PRs (п.1 (a-g) ст.1106), а каким достаточно обусловливать получение некой льготы (п.3 (a-d) ст.1106). При этом четыре вида мер входят и в ту и другую категорию. Путаница неизбежна. И действительно, в деле «Pope & Talbot Inc. v. Canada» (2000) уже поднимался вопрос о возможности рассмотрения одной меры как «PR» в целом (as a whole)[10]. Но арбитры предпочли придерживаться формального подхода, что тоже вполне объяснимо. Кроме того, что ст.1106 приводит закрытый перечень мер, п.5 данной статьи прямо запрещает расширительное толкование её положений. Это значит, что претензии инвесторов могут отклоняться по причине одного только несоответствия обстоятельств определениям статьи. Такой формализм наносит существенный урон эффективности запрета PRs.

Второй, и наиболее очевидный способ установления связи performance requirement с торговлей – это прямое выделение данного свойства в отдельный критерий квалификации «тримс». Однако мало ввести норму – нужно понимать, как её реализовывать. Для установления соответ-

[6] Panel Report on Italian Discrimination Against imported agricultural machinery, (L/833 - 7S/60), adopted on 23 October 1958 - Para.12

[7] Panel Report on Canada: Administration of the Foreign Investment Review Act (FIRA), BISD 30S/140, adopted on 7 February 1984, para.5.4

[8] Panel Report on EEC - Regulation on Imports of Parts and Components, BISD 37S/132, adopted on 16 May 1990, para 5.21.

[9] См.: Данельян А.А. Регулирование режима иностранных инвестиций в рамках ВТО // Право и государство: теория и практика. 2015. №12 (132). С.75-78; Данельян А.А. Соглашение по связанным с торговлей инвестиционным мерам (ТРИМс) и принцип «performance requirements» // Евразийский юридический журнал. 2016. №1 (92). С. 71-73.

[10] Pope & Talbot Inc. v. Government of Canada, Interim Award by Arbitral Tribunal, 26 June 2000, para.75

ствия оспариваемых мер этому критерию в деле «Indonesia-Autos» (1998) арбитрами ОРС ВТО была принята презумпция априорного влияния на торговлю требований местного содержания. Этот вывод цитируется во всех последующих спорах, затрагивающих «тримс». Практика третейских групп ВТО также помогла раскрыть содержание второго критерия «тримс» - «инвестиционная мера». В том же деле об индонезийской автопромышленной программе арбитры определили «цель введения» как главный показатель того, что мера является инвестиционной[11]. Решение по делу «Canada – Renewable Energy» (2012) дополнило критерий «цели» признаком «ключевого фактора»[12]. Это значит, что «тримс» не только влияют на инвестиционной режим в стране, но должны быть для инвесторов определяющим фактором в организации капиталовложений.

В арбитражных спорах по НАФТА вопрос о том, «была ли мера введена в связи с инвестицией», по смыслу ст.1106 также решается с помощью признака влияния меры на инвестиции. Однако не все меры, способные к такому воздействию, могли удовлетворять определениям статьи о performance requirements. Непреклонный формализм соглашения НАФТА породил доктрину «incidental effects», согласно которой было принято считать, что такие меры влияют на инвестиции случайно, поэтому не могут свидетельствовать о несоблюдении государством принципа запрета PRs[13]. Этот формальный порог был преодолен благодаря обращению к идее «цели» в решении по делу «Cargill v. Mexico» (2012)[14]. На контрасте с несколько субъективным признаком «влияния» этот критерий сразу приобрел решающее значение в квалификации performance requirement. Ясно обозначенные критерии квалификации и их единообразное толкование обеспечивают правовую определенность в применении соглашений.

Как справедливо было отмечено в этом деле, споры о соблюдении запрета PRs возникают нечасто[15]. Безусловно, это следствие специфики PRs: соответствие целому ряду признаков, ограниченное поле применения таких мер (по сферам экономики), сложная законодательная техника разработки PRs. Последнее касается того, что было обозначено в деле «Brazil – Taxation» как «contribution of the measure to the objective». Если государство ставит перед собой задачу достижения некоторого положительного эффекта от иностранных инвестиций, вводимые им меры должны не просто «корректировать» поведение инвесторов, а создавать все условия для его изменения в нужную сторону.

Наконец, третий способ сближения сфер иностранных инвестиций и торговли заключался в отсылочном характере соглашения ТРИМС. Правовое обоснование запрета «тримс» выражается в необходимости устранения противоречия мер статьям III и XI ГАТТ. Однако, как было подчеркнуто в «Indonesia – Autos» (1998), ТРИМС содержит отсылку к положениям ГАТТ, а не к самим статьям как таковым, и поэтому если обозначенные статьи неприменимы по причинам, не связанным с их содержанием, то их положения остаются применимыми для целей соглашения ТРИМС[16].

На самом деле вопрос о соотношении норм составляет отдельный компонент их эффективности. В случае запрета «тримс» интерес представляет его соотношение с принципом предоставления национального режима. Этот вопрос уже поднимался в рамках ВТО при разрешении спора «ЕС – Bananas III» (1997). Тогда третейская группа указала, что в соответствии со ст. 2.1 ТРИМС заявление претензий о применении запрещенных инвестиционных мер, связанных с торговлей, не лишает заявителя остальных прав, защищаемых ст.III ГАТТ. В данном случае ГАТТ и ТРИМС были равно применимы к оспариваемым мерам[17]. Таким образом, в отношении ГАТТ и ТРИМС неприменим принцип *lex specialis derogat generali*. В ином случае не было бы смысла в принятии Общего примечания о толковании к Приложению 1A (General Interpretative Note to Annex 1A), в соответствии с которым нормы соглашений из Приложения 1A будут иметь преимущество над положениями ГАТТ в случае их коллизии[18]. Важно заметить, что отказ соглашению ТРИМС в статусе lex specialis по отношению к ГАТТ следует рассматривать в полном объёме: как в значении исключения из общего правила, так и в значении частного случая правоприменения. Однако это не отменяет того факта, что ТРИМС содержит более конкретные (more specific) положения для регулирования инвестиционных мер, чем ГАТТ, а значит, оспариваемые меры должны рассматриваться в первую очередь на соответствие положениям ТРИМС[19].

Следует помнить, что принцип запрета PRs – это самостоятельная международно-правовая норма. Во многих делах в рамках ВТО или НАФТА инвестиционные меры оспариваются одновременно в связи с нарушением запрета PRs (ст.2.1 ТРИМС, ст.1106 НАФТА) и принципа НР (ст.III ГАТТ, ст.1102 НАФТА). Вполне возможна ситуация, когда устанавливается факт нарушения правил о performance requirements, при этом принцип предоставления национального режима будет соблюден. Данное предположение допустимо и в связи с тем, что смысл performance requirements заключается не в создании более благоприятных условий для тех или иных хозяйствующих субъектов, а в решении более глобальных социально-экономических задач государственного уровня. Иными словами, такой обязательный элемент для квалификации нарушения принципа НР, как «менее благоприятный режим по отношению к национальным инвесторам», для характеристики PRs несущественен. То же касается и любых других «классических» принципов международного торгового и инвестиционного

[11] Panel Report on Indonesia — Certain Measures Affecting the Automobile Industry, WT/DS54/R, WT/DS55/R, WT/DS59/R, WT/DS64/R, 2 July 1998, para.14.80

[12] Panel Report on Canada – Renewable Energy / Feed-In Tariff Program, WT/DS412/R, WT/DS426/R, 19 December 2012, para. 7.110

[13] Merrill & Ring Forestry L.P. v. The Government of Canada, (ICSID Case No. UNCT/07/1) 31 March 2010, para.110

[14] Cargill, Incorporated v. United Mexican States, ICSID Case No. ARB(AF)/05/2), Award 18 September 2009, para.317

[15] Cargill, Inc. v. Mexico, para.313

[16] Panel Report on Indonesia – Autos, para. 6.32

[17] EC – Bananas III, WT/DS27/R/USA, Panel Report adopted 25 September 1997, para.445

права. Таким образом, рассмотрение норм регулирования PRs в контексте с другими нормами соответствует системному подходу к анализу права, но рассмотрение норм о PRs исключительно в привязке к каким-либо принципам уже будет некорректным.

Тема эффективности норм также охватывает вопросы «обхода» действия этих норм. Вопреки устоявшейся негативной коннотации понятия «обход закона или нормы права», в данном случае речь идёт о потенциальной возможности рассмотрения инвестиционных мер не как PRs, а с точки зрения иных правовых явлений. В частности, государства, использующие performance requirements, могут пытаться оправдать введение этих норм статусом субсидий. В некотором смысле их содержание действительно похоже: меры ориентированы на достижение положительного экономического эффекта, связаны с предоставлением со стороны государства некоторой льготы при соответствии определенной категории бенефициаров. Тем не менее есть значительные различия. Например, в деле «Canada – Renewable Energy» (2012) третейская группа подчеркнула многомерность «льготы» (advantage) для целей ТРИМС в сравнении с сугубо финансовой «льготой» (benefit) по Соглашению о субсидиях[20].

Впервые к такому способу обоснования государственной программы по поддержке национальной промышленности обратилась Италия в 1958 году. Тогда в применении исключения ст.III:8 (b) ГАТТ к спорному случаю было отказано по формальному основанию: выплата субсидий допускалась исключительно отечественным производителям, а не покупателям[21]. Спустя 40 лет аналогичный отказ получила Индонезия в деле «Indonesia – Autos» (1998)[22]. Но в этом споре интересны выводы арбитров относительно соотношения новоявленных Соглашения по субсидиям и

ТРИМС. Было чётко сформулировано, что определение меры в качестве субсидии не освобождает её от действия ТРИМС, поскольку одна и та же мера может регулироваться разными соглашениями в разных аспектах[23]. Стоит отметить, что в случае признания субсидии, противоречащей запрету «тримс», не возникает конфликта между вышеназванным правилом и исключением по ст.III:8 (b), поскольку последнее положение касается только непосредственных выплат исключительно отечественным производителям, тогда как субсидии по Соглашению SCM не исчерпываются данным видом субсидирования.

В отличие от права ВТО, создатели НАФТА обошли вниманием тему субсидий. Поэтому в инвестиционных спорах по НАФТА государства-ответчики обращаются к иным способам уклонения от действия запрета PRs – к изъятиям и исключениям (reservations and exceptions). В положениях НАФТА прямо оговаривается недопустимость толкования некоторых норм о PRs в ущерб экологическим и иным мерам, не противоречащим НАФТА; также приводятся общие для 11 главы оговорки и исключения (ст.1108). Так, в деле «ADF Group Inc. v. USA» (2003) рассматривались меры, которые, по мнению США, подпадали под исключения ст. 1108(7)(a) и (8)(b), регламентирующих государственные поставки. Инвестор оспаривал правомерность Закона о содействии наземным перевозкам 1982 года, в соответствии с которым при строительстве магистралей, финансируемых из федерального бюджета, может использоваться только отечественная сталь. Арбитры МЦУИС легко квалифицировали данное правило как запрещаемое требование местного содержания[24], однако были вынуждены признать применимость заявленных исключений[25].

В рамках ВТО также рассматривалось устраняющее действие клаузулы о государственных закупках в отношении запрета «тримс». Статья 3 ТРИМС предусматривает отступления от положений Соглашения на основании общих исключений ГАТТ по ст.XX, но изъятие государственных закупок из-под запрета «тримс» следует из положений ст.III: 8 (a) ГАТТ. В деле «Canada – Renewable Energy» (2012) апелляционный орган установил применимость данного исключения к ст. 2.2 ТРИМС и Иллюстративному перечню[26]. Такая позиция была обоснована

[18] Panel Report on Indonesia – Autos, para. 5.364

[19] Panel Report on Indonesia – Autos, para. 14.63

[20] Appellate Body Report, Canada – Renewable Energy / Feed-In Tariff Program, WT/DS412/AB/R, WT/DS426/AB/R, 6 May 2013, para. 5.208

[21] Panel Report on Italian Discrimination Against imported agricultural machinery, para.24

[22] Panel Report, Indonesia – Autos, paras. 14.41- 14.45

[23] Panel Report, Indonesia – Autos, para. 14.50

[24] ADF Group Inc. v. United States of America, Case No. ARB(AF)/00/1, Award by ICSID, 6 January 2003, para.159

[25] ADF Group Inc. v. USA, para. 170

правилом о действии ТРИМС «без ущерба для других прав и обязательств, предусмотренных ГАТТ» (ст.2.1 ТРИМС). В данном случае право «проводить различие между отечественными и иностранными товарами для целей государственных закупок» было отнесено к тем самым «другим правам, предусмотренным ГАТТ». Вместе с тем какие-либо исключения из правила об ограничении «тримс» нельзя рассматривать как путь к свободе выбора любых удобных мер. Их применение обусловлено двухступенчатой проверкой обоснованности: с точки зрения справедливости и недискриминации, а с другой стороны – бремени доказывания. Рациональный подход к определению области действия запрета также составляет весомый компонент эффективности нормы.

Можно видеть, что изначально принятые нормы регулирования PRs в рамках ВТО и НАФТА были не свободны от недостатков. Помимо небольшого объёма регулирования (только пять видов PRs из возможного множества), соглашение ТРИМС не даёт четких формулировок для квалификации мер, а соглашение НАФТА, наоборот, обозначило слишком жёсткие рамки ограничения PRs. Практика разрешения споров в рамках ВТО и арбитража по НАФТА позволила выявить эти изъяны и даже выработала способы их исправления. При урегулировании спора по «тримс» или PRs арбитры обращаются к категориям «цели» и «воздействия» принятых мер. Эффективность принципа также основывается на его самодостаточности. Его действие тесно связано с другими международными нормами и стандартами, но само по себе - безусловно. Действие запрета имеет свои разумные пределы: соглашения НАФТА и ТРИМС предусматривают исключения, позволяющие учитывать социально-экономические обстоятельства введения performance requirements. Таким образом, на современном этапе можно констатировать достаточную эффективность принципа запрета PRs в рамках ВТО и НАФТА. ■

[26] Appellate Body Reports, Canada – Renewable Energy / Feed-In Tariff Program, paras. 5.19-5.33.

Литература:

1. Данельян А.А. Регулирование режима иностранных инвестиций в рамках ВТО // Право и государство: теория и практика. 2015. №12 (132). С.75-78.
2. Данельян А.А. Соглашение по связанным с торговлей инвестиционным мерам (ТРИМс) и принцип «performance requirements» // Евразийский юридический журнал. 2016. №1 (92). С. 71-73.
3. Каширкина А.А., Морозов А.Н. Международно-правовые модели Европейского Союза и Таможенного союза: сравнительный анализ: монография / отв. ред. А.Я. Капустин. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Юридическая фирма «Контракт», 2012. – 368 с.
4. Montesquieu, Notes sur l'Angleterre, Œuvres Complètes 331, 332 (Editions du Seuil 1964)/ Mark Weston Janis, International Courts and the Efficacy of International Law / University of Connecticut School of Law, 1987.
5. Shima Baradaran, Michael Findley, Daniel Nelson, J. C. Sharman, Does International Law matter?/Minnesota Law Review, Issue 97, 2013 – p.743-837.
6. Joshua Kleinfeld, Skeptical Internationalism: A Study of Whether International Law is Law/ Fordham Law Review, Volume 78, Issue 5, Article 11, 2010 – P.2505.
7. Luka Burazin, The Concept of Law and Efficacy/ Accepted for publication in Sellers, Mortimer, Kirste, Stephan (Eds.), Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy, Springer, forthcoming 2019 – URL: https://www.researchgate.net/publication/317872826_The_Concept_of_Law_and_Efficacy (дата обращения: 14.11.2018).
8. Panel Report on Italian Discrimination Against imported agricultural machinery, (L/833 - 7S/60), adopted on 23 October 1958 - Para.12.
9. Panel Report on Canada: Administration of the Foreign Investment Review Act (FIRA), BISD 30S/140, adopted on 7 February 1984, para.5.4.
10. Panel Report on EEC - Regulation on Imports of Parts and Components, BISD 37S/132, adopted on 16 May 1990, para 5.21.
11. Pope & Talbot Inc. v. Government of Canada, Interim Award by Arbitral Tribunal, 26 June 2000, para.75.
12. Panel Report on Indonesia — Certain Measures Affecting the Automobile Industry, WT/DS54/R, WT/DS55/R, WT/DS59/R, WT/DS64/R, 2 July 1998, para.14.80.
13. Panel Report on Canada – Renewable Energy / Feed-In Tariff Program, WT/DS412/R, WT/DS426/R, 19 December 2012, para. 7.110.
14. Merrill & Ring Forestry L.P. v. The Government of Canada, (ICSID Case No. UNCT/07/1) 31 March 2010, para.110.
15. Cargill, Incorporated v. United Mexican States, ICSID Case No. ARB(AF)/05/2), Award 18 September 2009, para.317.
16. EC – Bananas III, WT/DS27/R/USA, Panel Report adopted 25 September 1997, para.445.
17. Appellate Body Report, Canada – Renewable Energy / Feed-In Tariff Program, WT/DS412/AB/R, WT/DS426/AB/R, 6 May 2013, para. 5.208.
18. ADF Group Inc. v. United States of America, Case No. ARB(AF)/00/1, Award by ICSID, 6 January 2003, para.159.

TAGS: инвестиционные меры, performance requirements, ТРИМС, ВТО, НАФТА

investment measures, performance requirements, TRIMS, WTO, NAFTA

Данельян А.А.,
д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России.

Магомедова О.С.,
слушатель 2 курса магистратуры «Международное экономическое право», МГИМО (У) МИД России.

Annotation

This study highlights the effectiveness of a developing rule of international investment law - the principle of a ban on "performance requirements". The evaluation of the effectiveness of the principle is based on the analysis of the legal technique of its presentation, its place in the system of norms, the scale of its operation. In view of the ideological and historical background, the analysis of the principle is given on the example of the agreements TRIMS and NAFTA. It traces the path of development of the principle from the very concept of the norm to its modern content in the context of the practice of resolving disputes. ■

Аннотация

В настоящем исследовании освещаются вопросы эффективности развивающейся нормы международного инвестиционного права - принципа запрета «performance requirements». Оценка эффективности принципа строится на анализе юридической техники его изложения, места в системе норм, масштаба действия. Ввиду идейных и исторических предпосылок, анализ принципа приводится на примере соглашений ТРИМС и НАФТА. Прослеживается путь развития принципа от самого замысла нормы до его современного содержания в контексте практики разрешения споров. ■

Нормы международного инвестиционного права и инвестиционное право США: сравнительно-правовой анализ

The rules of international investment law and investment law of the United States: a comparative legal analysis

По данным Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР), в настоящее время США входят в пятерку государств с наибольшим внутренним валовым продуктом[1].

Несмотря на то что в 2016 г. рост инвестиций в экономику США составил 0,6%, отметим, что с 2010 г. данный показатель не был отрицательным и в среднем составляет около 3,3%[2]. По прогнозам ОЭСР, в 2018-2019 гг. рост инвестиций в США будет стабильным и составит не менее 3,8%[3]. При этом в 2016 г. более 50% всех инвестиций в США составили портфельные инвестиции[4] в американские холдинговые компании[5]. США, по данным Конференции ООН по торговле и развитию (далее – ЮНКТАД), имели в 2015 году 21,5% мировых притоков прямых инвестиций (379 млрд. долл.) и 20,2% оттока прямых инвестиций (299 млрд. долл.)[6].

Согласно оценке ЮНКТАД, в 2018-2019 гг. США имеют наибольший потенциал для получения прямых иностранных инвестиций и в настоящее время занимают лидирующую позицию[7].

Необходимо отметить, что на практике статистические данные могут не учитывать некоторые виды инвестиций. Во-первых, к ним относятся те, которые поставляются в США третьим способом поставки по классификации Всемирной торговой организации (далее – ВТО), то есть посредством коммерческого присутствия на территории, так как предприятия, инкорпорированные в США, становятся национальными субъектами гражданских правоотношений. Во-вторых, такими инвестициями являются косвенные инвестиции, осуществляемые за рубежом через третьи страны. Соответственно, данные статистики могут несколько искажать действительное положение дел в меньшую сторону. Тем не менее они, в любом случае, указывают на привлекательность американской юрисдикции для иностранных инвесторов.

Международно-правовое понятие «инвестиций» играет существенную роль как для государства, экспортирующего инвестиции, так и для государства, принимающего инвестиции. Для первого наличие законодательно закрепленного понятия инвестиций позволяет определить, интересы каких инвесторов подпадают под международную защиту. Для последнего закрепление такого понятия на международном уровне определяет то, какие инвестиции такое государство стремится привлечь. Также международно-правовое закрепление понятия инвестиций позволяет инвесторам понять, в какой форме могут быть осуществлены иностранные инвестиции так, чтобы они подпадали под защиту, предусмотренную в международных соглашениях.

ЮНКТАД выделяет следующие подходы к определению понятия «инвестиции», которые впоследствии были введены в нормы инвестиционного права США:

- определение инвестиций как предприятия;
- определение инвестиций как коммерческого присутствия;
- определение инвестиций как активов[8].

Первый подход впервые получил свое закрепление в Соглашении о свободной торговле между США и Канадой 1988 г.[9] Здесь инвестиции определяются как учреждение нового коммерческого предприятия или приобретение коммерческого предприятия и включают в себя:

- новое или уже существующее коммерческое предприятие, учрежденное или приобретенное таким образом, что инвестор, осуществивший инвестиции, приобретает над ним контроль;
- доля или иной инвестиционный интерес в таком коммерческом предприятии, находящемся в собственности инвестора, если последний сохраняет над ним контроль[10].

[1] Официальный сайт ОЭСР. URL: https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm (дата последнего посещения 25.03.2018 г.)

[2] Официальный сайт ОЭСР. URL: https://data.oecd.org/gdp/investment-gfcf.htm#indicator-chart (дата последнего посещения 25.03.2018 г.)

[3] Официальный сайт ОЭСР. URL: https://data.oecd.org/gdp/investment-forecast.htm#indicator-chart (дата последнего посещения 25.03.2018 г.)

[4] Официальный сайт ОЭСР. URL: https://data.oecd.org/gdp/investment-by-sector.htm#indicator-chart (дата последнего посещения 25.03.2018 г.)

[5] См. Обзор состояния экономики и основных направлений внешнеэкономической деятельности США в 2016 г., Вашингтон, 2017. С. 62. (Внешнеторговый портал Минэкономразвития России - URL: http://91.206.121.217/TpApi/Upload/1f6aa804-c305-4ea1-93ae-7812424d34c5/obzor_economy_usa_2016.pdf; дата последнего посещения 25.03_2018 г.)

[6] ЮНКТАД официальный сайт. URL: https://unctad.org/en/Pages/Home.aspx

[7] См. ЮНКТАД, Доклад о мировых инвестициях 2017: инвестиции и цифровая экономика. Основные тенденции и общий обзор. Нью-Йорк и Женева, 2017. С. 23, 25 (URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_overview_ru.pdf (дата последнего посещения 25.03.2018 г.)

[8] См. Scope and Definitions: UNCTAD Series on Issues in International Investment Agreements II, United Nations, New York and Geneva, 2011. С. 21-24

[9] См. там же, с. 22

Впоследствии рассмотренный подход к понятию инвестиций был воспринят и в Североамериканском соглашении о свободной торговле 1992 года, в котором, тем не менее, понятие инвестиций было расширено и включило в себя:

- предприятие;
- акции предприятия;
- долговые ценные бумаги предприятия, если предприятие является аффилированным по отношению к инвестору или если изначальный срок погашения долговой ценной бумаги составляет не менее трех лет, за исключением долговых ценных бумаг государственных предприятий;
- заём, выданный предприятию при условиях, аналогичных тем, что применяются к долговым ценным бумагам предприятия;
- доля в предприятии, управомочивающая своего владельца участвовать в распределении дохода или прибыли такого предприятия;
- иная доля в предприятии, управомачивающая своего владельца участвовать в распределении активов предприятия при прекращении его деятельности;
- недвижимое или иное имущество, материальное или нематериальное, приобретенное или используемое с целью извлечения экономической выгоды или в иных коммерческих целях;
- преимущества, вытекающие из вложения капитала или иных ресурсов с целью ведения экономической деятельности, к которым, в частности, относятся договоры, предусматривающие присутствие собственности инвестора на территории договаривающейся стороны (договоры о сдаче «под ключ», договоры строительства, концессии), а также договоры, вознаграждение по которым зависит от производительности, доходности или прибыльности предприятия[11].

Рассмотренное положение свидетельствует о том, что, во-первых, под сферу действия Североамериканского соглашения о свободной торговле, в отличие от Соглашения о свободной торговле между США и Канадой, подпадают портфельные инвестиции; во-вторых, в тексте этого соглашения рассматриваемый подход к определению инвестиций представлен не в чистом виде, а в смешанном, так как в понятие инвестиций включаются и иные активы, хотя и связанные с деятельностью предприятия.

Определение инвестиций как предприятия актуально для нормативно-правовых актов, регулирующих доступ инвестиций на внутренний рынок и режим, предоставляемый инвестициям после такого доступа. Подобное определение инвестиций позволяет урегулировать доступ инвестиций на внутренний рынок, устанавливая его конкретные формы в виде определенных видов предприятий, а не любых активов, каковыми являются, например, товары и услуги[12]. С другой стороны, рассмотренное определение инвестиций ограничивает сферу действия международного соглашения, не распространяя его на инвестиции, осуществленные в формах иных, чем предприятия.

Второй подход определяет инвестиции как коммерческое присутствие, т.е. юридическое лицо, учрежденное инвестором на территории принимающего инвестиции государства, а также филиалы и представительства предприятия инвестора. В связи со значительным ограничением предмета регулирования, такие формулировки чаще всего используются в специальных соглашениях, целью которых является либерализация торговли услугами. Обычно соглашения, определяющие инвестиции как коммерческое присутствие, регулируют исключительно их доступ на рынок, в то время как вопросы экспроприации, компенсации, иной защиты инвестиций не входят в сферу их регулирования[13]. Примером использования рассмотренного подхода является Генеральное соглашение по торговле услугами 1995 г. (далее – ГАТС), в котором коммерческое присутствие рассматривается как один из способов трансграничной поставки услуг[14]. ГАТС предусматривает аутентичное определение коммерческого присутствия, согласно которому под коммерческим присутствием понимается любая из форм «делового или профессионального учреждения, в частности организованного посредством учреждения, приобретения или сохранения юридического лица либо создания или использования филиала с целью поставки услуг» на территорию другого члена ВТО[15]. Отметим, что ГАТС имеет обязательную силу для США, так как они являются членом ВТО[16].

Согласно третьему подходу инвестиции определяются как активы. Такой подход наиболее часто используется в инвестиционных соглашениях и двусторонних соглашениях о поощрении и взаимной защите инвестиций. Обычно соответствующая формулировка предусматривает, что понятие инвестиций охватывает «любые активы» или «любые экономические преимущества». Таким образом, под понятие инвестиций подпадают практически любые экономические блага[17]. В ряде соответствующих нормативно-правовых договоров приводится более детальный перечень активов, охватываемых термином «инвестиции». Однако такие перечни не являются исчерпывающими.

Двусторонние соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций, подписанные США, в общем виде содержат следующее определение инвестиций. Инвестиции – это любой актив, в отношении которого инвестор обладает правом собственности либо прямым или косвенным контролем, либо актив, обладающий качествами инвестиции, к которым относятся вложение капитала или иных ресурсов, ожидание прибыли или дохода либо принятие рисков. В США к инвестициям относятся:

- предприятия;
- акции, доли и иные формы уча-

[10] Art. 1611, Free Trade Agreement between Canada and the United States of America, 1988 (URL: http://www.international.gc.ca/trade-commerce/assets/pdfs/agreements-accords/cusfta-e.pdf (дата последнего посещения 09.04.2018 г.)

[11] Art. 1139, North America Free Trade Agreement, 1992 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/2412 (дата последнего посещения 09.04.2018 г.)

[12] См. Scope and Definitions: UNCTAD Series on Issues in International Investment Agreements II, United Nations, New York and Geneva, 2011. С. 22-23

[13] См. там же, с. 23

[14] Art. 1.2.c., General Agreement on Trade in Services, 1995 (URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/26-gats_01_e.htm (дата последнего посещения 09.04.2018 г.)

[15] Art. 28.d, General Agreement on Trade in Services, 1995 (URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/26-gats_01_e.htm (дата последнего посещения 09.04.2018 г.)

[16] Официальный сайт ВТО: URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/org6_e.htm (дата последнего посещения 06.05.2018 г.)

[17] См. Scope and Definitions: UNCTAD Series on Issues in International Investment Agreements II, United Nations, New York and Geneva, 2011. С. 24

стия в уставном или акционерном капитале предприятия;
- облигации и иные формы долговых и кредитных обязательств;
- фьючерсы, опционы и иные финансовые инструменты;
- договоры о сдаче «под ключ», строительстве, управлении, производстве, концессии, о разделе продукции и иные подобные договоры и права по таким договорам;
- права интеллектуальной собственности: авторские и связанные с ними права, патенты, права на селекционные достижения, права промышленной собственности, права на топологии интегральных схем, права на охраняемую коммерческую информацию, включая ноу-хау и иные конфиденциальные сведения, торговые марки, торговые наименования;
- лицензии, разрешения и иные подобные права, предоставленные в соответствии с внутренним законодательством;
- иное материальное или нематериальное, движимое или недвижимое имущество и связанные с ним имущественные права, такие как аренда, ипотека, залог или иное обеспечительное право[18].

При этом признается, что двусторонние соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций содержат широкое понятие инвестиций, так как последние могут принимать различные формы выгоды, прав требования или иных имущественных прав. По общему правилу, в понимание таких соглашений не входят требования, вытекающие исключительно из торговых сделок, таких как международная купля-продажа товаров, не подразумевающая каких-либо инвестиций[19].

Третий подход к определению инвестиций наиболее актуален для таких нормативно-правовых договоров, которые в первую очередь обеспечивают доступ и защиту инвестиций.

В рамках двусторонних соглашений о поощрении и взаимной защите инвестиций Россия и США имеют единообразное понимание в отношении понятия «иностранные инвестиции», согласно которому к таким инвестициям относятся инвестиции, осуществляемые одной стороной такого соглашения на территории другой[20].

Оговорка о том, что изменение формы инвестиций не влияет на их квалификацию в качестве инвестиций содержится лишь в пяти соответствующих соглашениях США, т.е. в 12,5% действующих соглашений США, каждое из которых было заключено до 1997 г.[21] В этой связи можно сделать вывод о том, что после 1997 г. США отказались от использования такой формулировки в двусторонних соглашениях и поощрения и взаимной защиты инвестиций, что может привести к возникновению сложностей у американских инвесторов и инвесторов тех государств, с которыми США заключили соответствующие соглашения, например в случае денонсации таких соглашений.

Для того чтобы определить, подпадают ли активы под понятие инвестиций, используется тест Салини, разработанный в рамках дела, рассмотренного в Международном центре по урегулированию инвестиционных споров. Такое нововведение было вызвано тем, что в конвенции, учреждающей центр, отсутствует определение инвестиций. В связи с этим были выделены следующие признаки инвестиций:

1) вложение капитала;

2) определенный период исполнения контракта;

3) рисковый характер сделки;

4) вклад в экономическое развитие принимающего инвестиции государства[22].

Впоследствии указанные критерии получили широкое применение в практике разрешения инвестиционных споров[23].

Отношение к иностранным инвестициям в США еще в 1791 году выразил Александр Гамильтон:

[18] Art. 1, Treaty between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Rwanda Concerning the Encouragement and Reciprocal Protection of Investment, 2008 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/2241 (дата последнего посещения 07.04.2018 г.) // Art. 1, Treaty between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Mozambique Concerning the Encouragement and Reciprocal Protection of Investment, 1998 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/2058 (дата последнего посещения 07.04.2018 г.) // Art. 1, Treaty between the Government of the United States of America and the Government of the Hashemite Kingdom of Jordan Concerning the Encouragement and Reciprocal Protection of Investment, 2003 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/1776 (дата последнего посещения 07.04.2018 г.) // Art. 1.1., Treaty with the Czech and Slovak Federal Republic Concerning the Reciprocal Encouragement and Protection of Investment, 1991 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/994 (дата последнего посещения 07.04.2018 г.)

[19] Message from the President of the United States Transmitting Treaty between the Government of the United States and the Government of the Hashemite Kingdom of Jordan Concerning the Encouragement and Reciprocal Protection of Investment with Annex and Protocol, Signed at Amman on July 2, 1997, U.S. Government Printing Office, Washington, 2000. С. 6-7 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/2058 (дата последнего посещения 07.04.2018 г.) // Message from the President of the United States Transmitting Treaty between the Government of the United States and the Government of Mozambique Concerning the Encouragement and Reciprocal Protection of Investment with Annex and Protocol, Signed at Washington on December 1, 1998, U.S. Government Printing Office, Washington, 2000. С. 6-7 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/2058 (дата последнего посещения 07.04.2018 г.)

[20] Ст. 3, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Ангола о поощрении и взаимной защите капиталовложений, 2009 г. («Собрание законодательства РФ», 15.08.2011, N 33, ст. 4897) // П. 1 ст. 1, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Исламской Республики Иран о поощрении и взаимной защите капиталовложений, 2015 г. («Собрание законодательства РФ», 22.05.2017, N 21, ст. 2972) // Art. 1.e., Treaty between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Croatia Concerning the Encouragement and Reciprocal Protectopn of Investment, 1996 (http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/897 (дата последнего посещения 08.04.2018 г.) // Art. 1.e., Treaty between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Azerbaijan Concerning the Encouragement and Reciprocal Protectopn of Investment, 1997 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/246 (дата последнего посещения 08.04.2018 г.)

[21] Art. 1.c, Treaty between the United States of America and the People's Republic of Bangladesh Concerning the Reciprocal Encouragement and Protection of investment, 1986 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/278 (дата последнего посещения 08.04.2018 г.) // Art. 1.c, Treaty between the United States of America and the People's Republic of Zaire Concerning the Reciprocal Encouragement and Protection of investment, 1984 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/828 (дата последнего посещения 08.04.2018 г.) // Art. 1.c, Treaty between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Croatia Concerning the Reciprocal Encouragement and Protection of investment, 1996 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/897 (дата последнего посещения 08.04.2018 г.) // Art. 1.d., Treaty between the Government of the United States of America and the Government of the Hashemite Kingdom of Jordan Concerning the Reciprocal Encouragement and Protection of investment, 1997 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/1776 (дата последнего посещения 08.04.2018 г.) // Art. 1.c., Treaty between the United States of America and the Republic of the Senegal Concerning the Reciprocal Encouragement and Protection of investment, 1983 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/2249 (дата последнего посещения 08.04.2018 г.

[22] Salini Costruttori S.p.A. and Italstrade S.p.A. v. Kingdom of Morocco (ICSID Case N ARB/00/4) (URL: http://italaw.com (дата последнего посещения 15.05.2018 г.)

[23] Saipem S.p.A v. the People's Republic of Bangladesh (ICSID Case N ARB/05/07) (URL: http://italaw.com (дата последнего посещения 15.05.2018 г.) // Toto Costruzioni Generali S.p.A v. the Republic of Lebanon (ICSID Case N ARB/07/12) (URL: http://italaw.com (дата последнего посещения 15.05.2018 г.) // Biwater Gauff (Tanzania) Ltd. v. United Republic of Tanzania (ICSID Case N ARB/05/22) (URL: http://italaw.com (дата последнего посещения 15.05.2018 г.)

«Вероятно, существуют люди, которые с ревностью смотрят на привлечение иностранного капитала, рассматривая его как инструмент, используемый, чтобы лишить наших собственных граждан возможности получить прибыли от национальной промышленности. Однако не найдется более необоснованной ревности. Вместо того, чтобы видеть в иностранном инвесторе конкурента, следует воспринимать его как очень ценного помощника, способного повысить производительность труда и запустить больше полезных предприятий, по сравнению с тем, на что мы способны без его помощи»[24].

В США, как федеративном государстве, действует особенный механизм регулирования иностранных инвестиций[25]. Необходимо отметить, что «вопросы регулирования торговли между США и различными государствами и штатами (так называемая Dormant Commerce Clause)[26], так же как и вопросы, связанные с реализацией США своих внешнеполитических функций[27] (Exclusive Federal foreign affairs power), согласно Конституции относятся исключительно к ведению федеральных органов власти»[28]. В судебном решении по делу Zschering v. Miller[29] Верховный суд США также подчеркнул, что регулирование международных отношений — сфера исключительно федеральных властей. Также было отмечено, что «введение каких-либо существенных мер по контролю за инвестициями с высокой степенью вероятности будет противоречить духу и букве более чем сорока двусторонних торговых и инвестиционных договоров, многие из которых были подписаны в течение последних десяти лет, а также нашим обязательствам, закрепленным в Кодексе о либерализации движения капиталов ОЭСР»[30]. То есть каждый закон, принимаемый на территории США, который регулирует иностранные инвестиции, должен всегда учитывать те положения международных инвестиционных договоров, стороной которых являются США. Следовательно, необходимо учитывать и нормы, заложенные в таких договорах. Например, в ст. 11 НАФТА зафиксировано, что каждая из сторон должна «предоставить инвесторам другой стороны режим не менее благоприятный, чем тот, который она предоставляет при схожих обстоятельствах своим инвесторам в отношении учреждения, приобретения, расширения, управления, ведения, функционирования, продажи или иного распоряжения инвестициями»[31].

Конгресс наделен властью регулировать поведение иностранных резидентов и устанавливать условия американского резидентства и их допуск на территорию США[32]. В Конституции США нет положений, напрямую разрешающих регулирование иностранных инвестиций в США[33], поэтому федеральная власть обладает лишь ограничительными полномочиями. В основе этой позиции лежат следующие конституционные нормы: федеральная компетенция

[24] 3 Annals of Congress 994 (1791).

[25] См. Об иностранных инвестициях в США: глава 19 книги Шумилов В.М., Акчурин Т.Ф. Правовая система США, учебное пособие, 4-е изд., переработанное – М.: Международные отношения, 2019

[26] Более подробно об этой доктрине и судебных прецедентах, которые привели к ее созданию, см.: Williams, Norman. «Why Congress May Not Overrule the Dormant Commerce Clause», 53 UCLA L. Rev. 153 (2005); Gibbons v. Ogden, 22 U.S. 1 (1824); Willson v. Black-Bird Creek Marsh Co., 27 U.S. 245 (1829); Cooley v. Board of Wardens, 53 U.S. 299 (1852); Railroad v. Pennsylvania, 82 U.S. (15 Wall.) 232 (1873).

[27] См. Constitution of the United States of America, Article I, Section 8 (1787) - URL: https://www.constituteproject.org/constitution/United_States_of_America_1992?lang=en

[28] См. Акчурин Т.Ф., Суздальцев Е.С. Особенности регулирования иностранных инвестиций в США // Международный правовой курьер: электронное сетевое издание URL: http://inter-legal.ru/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-inostrannyh-investitsij-v-ssha

[29] Zscherning v. Miller, 389 U.S. 429 (1967).

[30] United States Regulation of Foreign Direct Investment: Current Developments and the Congressional Responses, 15 Va. J. Int'l L. 611, 621 (1975).

[31] НАФТА - официальный сайт. URL: http://www.naftanow.org/agreement/default_en.asp

[32] См. Fiallo v. Bell, 430 U.S. 787 (1977).

[33] См. Seitzinger Michael V. Foreign Investment in the United States: Major Federal Statutory Restrictions // June 17, 2013/Congressional Research Service.7-5700. URL: www.crs.gov.RL33103

в вопросах миграции и принятия в гражданство[34], торговля между штатами и международная торговля[35] и обязанность принятия необходимых мер для национальной обороны[36].

Однако детализация предписаний и положений об участии иностранных инвесторов в проектах на территории штатов устанавливается законодательными и исполнительными органами отдельных штатов. Существуют различные государственные программы, стимулирующие инвестирование на различных уровнях в США (от федерального до местного). Программы учитывают особенности и потребности штатов или отдельных территорий в иностранных инвестициях. Руководство администраций как в штатах, так и на местном уровне самостоятельно «определяет перспективные направления промышленного развития за счет как государственных, так и привлеченных средств»[37].

Среди федеральных актов США важное место по вопросу регулирования прямых иностранных инвестиций занимает ряд федеральных законов. Федеральный закон «Обзорный акт по международным инвестициям и торговым услугам» (International Investment and Trade in Services Survey Act of 1976)[38] закрепляет дефиниции иностранных инвесторов и инвестиций, а также то, что президент США наделяется полномочиями «собирать информацию об иностранных инвестициях и внешней торговле услугами в США напрямую или через нижестоящие структуры, включая информацию, необходимую для оценки влияния таких инвестиций и торговли; разрешать сбор и использование информации о прямых инвестициях, принадлежащих или подконтрольных прямо или косвенно иностранным правительствам или лицам; предоставлять анализ такой информации Конгрессу, органам исполнительной власти и общественности»[39]. Президент США делегировал предусмотренные этим законом полномочия по изучению информации о прямых инвестициях Министерству торговли, а анализ сведений о портфельных инвестициях – Министерству финансов[40]. К обязанностям президента также отнесено обязательное исследование (раз в 5 лет) всех иностранных инвестиций и опубликование информации об иностранных инвестициях, включая сведения о владении иностранными правительствами долями в аффилированных юридических лицах США, если такое владение или наличие контроля у иностранных лиц превышает 50% голосов, доказательства владения предприятиями, включая коммерческие, в которых доля голосов, принадлежащих иностранным лицам, не превышает 50%, а также иные доказательства о принадлежности предприятий[41]. Поправки 1990 г. также предусматривают, что президент может запрашивать отчет о наиболее информативных доступных сведениях о прямых иностранных инвестициях в определенных секторах экономики у Департамента экономического анализа Министерства торговли США[42].

«Акт об усовершенствовании раскрытия информации в отношении внутренних и внешних инвестиций» (Domestic and Foreign Investment Improved Disclosure Act of 1977) дополняет «Акт об иностранных коррупционных практиках» (Foreign Corrupt Practices Act of 1977[43]) и вносит поправки в «Акт о торговле ценными бумагами» (Securities Exchange Act of 1934[44]), закрепляя нормы, согласно которым любое лицо, приобретающее не менее 5% акций предприятия, зарегистрированных в Комиссии по ценным бумагам и биржам, должно раскрыть определенную информацию, включая сведения о своем гражданстве и месте пребывания. Рассматриваемый закон нацелен на иностранных инвесторов и направлен на повышение способности федерального правительства осуществлять мониторинг иностранных инвестиций в Соединенных Штатах Америки[45].

Следующим важным документом, регулирующим иностранные инвестиции в США, является «Акт о прямых иностранных инвестициях и усовершенствовании международной финансовой информации» (Foreign Direct Investment and International Financial Data Improvements Act of 1990[46]). Данный документ обязует Департамент учёта обеспечить доступ к собранным данным Департаменту экономического анализа (ДЭА) Министерства торговли США для точности анализа прямых иностранных инвестиций в США и предоставлении информации общественности и Конгрессу. Кроме того, Министерство торговли и Главное контрольно-финансовое управление США обязаны предоставлять всю запрашиваемую информацию обо всех инвестициях Конгрессу США[47].

«Акт о раскрытии информации об иностранных инвестициях в сельское хозяйство» (Agricultural Foreign Investment Disclosure Act of 1978)[48] содержит два основных требования: 1) иностранное лицо, которое приобретает или отчуждает долю, не являющуюся предметом залога, в сельскохозяйственных угодьях, должно подать отчет в Министерство сельского хозяйства не позднее 90 дней с даты такого приобретения или отчуждения[49]; 2) иностранное лицо, имевшее какую-либо долю, не являющуюся предметом залога, в сельскохозяйственных угодьях до даты всту-

[34] Constitution of the United States of America, Article I, Section 8, P.4 (1787) - URL: https://www.constituteproject.org/constitution/United_States_of_America_1992?lang=en

[35] Constitution of the United States of America, Article I, Section 8, P.3 (1787) - URL: https://www.constituteproject.org/constitution/United_States_of_America_1992?lang=en

[36] Constitution of the United States of America, Article I, Section 8, P.12 (1787) - URL: https://www.constituteproject.org/constitution/United_States_of_America_1992?lang=en

[37] Портал Внешнеэкономической Информации Министерства Экономического развития России. – информация по состоянию на 05.03.2017г., URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/us/about_us/laws_ved_us/invest_law_us/].

[38] International Investment and Trade in Services Survey Act of 1976 (22 U.S.C. §§3101 et seq

[39] International Investment and Trade in Services Survey Act of 1976 (22 U.S.C. §3101(b).

[40] E.O. 11961 (January 19, 1977), 42 Fed. Reg. 4321.

[41] International Investment and Trade in Services Survey Act of 1976 (22 U.S.C. §3101(a)(5).

[42] International Investment and Trade in Services Survey Act of 1976 (22 U.S.C. §3103(h).

[43] Foreign Corrupt Practices Act of 1977 (P.L. 95-213)

[44] Securities Exchange Act of 1934 (Exchange Act, '34 Act, or 1934 Act) (Pub. L. 73 – 291, 48 Stat. 881, 15 U.S.C. § 78a et seq.)

[45] Hearing on S. 245, The Foreign Investment Act of 1975 Before the Subcomm. On Securities of the Senate Comm. On Banking, Housing, and Urban Affairs, 94th Cong., 1st Sess. (1975).

[46] Foreign Direct Investment and International Financial Data Improvements Act of (22 U.S.C. 1990 § 3141 et seq.

[47] Foreign Direct Investment and International Financial Data Improvements Act of (22 U.S.C. 1990 § 3142, 3143

[48] Agricultural Foreign Investment Disclosure Act of 1978 (7 U.S.C. §§3501 et seq.)

[49] Agricultural Foreign Investment Disclosure Act of 1978 (7 U.S.C. §3501(a).

пления в силу настоящего закона, должно подать в Министерство сельского хозяйства отчёт не позднее 180 дней с даты вступления закона в силу[50].

Федеральный закон «Об иностранных инвестициях и национальной безопасности» 2007 г.[51] «Положения акта усиливают контроль и упорядочивают процедуру допуска иностранного капитала в отрасли, которые могут быть связаны с национальной безопасностью. Закон предоставляет Комитету полномочия по проверке широкого круга инвестиционных сделок, включающих приобретение активов и объектов «критической инфраструктуры, работа которых может оказать негативное влияние на национальную безопасность страны», в случае если в сделки включаются «системы и имущество как материального, так и виртуального характера, которые являются жизненно важными для страны»[52].

Кроме вышеназванных документов, в той или иной степени инвестиции регулируют «Законы Голубого Неба»[53], модельный закон «О ценных бумагах» (Uniform Securities Act of 1956)[54], модельный закон «О ценных бумагах» (Uniform Securities Act) от 2002 года с последними поправками от 2005 года[55], федеральные законы «О торговле ценными бумагами»[56] и «О ценных бумагах»[57], федеральный закон «Об улучшении регулирования рынка ценных бумаг»[58], дополнивший закон «О торговле ценными бумагами» вопросами рынка капиталов (Capital markets), федеральный закон «О единых стандартах в части судебных разбирательств в сфере ценных бумаг»[59], поправка Эксона-Флорио[60] к федеральному закону, известному как «Всеобъемлющий Закон по торговле и конкуренции» 1988 года[61], устанавливающая право президента США осуществлять мониторинг любых иностранных инвестиций и приостанавливать и блокировать их осуществление при наличии угрозы национальной безопасности.

Нельзя забывать и акт «О сплочении и укреплении Америки путём обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму» (USA PATRIOT Act)[62]. В соответствии с этим документом, при осуществлении различных финансовых транзакций в Соединенных Штатах иностранные инвесторы в США, включая их семьи и помощников, должны быть более открытыми с информацией, касающейся таких вопросов, как статус собственности и непринадлежность к некоторым личностям и организациям, оцененным как неблагоприятные для национальной безопасности США[63]. Важное место в нормативной базе США по вопросу регулирования прямых иностранных инвестиций занимает федеральный закон «Об иностранных инвестициях и национальной безопасности» 2007 г.[64] Положения акта усиливают контроль и упорядочивают процедуру допуска иностранного капитала в отрасли, которые могут быть связанны с национальной безопасностью. Закон предоставляет Комитету полномочия по проверке широкого круга инвестиционных сделок, включающих приобретение активов и объектов «критической инфраструктуры, работа которых может оказать негативное влияние на национальную безопасность страны», в случае если в сделки включаются «системы и имущество как материального, так

[50] Agricultural Foreign Investment Disclosure Act of 1978 (7 U.S.C. §3501(b).

[51] Foreign Investment and National Security ACT of 2007 (Pub.L. 110–49, 121 Stat. 246, enacted July 26, 2007)

[52] См. Акчурин Т.Ф., Суздальцев Е.С. Особенности регулирования иностранных инвестиций в США / Международный правовой курьер - электронное сетевое издание // URL: http://inter-legal.ru/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-inostrannyh-investitsij-v-ssha

[53] URL: http://www.seclaw.com/bluesky.htm

[54] URL: http://www.nasaa.org/wp-content/uploads/2011/08/UniformSecuritesAct1956withcomments.pdf

[55] URL: http://www.uniformlaws.org/shared/docs/securities/securities_final_05.pdf

[56] Securities Exchange Act of 1934 (Exchange Act, '34 Act, or 1934 Act) (Pub. L. 73 – 291, 48 Stat. 881, 15 U.S.C. § 78a et seq.)

[57] Securities Act of 1933 (the 1933 Act, the Securities Act, the Truth in Securities Act, the Federal Securities Act, or the 33 Act) (T. I of Pub. L. 73 - 22, 48 Stat. 74, 15 U.S.C. § 77a et seq.)

[58] National Securities Markets Improvement Act of 1996 (NSMIA) (Pub. L. 104 - 290, 110 St. 3416; 15 U.S.C. 78a)

[59] Securities Litigation Uniform Standards Act of 1998 (SLUSA) (Pub. L. 105 - 353, 112 St. 3227; 15 U.S.C.)

[60] Exon–Florio Amendment of 1988 (Pub. L. 100-418, § 5021, 102 Stat. 1107, 1164; 50 U.S.C. app 2170)

[61] Omnibus Trade and Competitiveness Act of 1988 (Pub.L. 100-418, § 1301, 102 Stat. 1107, 1164; 19 U.S.C. ch. 17 § 2901 et seq.)

[62] Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001, (Pub. L. 107-56)

[63] См. Акчурин Т.Ф., Суздальцев Е.С. Особенности регулирования иностранных инвестиций в США // Международный правовой курьер: электронное сетевое издание URL: http://inter-legal.ru/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-inostrannyh-investitsij-v-ssha

[64] Foreign Investment and National Security ACT of 2007 (Pub.L. 110–49, 121 Stat. 246, enacted July 26, 2007)

и виртуального характера, которые являются жизненно важными для страны»[65]. В США отсутствуют универсальные, общие ограничения иностранных инвестиций. В свою очередь Конгресс США в течение многих лет придерживается позиции, что иностранные инвестиции должны быть ограничены в некоторых сферах, влияющих на национальную безопасность государства: морское судоходство, авиастроение, банковское дело, ресурсы и энергетика, различные коммерческие проекты, связанные с исполнением государственных контрактов[66].

В Соединенных Штатах, в соответствии с действующим законодательством, все инвесторы имеют равные возможности для участия в финансовых механизмах инвестиций наряду с американскими гражданами, кроме определенных случаев, которые касаются безопасности страны. Здесь отсутствуют: необходимость получения официального разрешения от финансовых органов, чтобы создать предприятие в Соединенных Штатах; валютный контроль; требования по регистрации инвестиций от иностранного акционерного капитала или займов. Иностранный инвестор в целом свободен в принятии любых решений по финансированию американского предприятия. Проценты и ставка роялти, взимаемые с американской компании, могут свободно определяться, хотя они будут тщательно изучены американскими налоговыми службами. Нет требований к регистрации в отношении соглашений о передаче технологий. Принадлежащее иностранцу американское предприятие может свободно перевести прибыль за пределы США, и его владельцы могут беспрепятственно перевести на родину свои акции или долговые капиталовложения. Дивиденды, проценты, гонорары и плата за услуги могут быть также беспрепятственно переведены на родину инвестора, хотя такие переводы могут подвергаться обложению подоходным налогом в 30% или в соответствующих случаях более низким договорным показателем[67]. Более того, власти штатов и органы местного самоуправления в США поощряют иностранное капиталовложение для улучшения роста собственной экономики путем предоставления налоговых льгот, субсидий, прямых займов, что приводит к росту числа рабочих мест, расширению налоговой базы и сокращению затрат на социальное обеспечение населения[68].

Можно сделать вывод, что американское действующее законодательство под иностранными (международными) инвестициями понимает:

- право собственности или прямой или косвенный контроль, вытекающие из договора или иного основания, принадлежащие иностранным лицам в форме каких-либо прав на имущество, расположенное на территории США, акций, облигаций или иных ценных бумаг, краткосрочных или долгосрочных долговых обязательств американского лица;
- право собственности или прямой или косвенный контроль, вытекающие из договора или иного основания, принадлежащие лицам США в форме каких-либо прав на имущество, расположенное за пределами территории США, или акции, облигации или иные ценные бумаги, краткосрочные или долгосрочные долговые обязательства иностранного лица[69]. Однако самого понятия иностранных инвестиций в федеральном законодательстве как такового не существует.

Отметим, что согласно рассмотренному определению под понятие иностранных инвестиций подпадают исключительно имущественные права, но не само имущество, за исключением ценных бумаг. Считаем, что данная особенность имеет значение исключительно с юридико-технической точки зрения, так как фактически регулирование имущественных прав определяет и правовой статус самого имущества, в отношении которого эти права установлены. Тем не менее данный подход не был воспринят в международных договорах США, в которых прямо установлено, что инвестициями могут являться как имущественные права, так и само имущество.

Таким образом, в США действует более широкое определение иностранных инвестиций, и под соответствующее правовое регулирование подпадают как те правоотношения, которые связаны с осуществлением инвестиций иностранными инвесторами на территории США, так и те, которые связаны с осуществлением инвестиций американскими инвесторами за рубежом. Кроме того, согласно действующему в США подходу к понятию иностранных инвестиций, к ним могут относиться и объекты некоммерческой деятельности. Например, инвестициями могут быть права на имущество, используемое в благотворительных, творческих, научных целях. Наконец, понимание иностранных инвестиций не содержит пояснения о том, что инвестиции должны иметь денежную оценку, так как это прямо следует из того, что инвестициями являются имущественные права, которые априори имеют материальную ценность.

Кроме того, необходимо признать роль Верховного суда США в формировании правового поля, регулирующего в той или иной степени инвестиции. В 1917 году в деле *Joseph McKenna in Hall v. Geiger-Jones Co.,* 242 U.S. 539 (1917), Верховный суд США признал конституционность ценных бумаг. «В решении Верховного суда 1946 года[70] были впервые сформулированы критерии, по которым впоследствии относили тот или иной инвестиционный институт к ценным бумагам. Таковыми основаниями считаются: наличие общего предприятия держателя и эмитен-

[65] См. Акчурин Т.Ф., Суздальцев Е.С. Особенности регулирования иностранных инвестиций в США // Международный правовой курьер: электронное сетевое издание. URL: http://inter-legal.ru/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-inostrannyh-investitsij-v-ssha

[66] См. Акчурин Т.Ф., Суздальцев Е.С. Особенности регулирования иностранных инвестиций в США // Международный правовой курьер: электронное сетевое издание. URL: http://inter-legal.ru/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-inostrannyh-investitsij-v-ssha и Seitzinger Michael V. Foreign Investment in the United States: Major Federal Statutory Restrictions // June 17, 2013/Congressional Research Service.7-5700. URL: www.crs.gov.RL33103

[67] См. Doing Business in the United States: A Guide to the Key Tax Issues - URL: https://www.pwc.com/us/en/tax-services/publications/assets/doing-business-in-the-us-2014.pdf

[68] См. Акчурин Т.Ф., Суздальцев Е.С. Особенности регулирования иностранных инвестиций в США // Международный правовой курьер: электронное сетевое издание. URL: http://inter-legal.ru/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-inostrannyh-investitsij-v-ssha

[69] International Investment and Trade in Survey Act of 1976 (Pub. L. 94-472, 22 U.S.C. ch. 46 §3102.9)

[70] Securities and Exchange Commission v. W. J. Howey Co., 328 U.S. 293 (1946)

та ценных бумаг; инвестирование не только денег, но и какого-либо иного имущества; ожидание прибыли от предприятия, в которое были вложены средства; ожидание такой прибыли исключительно от эмитента или третьего лица, но не от держателя. Решение Верховного суда 2004 года[71] подтвердило силу решения 1946 года»[72]. По делу 2006 года *Merrill Lynch, Pierce, Fenner & Smith, Inc. v. Dabit,* 547 U.S. 71 (2006) Верховный суд США признал важность и легитимность SLUSA[73].

Анализ норм внутригосударственного и международного инвестиционного права, действующих в США, позволяет прийти к выводу, что закрепленное на международном уровне понятие иностранных инвестиций носит более узкий характер, что обусловливается характером международных соглашений. На межгосударственном уровне для целей регулирования иностранные инвестиции выделяются либо по предметному, либо по территориальному принципу, в то время как национальное регулирование имеет своим предметом любые типы инвестиций, осуществляемые в рамках соответствующей государственной юрисдикции.

При регулировании иностранных инвестиций в США более важное значение имеют нормы внутригосударственного права, которые должны учитывать нормы международных договоров, подписанных и ратифицированных. Изначально при определении ролей двух правовых систем произошло столкновение позиций развитых и развивающихся государств. Последние руководствовались «доктриной Кальво» и поддерживали идею верховенства внутригосударственного режима иностранных инвестиций. В свою очередь развитые государства выступали за вынесение правового регулирования иностранных инвестиций на международный уровень. Совместные усилия развитых государств привели к созданию в рамках ОЭСР проектов двух международно-правовых актов: Конвенции об иностранных инвестициях за рубежом 1959 г. и Конвенции о защите иностранной собственности 1967 г. Тем не менее, в связи с возникновением разногласий в группе развитых стран, ни одно из указанных соглашений подписано не было[74].

В настоящее время действует несколько многосторонних международных соглашений, регулирующих иностранные инвестиции.

Двумя ключевыми многосторонними международными актами, предусматривающими регулирование международных инвестиций, являются Вашингтонская конвенция о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств 1965 года (далее – Вашингтонская конвенция) и Сеульская конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций (МАГИ) 1985 года (далее – Сеульская конвенция).

Вашингтонская конвенция определяет порядок разрешения споров между государствами и инвесторами других государств, в частности регламентирует деятельность Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (далее – МЦУИС), проведение примирительной процедуры и арбитража, процессуальные вопросы инвестиционного разбирательства. Сама же инвестиционная деятельность как таковая, режим иностранных инвестиций, права и обязанности иностранных инвесторов и принимающих иностранные инвестиции государств не входят в предмет регулирования рассматриваемой конвенции. Вашингтонская конвенция играет существенную роль в международном инвестиционном праве, на 2018 год конвенцию подписали 153 государства[75]. Отметим, что США являются членами МЦУИС[76].

Сеульская конвенция учреждает Многостороннее агентство по инвестиционным гарантиям, основной целью которого является увеличение роста инвестиционных потоков между государствами-членами[77]. Основным предметом регулирования конвенции является учреждение МАГИ, членство, функционирование агентства, финансовые вопросы, организация и управление МАГИ, голосование, привилегии и иммунитеты, урегулирование споров. В связи с этим также можно сделать вывод о том, что Сеульская конвенция, как и Вашингтонская, в основном регулирует процессуальные вопросы, в то время как режим иностранных инвестиций, права и обязанности экспортирующих и импортирующих инвестиции государств и инвесторов остаются вне предмета их регулирования. Тем не менее МАГИ используется как инструмент защиты интересов инвесторов посредством страхования инвестиций от некоторых видов рисков. География участников Сеульской конвенции обширна и включает в себя США[78].

Попытки разработки многостороннего инвестиционного соглашения предпринимались и на площадке ВТО. Договоренность о начале переговоров по Многостороннему инвестиционному соглашению была достигнута в 2001 году, однако до сих пор переговоры ни к чему не привели, несмотря на не раз озвученное в литературе мнение о потенциальной приемлемости структуры ВТО для целей регулирования не только международной торговли, но и инвестиций. Тем не менее ряд инвестиционных норм содержится и в многосторонних международных соглашениях, подписанных на рассматриваемой площадке. В первую очередь к ним относится Соглашение по инвестиционным мерам, связанным с торговлей (далее - ТРИМС). Указанное соглашение рассматривается как первые попытки установления взаимосвязи между осуществлением капиталовложений и внешней торговли. ТРИМС направлено на ликвидацию в рамках ВТО инвестиционных мер, негативно влияющих на торговые отношения. В частности, к их числу относятся меры, ограничивающие право ин-

[71] Securities and Exchange Commission v Edwards (02-1196) 540 U.S. 389 (2004)

[72] См. Акчурин Т.Ф., Суздальцев Е.С. Особенности регулирования иностранных инвестиций в США // Международный правовой курьер: электронное сетевое издание. URL: http://inter-legal.ru/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-inostrannyh-investitsij-v-ssha

[73] Merrill Lynch, Pierce, Fenner & Smith, Inc. v. Dabit, 547 U.S. 71 (2006)

[74] Шумилов В.М., Международное экономическое право: учебник для магистров, 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрлайт, 2014. С. 533-534.

[75] Официальный сайт МЦУИС: URL: https://icsid.worldbank.org/en/Pages/about/Database-of-Member-States.aspx (дата последнего посещения 14.05.2018 г.)

[76] См. там же

[77] Ст. 2, Сеульская конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций, 1985 г. (Международно-правовые основы иностранных инвестиций в России. Сборник нормативных актов и документов.- М.: Юридическая литература, 1995. С. 197 - 276.)

[78] Официальный сайт МАГИ: URL: https://www.miga.org/who-we-are/member-countries/ (дата последнего посещения 14.05.2018 г.)

вестора беспрепятственно распоряжаться своими вложениями или требующие от инвестора выполнения каких-либо обременительных обязательств с целью получения льгот[79]. Для США ТРИМС носит обязательный характер в связи с их членством в ВТО.

Вторым источником международного инвестиционного права является соглашение ГАТС, подписанное в рамках ВТО и обязательное для всех ее членов. ГАТС регулирует вопросы доступа и режима иностранных инвестиций, осуществленных посредством коммерческого присутствия поставщика услуг одного государства-члена на территории другого государства-члена. Предмет регулирования ГАТС ограничен трансграничной поставкой услуг среди членов ВТО. В рамках соглашения предусмотрено регулирование следующих вопросов: предоставление иностранным поставщикам услуг режима наибольшего благоприятствования, обеспечение транспарентности внутреннего права, затрагивающего интересы иностранных поставщиков услуг, обеспечение функционирования национальных институтов, способствующих защите интересов иностранных поставщиков услуг, признание лицензий, сертификатов, разрешений, квалификаций, образования и опыта работы иностранных поставщиков за рубежом, деятельность монополий и исключительных поставщиков услуг, свобода платежей и переводов, доступ иностранных поставщиков услуг на рынок, предоставление таким поставщикам национального режима, либерализация ограничений в доступе на рынок и предоставлении национального режима, исключения[80]. Отметим, что государства-члены ВТО могут сохранять изъятия из национального режима и свободного доступа на свои рынки посредством ука-

[79] См. Agreement on Trade-Related Investment Measures, 1994 (URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/18-trims_e.htm (дата последнего посещения 15.05.2018 г.)

[80] Art. 1-28, General Agreement on Trade in Services, 1995 (URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/26-gats_01_e.htm (дата последнего посещения 06.05.2018 г.)

зания таких ограничений в своих перечнях специфических обязательств[81].

Североамериканское соглашение о свободной торговле 1992 года (далее – НАФТА) имеет одной из целей привлечение инвестиционных потоков в государства-члены: США, Канаду и Мексику. НАФТА распространяет свое действие на крупнейшую в мире зону свободной торговли. Глава 11 указанного соглашения посвящена правовому регулированию режима инвестиций: предоставление национального режима, предоставление режима наибольшего благоприятствования, установление минимального стандарта обращения и требований к исполнению, урегулирование требований к управлению и совету директоров предприятия-инвестора. НАФТА содержит и ключевые гарантии иностранным инвесторам из договаривающихся государств: гарантия недискриминации, ликвидация особых требований к инвестициям или инвесторам, гарантия свободы переводов финансовых средств, связанных с осуществлением инвестиционной деятельности, гарантия соответствия экспроприации нормам международного инвестиционного права, предоставление судебной защиты[82].

Одним из принципиальных инструментов регулирования иностранных инвестиций являются двусторонние соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций.

В настоящий момент США имеют 40 действующих соглашений о поощрении и защите инвестиций, последнее из которых было подписано в 2008 году. При этом можно выстроить следующую территориальную статистику: 40% соглашений США заключили с европейскими государствами, 25% — с африканскими, 20% — с южноамериканскими и 15% — с азиатскими[83].

Двусторонние соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций, заключенные США, регулируют следующие вопросы: понятие инвестиций, являющихся предметом регулирования, предоставление инвестициям другой договаривающейся стороны национального режима и режима наибольшего благоприятствования, предоставление инвестициям другой стороны справедливого режима и полной защиты и безопасности, ограничение возможности экспроприации инвестиций и выплата соответствующей компенсации в случае экспроприации, свобода платежей и переводов, назначение главных менеджеров и совета директоров на предприятии, обеспечение транспарентности инвестиционного законодательства и административных решений в отношении иностранных инвестиций, сохранение разумных экологических и трудовых стандартов в государстве, принимающем инвестиции, внутригосударственные формальности, связанные с деятельностью иностранных инвесторов[84].

Помимо договоров на международном уровне источником международного инвестиционного права является международный обычай. При рассмотрении одного из инвестиционных споров арбитраж МЦУИС признал государство нарушившим обязанность проявить необходимое усердие в своих отношениях с инвестором. Указанная обязанность находит свое отражение в нормах обычного международного права[85].

Для США на региональном уровне закрепление иностранных инвестиций предусмотрено в НАФТА. Однако указанные акты имеют лишь локальное значение, так как распространяют свое действие исключительно на отношения внутри соответствующих объединений и не касаются отношений с третьими странами.

В настоящее время осуществление иностранных инвестиций закреплено как на международном, так и на национальном уровнях. Включение в законодательство государств международных инвестиционно-правовых норм свидетельствует о стремлении государств привлекать иностранные инвестиции на свою территорию и стимулировать национальных инвесторов к осуществлению инвестиций за рубежом. В свою очередь национальные законодательства позволяют учитывать специфику внутреннего инвестиционного рынка.

Прямые иностранные инвестиции необходимы не только федеральному правительству, они необходимы правительствам штатов, местным органам власти, так как инвестиции помогают создавать дополнительные рабочие места на их территориях. Американское правительство постоянно пытается привлечь в страну как можно больше иностранных инвестиций (selectusa.commerce.gov)[86], создавая различные юридические и коммерческие инструменты для иностранных инвесторов (в том числе государственные и федеральные программы, доступные иностранным инвесторам), желающих вложить свой капитал в Соединенные Штаты. При этом необходимо помнить о том, что в США действуют различные внутригосударственные федеральные нормы, ограничивающие участие иностранных инвесторов в различных сферах и областях.■

[81] См. там же, art. 20.1

[82] Ch. 11, North American Free Trade Agreement, 1992 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/2412 (дата последнего посещения 15.05.2018 г.)

[83] См. UNCTAD Investment Policy Hub: URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/IIA/CountryBits/223#iiaInnerMenu (дата последнего посещения 07.04.2018 г.)

[84] Treaty between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Rwanda Concerning the Encouragement and Reciprocal Protection of Investment, 2008 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/2241 (дата последнего посещения 06.05.2018 г.) // Treaty between the United States of America and the republic of Panama Concerning the Treatment and Protection of Investment, 1982 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/3353 (дата последнего посещения 06.05.2018 г.) // Treaty between the United States of America and the Republic of Bulgaria Concerning the Encouragement and Reciprocal Protection of Investment, 1992 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/556 (дата последнего посещения 06.05.2018 г.)

[85] Asian Agricultural Products Limited v. Republic of Sri Lanka (ICSID Case N ARB/87/3) (ICSID Reports. Cambridge, 1997. Vol. 4. P. 246 – 251)

[86] См., например, на сайте: URL: https://www.selectusa.gov/about-selectusa

Литература:

- Акчурин Т.Ф., Суздальцев Е.С. Особенности регулирования иностранных инвестиций в США // Международный правовой курьер: электронное сетевое издание. URL: http://inter-legal.ru/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-inostrannyh-investitsij-v-ssha
- Шумилов В.М. Международное экономическое право: учебник для магистров, 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014.
- Шумилов В.М., Акчурин Т.Ф. Правовая система США: учебное пособие, 4-е изд., переработанное. – М.: Международные отношения, 2019.
- 3 Annals of Congress 994 (1791).
- Doing Business in the United States: A Guide to the Key Tax Issues. URL: https://www.pwc.com/us/en/tax-services/publications/assets/doing-business-in-the-us-2014.pdf
- Hearing on S. 245, The Foreign Investment Act of 1975 Before the Subcomm. On Securities of the Senate Comm. On Banking, Housing, and Urban Affairs, 94th Cong., 1st Sess. (1975).
- Message from the President of the United States Transmitting Treaty between the Government of the United States and the Government of the Hashemite Kingdom of Jordan Concerning the Encouragement and Reciprocal Protection of Investment with Annex and Protocol, Signed at Amman on July 2, 1997, U.S. Government Printing Office, Washington, 2000. C. 6-7 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/

TreatyFile/2058
• Message from the President of the United States Transmitting Treaty between the Government of the United States and the Government of Mozambique Concerning the Encouragement and Reciprocal Protection of Investment with Annex and Protocol, Signed at Washington on December 1, 1998, U.S. Government Printing Office, Washington, 2000. C. 6-7 (http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/2058
• Scope and Definitions: UNCTAD Series on Issues in International Investment Agreements II, United Nations, New York and Geneva, 2011.
• Seitzinger Michael V. Foreign Investment in the United States: Major Federal Statutory Restrictions // June 17, 2013/ Congressional Research Service.7-5700.www.crs.gov.RL33103.
• United States Regulation of Foreign Direct Investment: Current Developments and the Congressional Responses, 15 Va. J. Int'l L. 611, 621 (1975).
• Williams, Norman. «Why Congress May Not Overrule the Dormant Commerce Clause», 53 UCLA L. Rev. 153 (2005)

Интернет-ресурсы:
• ВТО: Официальный сайт. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/org6_e.htm
• МАГИ: Официальный сайт. URL: https://www.miga.org/who-we-are/member-countries/ (дата последнего посещения 14.05.2018 г.)
• МЦУИС: Официальный сайт. URL: https://icsid.worldbank.org/en/Pages/about/Database-of-Member-States.aspx
• НАФТА - официальный сайт. URL: http://www.naftanow.org/agreement/default_en.asp
• Обзор состояния экономики и основных направлений внешнеэкономической деятельности США в 2016 г., Вашингтон, 2017. С. 62. (Внешнеторговый портал Минэкономразвития России. URL: http://91.206.121.217/TpApi/Upload/1f6aa804-c305-4ea1-93ae-7812424d34c5/obzor_economy_usa_2016.pdf;
• ОЭСР: Официальный сайт. URL: https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm
• Портал внешнеэкономической информации Министерства экономического развития России. – Информация по состоянию на 05.03.2017 г., URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/us/about_us/laws_ved_us/invest_law_us/].
• ЮНКТАД официальный сайт. URL: https://unctad.org/en/Pages/Home.aspx
• ЮНКТАД, Доклад о мировых инвестициях 2017: инвестиции и цифровая экономика. Основные тенденции и общий обзор. Нью-Йорк и Женева, 2017. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_overview_ru.pdf
• UNCTAD Investment Policy Hub. URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/IIA/CountryBits/223#iiaInnerMenu
. URL: http://www.nasaa.org/wp-content/uploads/2011/08/UniformSecuritesAct1956withcomments.pdf
. URL: http://www.seclaw.com/bluesky.htm
. URL: http://www.uniformlaws.org/shared/docs/securities/securities_final_05.pdf
. URL: https://www.selectusa.gov/about-selectusa

Нормативные документы (международные договоры, исполнительные соглашения, акты Конгресса, статуты и др.) использованные в работе
• Вашингтонская конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами, юридическими и физическими лицами других государств 1965 г URL: http://sccinstitute.com/media/69150/icsid_convention_ru.pdf
• Сеульская конвенция об учреждении Международного агентства по гарантиям инвестиций (МАГИ - МИГА) 1985 URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_33966.html
• North American Free Trade Agreement, 1992 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/2412
• Agreement on Trade-Related Investment Measures, 1994 (URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/18-trims_e.htm
• Free Trade Agreement between Canada and the United States of America, 1988 - URL: http://www.international.gc.ca/trade-commerce/assets/pdfs/agreements-accords/cusfta-e.pdf
• General Agreement on Trade in Services, 1995 (URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/26-gats_01_e.htm
• Treaty between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Rwanda Concerning the Encouragement and Reciprocal Protection of Investment, 2008 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/2241
• Treaty between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Mozambique Concerning the Encouragement and Reciprocal Protection of Investment, 1998 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/2058
• Treaty between the Government of the United States of America and the Government of the Hashemite Kingdom of Jordan Concerning the Encouragement and Reciprocal Protection of Investment, 2003 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/1776
• Treaty between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Croatia Concerning the Encouragement and Reciprocal Protectopn of Investment, 1996 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/897
• Treaty between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Azerbaijan Concerning the Encouragement and Reciprocal Protectopn of Investment, 1997 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/246
• Treaty between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Croatia Concerning the Reciprocal Encouragement and Protection of investment, 1996 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/897
• Treaty between the Government of the United States of America and the Government of the Hashemite Kingdom of Jordan Concerning the Reciprocal Encouragement and Protection of investment, 1997 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/1776
• Treaty between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Rwanda Concerning the Encouragement and Reciprocal Protection of Investment, 2008 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/2241
• Treaty between the United States of America and the People's Republic of Zaire Concerning the Reciprocal Encouragement and Protection of investment, 1984 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/828
• Treaty between the United States of America and the People's Republic of Bangladesh Concerning the Reciprocal Encouragement and Protection of investment, 1986 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/278
• Treaty between the United States of America and the Republic of Bulgaria Concerning the Encouragement and Reciprocal Protection of Investment, 1992 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/556
• Treaty between the United States of America and the republic of Panama Concerning the Treatment and Protection of Investment, 1982 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/3353
• Treaty between the United States of America and the Republic of the Senegal Concerning the Reciprocal Encouragement and Protection of investment, 1983 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/2249
• Treaty with the Czech and Slovak Federal Republic Concerning the Reciprocal Encouragement and Protection of Investment, 1991 (URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/994
• Constitution of the United States of America (1787) URL: https://www.constituteproject.org/constitution/United_States_of_America_1992?lang=en
• Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Ангола о поощрении и взаимной защите капиталовложений, 2009 г. (СЗ РФ, 15.08.2011, N 33, ст. 4897).
• Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Исламской Республики Иран о поощрении и взаимной защите капиталовложений, 2015 г. (СЗ РФ, 22.05.2017, N 21, ст. 2972).
• Agricultural Foreign Investment Disclosure Act of 1978 (7 U.S.C. §§3501 et seq.).
• Foreign Direct Investment and International Financial Data Improvements Act of (22 U.S.C. 1990 § 3141 et seq.
• Foreign Corrupt Practices Act of 1977 (P.L. 95-213).
• Securities Act of 1933 (the 1933 Act, the Securities Act, the Truth in Securities Act, the Federal Securities Act, or the 33 Act) (T. I of Pub. L. 73 - 22, 48 Stat. 74, 15 U.S.C. § 77a et seq.).
• Securities Exchange Act of 1934 (Pub.L. 73–291, 48 Stat. 881, enacted June 6, 1934, codified at 15 U.S.C. § 78a et seq.).
• International Investment and Trade in Services Survey Act of 1976 (22 U.S.C. §§3101 et seq.
• International Investment and Trade in Survey Act of 1976 (Pub. L. 94-472; 22 U.S.C. ch. 46).
• Omnibus Trade and Competitiveness Act of 1988 (Pub.L. 100-418, § 1301, 102 Stat. 1107, 1164; 19 U.S.C. ch. 17 § 2901 et seq.).
• Exon–Florio Amendment of 1988 (Pub. L. 100-418, § 5021, 102 Stat. 1107, 1164; 50 U.S.C. app 2170).
• National Securities Markets Improvement Act of 1996 (NSMIA) (Pub. L. 104 - 290, 110 St. 3416; 15 U.S.C. 78a).
• Securities Litigation Uniform Standards Act of 1998 (SLUSA) (Pub. L. 105 - 353, 112 St. 3227; 15 U.S.C.).
• Foreign Investment and National Security Act of 2007 (Pub.L. 110–49, 121 Stat. 246, enacted July 26, 2007).
• Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001 (Pub. L. 107-56).
• E.O. 11961 (January 19, 1977), 42 Fed. Reg. 4321.

Судебные прецеденты, использованные в работе:
• Biwater Gauff (Tanzania) Ltd. v. United Republic of Tanzania (ICSID Case N ARB/05/22) (URL: http://italaw.com).
• Cooley v. Board of Wardens, 53 U.S. 299 (1852).
• Fiallo v. Bell, 430 U.S. 787 (1977).
• Gibbons v. Ogden, 22 U.S. 1 (1824).
• Merrill Lynch, Pierce, Fenner & Smith, Inc. v. Dabit, 547 U.S. 71 (2006).
• Railroad v. Pennsylvania, 82 U.S. (15 Wall.) 232 (1873).
• Saipem S.p.A v. the People's Republic of Bangladesh (ICSID Case N ARB/05/07) URL: http://italaw.com.
• Salini Costruttori S.p.A. and Italstrade S.p.A. v. Kingdom of Morocco (ICSID Case N ARB/00/4) URL: http://italaw.com.
• Securities and Exchange Commission v Edwards (02-1196) 540 U.S. 389 (2004).
• Securities and Exchange Commission v. W. J. Howey Co., 328 U.S. 293 (1946).
• Toto Costruzioni Generali S.p.A v. the Republic of Lebanon (ICSID Case N ARB/07/12) URL: http://italaw.com.
• Willson v. Black-Bird Creek Marsh Co., 27 U.S. 245 (1829);
• Zscherning v. Miller, 389 U.S. 429 (1967).

TAGS: иинвестиционное законодательство, международное инвестиционное право, защита инвестиций, прямые и портфельные инвестиции, инвестиционное право США

investment legislation, international investment law, investment protection, direct and portfolio investments, investment law in the United States

Акчурин Т.Ф.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры государства и права Дипломатической академии МИД РФ, доцент кафедры публичного права Всероссийской академии внешней торговли МЭР РФ

Марченко А.В.,
магистрант международно-правового факультета Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России

Annotation

The article analyzes the legal framework for foreign investments in the US and the correlation between the provisions of internal law of the United States and the provisions of international investment law. ■

Akchurin Timur F.,
Ph. D. in Law, Associate Professor of Public Law Department at the Russian Foreign Trade Academy, and Associate Professor of State and Law Department at Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry

Marchenko Anastassiya V.,
postgraduate student of Russian Foreign Trade Academy Ministry of Economic Development of Russian Federation, faculty of International law.

Аннотация

Статья посвящена анализу правового регулирования иностранных инвестиций в Соединенных Штатах и соотношения норм внутреннего законодательства США с нормами международного инвестиционного права. ■

Реализация принципа недискриминации личности в международном и национальном праве

The implementation of the principle of non-discrimination of the person in international and national law

> Дискриминация как явление существовала на протяжении всей человеческой истории, начиная с возникновения государства[1].

Явление дискриминации тесно связано с расслоением общества, которое, в свою очередь, ведет к социальному неравенству. Однако сам принцип недискриминации личности был закреплен в международном праве лишь в середине XX века[2]. Этот шаг ознаменовал собой запрещение дискриминации, а также гарантированность каждому члену общества равного объема прав и свобод. Важно отметить, что искоренение всех форм дискриминации является одной из основных целей Организации Объединенных Наций. Так, положения Устава ООН закрепляют осуществление международного сотрудничества, способствующего развитию всеобщего уважения к правам человека и основным свободам для всех без различия расы, пола, языка и религии (п.3 ст.1, п. «с» ст.55). Несмотря на общепризнанность принципа равноправия, вопрос о дискриминации является одной из наиболее насущных проблем на фоне такого явления, как миграционный кризис. Беженцы и мигранты в первую очередь подвергаются расовой дискриминации, нетерпимости и ненависти. Политика государств по постоянному перемещению беженцев и мигрантов затрудняет получение статуса беженца и усугубляется недостатком доступа к информации. Таким образом, последствием дискриминации является ущемление прав людей в политических, семейных, трудовых, административных и социально-экономических отношениях, что, в свою очередь, ведет к препятствиям в реализации указанных прав.

Рассматривая дефиницию «дискриминация» в широком смысле, важно обратить внимание на то, что в различных международно-правовых актах может содержаться разное понятие дискриминации. В некоторых случаях акт, который содержит запрет на дискриминацию, не раскрывает, какое именно обращение считается дискриминационным. В этой связи контрольные органы данного акта вырабатывают понятие дискриминации в ходе практики[3]. Несмотря на различные подходы, в целом в международном гуманитарном праве под дискриминационным явлением понимается различие, неравное обращение с членами общества из-за наличия у них каких-либо особенностей, которые с юридической точки зрения не могут быть причиной нарушения принципа равенства. Важно заметить, что дискриминация – это не только неравноправие перед судом и законом, но и, в частности, неравенство в обращении в остальных сферах жизни: экономической, культурной, политической, социальной и других. Целью дискриминационных действий является затруднение или невозможность для людей, характеризующихся отличительными чертами, реализовывать какие-либо права человека и основные свободы[4].

Дискриминацию можно разделить на насильственную и ненасильственную. К насильственной дискриминации относятся преступления, направленные против жизни и здоровья человека, совершенные по мотивам принадлежности потерпевших к определенной группе. К ненасильственной дискриминации относятся такие действия, как предвзятое отношение к представителям определенных групп при приеме на работу, предоставлении жилплощади, оказании услуг. Последствия ненасильственной дискриминации часто недооцениваются, в то время как именно этот вид дискриминации создает напряженность в обществе и ведет к межэтническим и религиозным конфликтам, которые, в свою очередь, являются трудноурегулируемыми.

Дискриминация бывает прямой и косвенной[5]. Прямая дискриминация проявляется явно и намеренно в отношении лица, с которым обращаются менее благоприятно, по признаку расовой, этнической, религиозной и языковой принадлежности, а также по признакам пола, возраста и состояния здоровья. Косвенная дискриминация, как правило, непреднамеренна и имеет место в случае внешнего, очевидно нейтрального

[1] Данельян А.А. Национализация в современном международном праве // Закон. – 2014. – №4. – С. 147.

[2] Данельян А.А., Фархутдинов И.З. Международный инвестиционный арбитраж: Учебное пособие. – М.; СПб., Центр гуманитарных инициатив, 2013. – С 246.

[3] Данельян А.А. Международное экономическое право в условиях глобализации: проблемы развития // Право и государство: теория и практика. – 2014. – №1(109). – С.129.

[4] Данельян А.А. Правовые аспекты политических рисков при осуществлении иностранной инвестиционной деятельности // Евразийский юридический журнал. – 2014. – №5 (72). – С. 52.

[5] Данельян А.А. Экономические санкции как политический риск при осуществлении иностранной инвестиционной деятельности // Аграрное и земельное право. – 2016. – №1 (133). – С. 100.

положения, критерия или практики, которые ставят одно лицо в определенно неблагоприятное положение по сравнению с другими лицами[6].

Самыми яркими примерами международно-правовых актов, в которых закреплен принцип запрета дискриминации, являются Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. Наиболее полный список международных документов, в которых он нашел отражение, содержится в книге «Дискриминация вне закона: сборник документов»[7].

В названных документах закреплены гарантии эффективной защиты от дискриминации, независимо от ряда признаков, а именно: расы, цвета кожи, пола человека, языка, религиозных и политических убеждений, национального происхождения, социального статуса, имущественного положения и т.п. Однако международно-правовой акт, полностью посвященный ликвидации всех форм дискриминации, а также раскрывающий содержание принципа недискриминации личности, в международном праве отсутствует[8].

Непосредственно сам принцип недискриминации личности О.В. Вашанова предлагает определить как общепризнанную норму международного права, заключающуюся в запрещении различия в правовом положении людей – обладания ими неодинаковым объемом прав и свобод человека, – при условии, что такое различие: а) основано на естественных или социальных признаках людей – пол, раса, религия и др., не влияющих на пользование конкретным правом, б) направлено на нарушение правового равенства, т.е. гарантированной государством равной возможности осуществления одинакового объема прав и свобод человека[9].

На международно-правовом уровне защита от дискриминации обеспечивается с помощью установления минимальных стандартов равного обращения в рамках системы защиты прав человека, которым должны соответствовать внутреннее законодательство и правоприменительная практика государства[10].

Рассмотрим подробнее системы защиты прав человека. Их принято разделять на универсальную и региональную. К универсальной системе относится Организация Объединенных Наций и ее специализированные учреждения, такие как МОТ, ВОЗ, ЮНЕСКО и другие. Обеспечение региональной системы осуществляется в рамках отдельных региональных организаций, а именно Совета Европы, Европейского Союза, Африканского Союза и др. Следовательно, стандарты и механизмы защиты от дискриминации существуют как универсальные, так и региональные. Формирование двухуровневой системы защиты от дискриминации, в свою очередь, является катализатором активного развития национальных систем защиты. Таким образом, международно-правовая защита от дискриминации является неотъемлемой составной частью международно-правовой системы защиты прав человека. В свою очередь закрепление принципа недискриминации личности на международном уровне послужило мощным импульсом для появления соответствующих норм в национально-правовых системах, направленных на борьбу с дискриминацией[11].

Для реализации данного принципа необходимо соблюдение ос-

---

[6] Защита личности от дискриминации. Методические рекомендации для преподавателя. М: Новая Юстиция, 2009. Гл. 1. С. 9-10

[7] Дискриминация вне закона: Сборник документов / Под ред. А.Я. Капустина. М.: Юристъ, 2003.

[8] Данельян А.А. К вопросу об односторонних санкциях в международном праве // Международный правовой курьер. – 2016. – № 1(13). – С. 7.

[9] Вашанова О.В. Принцип недискриминации личности в международном праве: дис. канд. юрид. наук: 12.00.10 – Москва, 2004. – 232 с.

[10] Данельян А.А. Иностранные инвестиции: некоторые аспекты взаимодействия международного и национального права // Евразийский юридический журнал. – 2011. – №8 (39). – С. 59.

[11] Данельян А.А. Правовые вопросы принудительного изъятия иностранной собственности и иностранных инвестиций в современном международном праве // Право и политика. – 2014. – № 4. – С.470.

новополагающих стандартов в области прав человека и равное к нему обращение. Соответственно, национальное законодательство государств должно соответствовать общепринятым стандартам. В случае их нарушения государством должны быть предоставлены субсидии с целью предоставления правовой защиты.

При принятии антидискриминационных законов государства исходят из различных целей: 1) предоставить адекватные средства защиты лицам, пострадавшим от дискриминации; 2) обеспечить превентивные меры по ограничению сферы распространения дискриминации; 3) противодействие факторам, которые могут поддерживать косвенную дискриминацию[12]. Для достижения одной из этих целей государство может следовать следующим правилам: 1) провозгласить четко и недвусмысленно публичную политику в соответствующей области; 2) обеспечить меры поддержки тем, у кого не было намерения дискриминировать, однако он был вынужден делать это из-за социальных причин; 3) обеспечить средства и защиту восстановления прав, которые были нарушены по отношению к представителям меньшинств; 4) предусмотреть меры для мирного урегулирования конфликтов; 5) снизить уровень предвзятости по отношению к представителям меньшинств путем введения ответственности за поведение, в котором такая предвзятость присутствует; 6) снизить уровень систематической дискриминации путем изменения политики и практики, которая ведет к косвенной дискриминации; 7) установить стандарты, с помощью которых можно оценивать общественное и личное поведение и улучшать его; 8) создать площадку, где соответствующее ведомство могло бы озвучивать эти стандарты, а также создать механизм – возможно, введя специализированные административные суды – для развития эффективных средств защиты[13]. Таким образом, характерным признаком антидискриминационных законов является не только закрепление негативных, но и позитивных обязательств, то есть осуществление мер с целью обеспечения равноправия и искоренения всех форм дискриминации. Однако дискриминация все еще имеет место быть. Более того, процесс глобализации, затрагивающий как развитые, так и страны третьего мира, приводит к усилению дискриминации по различным признакам: национальная и расовая принадлежность, гражданство, пол, возраст и т.д. Кроме того, появляются новые виды дискриминации, например «генетическая дискриминация».

Дискриминация является одной из причин вооруженных конфликтов, агрессивных действий по отношению к той либо иной группе населения, обладающей рядом особенностей. Это свидетельствует о приобретении дискриминацией международного характера и о невысокой эффективности международно-правовых норм, направленных на ее ликвидацию. Сама практика применения запрета на дискриминацию международными органами и судами характеризует несомненное развитие содержания принципа недискриминации. Однако для эффективной реализации недостаточно лишь факта воздержания от неравного обращения. Принцип запрета дискриминации нуждается в конкретизации как на международном, так и на национальном уровне[14].

Принцип недискриминации личности нашел свое отражение в Конституции Российской Федерации, в частности в ч.2 ст.19, которая устанавливает следующее: «Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности». Несмотря на то что в самом тексте формулировка “дискриминации” отсутствует, содержание текста явно указывает на запрет дискриминации по различным человеческим особенностям. Таким образом, можно выявить, что запрет дискриминации реализуется и гарантируется в Российской Федерации непосредственно через основной закон – Конституцию РФ и, соответственно, является конституционным запретом ограничения или ущемления прав и основных свобод гражданина, а также

[12] MacEwen E. Comparative Non-Discrimination Law: An Overview //Non-Discrimination Law: Comparative Perspective. The Hague, 1999 p. 427-428.

[13] MacEwen E. Comparative Non-Discrimination Law: An Overview //Non-Discrimination Law: Comparative Perspective. The Hague, 1999 p. 427

[14] Данельян А.А. Иностранные инвестиции: некоторые аспекты взаимодействия международного и национального права // Евразийский юридический журнал. – 2011. – №8 (39). – С. 60.

лиц без гражданства, независимо от их особенностей, заложенных биологически либо социально. Однако отсутствие единой терминологии, в том числе и определения термина «дискриминация», а также отсутствие в российском законодательстве специального акта, запрещающего дискриминационные действия, являются препятствиями на пути к реализации данного принципа[15].

Рассматривая правоприменительную практику в Российской Федерации, следует отметить, что при обращении в суд восстанавливаются нарушенные права. В случае с дискриминацией у людей нет самостоятельного права не подвергаться дискриминационным действиям, при этом, право, которое отстаивает лицо может носить различный характер – право на прием на работу, на продвижение по службе и т.д. А дискриминация, в свою очередь, используется лишь как индикатор того, что к разным людям из одной социальной группы обращаются по-разному незаконно. Из этого следует, что личность может лишь доказывать свое право, например на получение одинаковой зарплаты при равных условиях труда, но способа защиты в качестве принятия факта дискриминации не существует. Ярким примером служит отклонение районными судами Москвы в апреле 2017 дела по иску Евгении Магуриной и Ирины Иерусалимской против «Аэрофлота» за дискриминационную политику по возрасту, внешнему виду и весу.

Таким образом, дискриминация противоречит самой концепции прав человека. Об этом свидетельствует то, что принцип недискриминации является основополагающей идеей Всеобщей декларации прав человека. Ликвидация данного феномена предполагает построение правового государства, становление демократического общества и развитие личности как таковой. ■

Литература:
1. MacEwen E. Comparative Non-Discrimination Law: An Overview //Non-Discrimination Law: Comparative Perspective. The Hague, 1999.
2. Вашанова О.В. Принцип недискриминации личности в международном праве: дис. канд. юрид. наук: 12.00.10 – Москва, 2004.
3. Дискриминация вне закона: Сборник документов / Под ред. А.Я. Капустина. М.: Юристъ, 2003.
4. Данельян А.А. Национализация в современном международном праве // Закон. – 2014. – №4. – С. 147.
5. Данельян А.А., Фархутдинов И.З. Международный инвестиционный арбитраж: Учебное пособие. – М.; СПб., Центр гуманитарных инициатив, 2013. – С. 246.
6. Данельян А.А. Международное экономическое право в условиях глобализации: проблемы развития // Право и государство: теория и практика. – 2014. – №1(109). – С.129.
7. Данельян А.А. Правовые вопросы принудительного изъятия иностранной собственности и иностранных инвестиций в современном международном праве // Право и политика. – 2014. – № 4. – С.470.
8. Данельян А.А. Иностранные инвестиции: некоторые аспекты взаимодействия международного и национального права // Евразийский юридический журнал. – 2011. – №8 (39). – С. 59.
9. Данельян А.А. Правовые аспекты политических рисков при осуществлении иностранной инвестиционной деятельности // Евразийский юридический журнал. – 2014. – №5 (72). – С. 52.
10. Данельян А.А. Экономические санкции как политический риск при осуществлении иностранной инвестиционной деятельности // Аграрное и земельное право. – 2016. – №1 (133). – С. 100.
11. Данельян А.А. К вопросу об односторонних санкциях в международном праве // Международный правовой курьер. – 2016. – № 1(13). – С. 7.
12. Данельян А.А., Никулин Е.Н. Организационно-правовые формы сотрудничества Всемирной торговой организации (ВТО) с другими международными межправительственными организациями // Аграрное и земельное право. – 2017. – №3 (147). – С. 139.
13. Защита личности от дискриминации. Методические рекомендации для преподавателя. М: Новая Юстиция, 2009.
14. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] :принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. : (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ30 декабря 2008 № 6-ФКЗ и № 8 – ФКЗ) // СПС «Консультант плюс». – URL: http://www.consultant.ru/
15. Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005.
16. Права человека: энциклопедический словарь / Отв. ред. С.С. Алексеев. М.: Норма, 2009.

TAGS: дискриминация, принцип недискриминации личности, права человека, международное право прав человека, международное гуманитарное право

discrimination, the principle of non-discrimination of the person, human rights, international human rights law, international humanitarian law.

Глебов И.Н.,
д.ю.н., профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России;

Зимненко Б.Л.,
д.ю.н., заместитель начальника управления – начальник отдела международного права Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации;

Мазманян А.С.,
студентка 2 курса магистратуры факультета международных отношений и международного права Дипломатической академии МИД России;

Рыбаков Ю.М.,
д.ю.н., профессор кафедры дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России;

Толмачев П.И.,
д.э.н., заведующий кафедрой мировой экономики и международных экономических отношений Дипломатической академии МИД России.

Abstract

The article deals with the concept of "discrimination", its consolidation in international legal documents and the legislation of the Russian Federation. The types of discrimination, as well as mechanisms for protecting the individual from discrimination, have been studied in detail. The law-enforcement practice of Russian courts is briefly considered when considering issues related to discrimination of the individual. ■

Glebov I.N.,
Doctor of Law, Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia;

Zimnenko B.L.,
Doctor of Laws, Deputy Head of Department - Head of the International Law Department of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation;

Mazmanyan A.S.,
2nd year master's student at the Faculty of International Relations and International Law, Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of Russia;

Rybakov Yu.M.,
Doctor of Law, Professor of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia;

Tolmachev PI,
Doctor of Economics, Head of the Department of World Economy and International Economic Relations, Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Аннотация

В статье рассматривается понятие «дискриминация», его закрепление в международно-правовых документах и законодательстве Российской Федерации. Подробно изучены виды дискриминации, а также механизмы защиты личности от дискриминации. Кратко рассматривается правоприменительная практика российских судов при рассмотрении вопросов, связанных с дискриминацией личности. ■

[15] Данельян А.А., Никулин Е.Н. Организационно-правовые формы сотрудничества Всемирной торговой организации (ВТО) с другими международными межправительственными организациями // Аграрное и земельное право. – 2017. – №3 (147). – С. 139.

Международные неправительственные организации: вопросы развития законодательства на примере стран СНГ

International non-governmental organizations: the development of legislation on the example of the CIS countries

В конце прошлого века во всем мире наблюдался рост числа международных неправительственных организаций (далее - МНПО). Не было исключением и постсоветское пространство.

Здесь на эту общую тенденцию, накладывалось желание совершить как можно скорее демократический транзит - перейти от тоталитарного государства и плановой, административно-распределительной системы к демократическим и рыночным отношениям. И многие теоретические положения, связанные с МНПО, как нельзя лучше соответствовали этим стремлениям. Для МНПО данные положения заключаются в следующем:

- появление и необходимость решения глобальных проблем, таких как защита прав человека и окружающей среды;
- усиление демократических процессов в сфере внутренних и международных отношений, «институционализированным выражением» которых являются неправительственные организации;
- трансформации в сфере национальных интересов государств: движение от государственных интересов (суверенитета) к общечеловеческим ценностям;
- возрастающее желание индивидуумов увеличить контроль над процессом принятия решений в вопросах, которые затрагивают их жизненные интересы;
- расширение возможностей трансграничных связей и деятельности общественности различных стран, возможностей технологического процесса.

На смену большей частью находящимся под директивным управлением государственных органов, во многом политизированным и идеологизированным общественным организациям, наследию Советского Союза, стали приходить добровольные объединения граждан, представляющие собой бескорыстную ассоциацию активных людей, руководствующихся общемировыми ценностями.

Возникнув за короткий период времени практически повсеместно, некоммерческий сектор включился в работу со всеми слоями населения, нуждающимися в правовой защите, способствовал замене идеологических принципов на правовые, создавал условия для создания правового государства. Инициативные программы некоммерческих организаций были направлены в первую очередь на правовое образование граждан, на правовую защиту, бесплатное юридическое консультирование, правовое просвещение. Речь шла о правовой благотворительности социально активных людей, чьим жизненным кредо являлась бескорыстная деятельность во имя гуманности общественных отношений, приоритетов интересов личности[1]. Данный аспект деятельности, безусловно, способствовал построению социально ориентированного правового государства.

Количество некоммерческих организаций перед распадом СССР, по разным данным, составляло от 30 до 40. В Российской Федерации в 1999 г. было зарегистрировано уже 163,9 тыс. некоммерческих организаций, а с учетом государственных и муниципальных некоммерческих организаций количество составило 432,9 тыс.[2]; в 2000 г. – 485 тыс.; в 2004 г. - 600 тыс.[3]. Аналогичные процессы происходят и в других странах СНГ.

В 1995-1996 гг. в российском некоммерческом секторе начал происходить так называемый «процесс кристаллизации». Наряду с растущей дифференциацией некоммерческих организаций по формам и видам деятельности стали появляться центры поддержки (ресурс-центры), информационные службы, учебные курсы и семинары, газеты и журналы, предпринимались попытки объединения, активно обсуждались роль некоммерческого сектора в развитии общества и зарубежный опыт по управлению некоммерческими организациями[4].

Все это способствовало и развитию законодательства в данной сфере правоотношений. Стоит учесть, что организации, действующие в одних государствах, называются некоммерческими, в других – неправительственными. Например, Европейская конвенция о признании правосубъектности международных неправитель-

[1] Бунеева Р.И. Проблемы развития некоммерческих организаций. URL: www.stu.lipetsk.ru/files/materials/612/buneeva.doc (дата обращения: 03.09.2018)

[2] НКО России: предварительные итоги//Деньги и благотворительность. 2001. №1.

[3] Панасенко С. Развитие некоммерческого сектора в России URL: http://observer.materik.ru/observer/N7_2006/7_06.HTM (дата обращения: 03.09.2018)

[4] Панасенко С. Развитие некоммерческого сектора в России URL: http://observer.materik.ru/observer/N7_2006/7_06.HTM (дата обращения: 03.09.2018)

ственных организаций (принята Советом Европы[5] в 1986 г.) выделяет три признака данного института деятельности: некоммерческая цель деятельности; создание в соответствии с внутренним актом какого-либо государства; осуществление деятельности, по меньшей мере, в двух государствах. Согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 23 мая 1968 г. № 1296 (XIV), неправительственной организацией может считаться «любая международная организация, не учрежденная на основании межправительственного соглашения», а ее основополагающим признаком является некоммерческая цель деятельности, отсюда и часто употребляемое название «некоммерческие организации».

Формирование законодательства в сфере некоммерческих организаций

Таким образом, развитие МНПО распадается на два направления:

- организации, занимающиеся (условно) общественными проблемами;
- организации некоммерческого сектора.

Такое деление справедливо, так как, по сути, и опирается на общепринятые положения о подобных организациях.

Законодательство государств в данной сфере правоотношений начинает формироваться в соответствии с данными направлениями, что хорошо видно при рассмотрении модельного законодательства СНГ.

Так, Межпарламентская ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств принимает модельный закон «Об общественных объединениях» (1997 г.).

В модельном законе указывается, что «общественным объединением является добровольное формирование, возникшее в результате свободного волеизъявления граждан, объединившихся на основе общности интересов». Но модельный закон «не распространяется на политические партии, профессиональные союзы, а также на организации, основная цель которых состоит в извлечении прибыли (дохода), на религиозные образования, органы территориального общественного самоуправления (советы и комитеты микрорайонов, домовые, уличные, квартирные, поселковые, сельские комитеты и иные), органы общественной самодеятельности (народные дружины, товарищеские суды и другие)».

В качестве целей создания и деятельности модельный закон определяет: содействие реализации и защите гражданских, экономических, социальных, культурных и иных законных прав и свобод; развитие общественной активности и самодеятельности граждан, удовлетворение их профессиональных и любительских интересов в области научного, технического, художественного творчества; охрана здоровья населения, привлечение его к благотворительной деятельности, вовлечение в занятия массовым спортом и физической культурой; проведение культурно-просветительской работы среди населения; охрана природы, памятников истории и культуры; патриотическое и гуманистическое воспитание; расширение международных связей; укрепление мира и дружбы между народами; осуществление иной деятельности, не запрещенной законодательством. Можно привести примеры законодательства государств в данной сфере:

- Закон Туркменистана «Об общественных объединениях» от 21.10.2003 г. № 197-II;
- Закон Таджикистана «Об общественных объединениях» от 19.07.2005 г. №36-3;
- Закон Республики Армения «Об общественных организациях» от 01.11.1996 г., № ЗР-82;
- Закон Республики Армения «Об общественно-политических организациях» от 26.02.1991 г., № С-0266-1;
- Закон Республики Молдова «Об общественных объединениях» от 17.05.1996 г., № 837;
- Федеральный закон Российской Федерации «Об общественных объединениях» от 2 февраля 2006 года.

Второе направление представлено собственно законодательством о некоммерческих организациях. Именно оно прошло в своем развитии несколько этапов и повлияло на развитие законодательства в других сферах правоотношений.

Примером такого законодательства можно считать модель-

[5] Российская Федерация не ратифицировала указанную Конвенцию.

ный закон Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств «О регистрации и деятельности международных некоммерческих организаций, их филиалов и представительств» от 27.11.2015 г. В данном документе представлены самые общие нормы, необходимые для функционирования некоммерческих организаций. Они были характерны для первого, наиболее раннего, этапа развития законодательства в данной сфере правоотношений. В частности, в период подъема общественного сознания в разных направлениях, в том числе религиозного.

Примером такого законодательства являются:

- Закон Республики Узбекистан «О негосударственных некоммерческих организациях» от 14.04.1999 г. № 763-I;
- Закон Кыргызской Республики «О некоммерческих организациях» от 15.10.1999 г. № 111;
- Федеральный закон Российской Федерации «О некоммерческих организациях» от 19 июля 2007 года.

В дальнейшем происходит более «точная настройка» законодательства. Как и в большинстве стран мира, вводится определение «социально ориентированных некоммерческих организаций».

Дальнейшее развитие законодательства

Статус «социально ориентированных некоммерческих организаций» дает возможность претендовать на поддержку деятельности некоммерческой организации от государства. Такая практика имеет место во всем мире. Поддержка может осуществляться с помощью налоговых льгот, грантов, снижения арендной платы. Согласно статье 31 Федерального закона РФ «О некоммерческих организациях», органы государственной власти и органы местного самоуправления могут оказывать поддержку социально ориентированным некоммерческим организациям при условии осуществления ими в соответствии с учредительными документами определенных видов деятельности, список которых является закрытым.

В целях оказания поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям органы исполнительной власти федерального и регионального значения, а также местные администрации формируют и ведут федеральные, государственные и муниципальные реестры социально ориентированных некоммерческих организаций - получателей такой поддержки[6]. Данные реестры содержат общую информацию о наименовании организации, ее месте нахождения, идентификационном номере налогоплательщика; и специальную информацию о предоставленной поддержке: форма, размер и срок оказания поддержки, наименование органа, предоставившего поддержку, дата принятия решения об оказании поддержки или решения о прекращении оказания поддержки, а также информацию (если имеется) о нарушениях, допущенных социально ориентированной некоммерческой организацией, получившей поддержку, в том числе о нецелевом использовании предоставленных средств и имущества.

Таврический дворец, Санкт-Петербург. Штаб-квартира Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств

[6] ст. 31.2 Федерального закона РФ от 05.04.2010 N 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций»

Стоит отметить, что Федеральный закон № 40 от 2010 г. закрепляет размещение в реестре информации о видах деятельности, осуществляемых социально ориентированной некоммерческой организацией, получившей поддержку. Однако, на наш взгляд, такой информации недостаточно. Целесообразно создать электронную базу по информированию населения об уже проделанной работе такого рода организаций — в целях не только прозрачности данных структур, но и популяризации их деятельности, направленной на оказание безвозмездной помощи категориям граждан, нуждающимся в данной поддержке. Данную базу необходимо разместить на интернет-портале для всеобщего доступа.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 64 "О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также запретом деятельности общественных или религиозных объединений, не являющихся юридическими лицами", нарушение некоммерческими организациями действующего законодательства Российской Федерации, включая Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральный закон «О противодействии терроризму», может повлечь за собой применение мер публично-правовой ответственности в виде приостановления деятельности объединения граждан, его ликвидации либо запрета деятельности по заявлению уполномоченного органа (должностного лица) в порядке административного судопроизводства[7].

Также могут возникнуть основания для ликвидации некоммерческой организации, например по заявлению ее учредителя в связи с отсутствием материальной базы для осуществления ее деятельности, когда получение необходимого имущества не представляется возможным. В данном случае речь не идет о нарушении закона со стороны организаций, и такие дела разрешаются по правилам гражданского законодательства (статьи 61, 123.20 Гражданского кодекса РФ).

В 2007 году был принят федеральный закон о саморегулируемых организациях. Данная категория организаций осуществляет самостоятельную и инициативную деятельность субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности. Особым требованием к саморегулируемым организациям, отличающим их от иных организаций, является объединение в составе саморегулируемой организации в качестве ее членов не менее двадцати пяти субъектов предпринимательской деятельности или не менее ста субъектов профессиональной деятельности определенного вида.

Выделение категории некоммерческой организации, выполняющей функцию иностранного агента

Наряду с большим количеством некоммерческих и неправительственных организаций, действительно являющихся институтами гражданского общества и структурами самоорганизации граждан в различных сферах общественной жизни, существуют и организации, принимающие активное участие в политическом процессе и внешней политике. Часто такая деятельность осуществляется неправительственными организациями на гранты зарубежных агентств, которые преследуют цели дестабилизации общественного порядка, фрагментации общества, смены государственной власти, и основными в их деятельности являются следующие направления:

- работа с оппозиционными партиями, блоками и их молодежными структурами;
- работа с представителями органов местного самоуправления, направленная якобы на развитие самостоятельности областей, а на практике – на ослабление их управляемости из центра;
- развитие «альтернативных» государственным средств массовой информации, подконтрольных неправительственным организациям;
- создание новых и укрепление уже существующих общественных организаций, а также реализация через них методов ненасильственной борьбы[8].

Можно привести длинный список того, как и где были реализованы данные направления политики. Свержение режима Милошевича, смещение в ноябре 2003 года Э. Шеварднадзе в ходе «революции роз», приход к власти в Украине в результате «оранжевой революции» в декабре 2004 года В. Ющенко и торжество киргизской «тюльпановой революции» в марте 2005 года — звенья одной цепи[9]. И со временем эта «цепь» только удлиняется. Можно привести примеры деятельности некоммерческих/неправительственных организаций в период 2013-2014 годов в Украине.

Все это привело к тому, что в 2012 г. Президент России В.В. Путин подписал Федеральный закон № 121 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». Таким образом, представилась возможность противодействия на законодательном уровне данному негативному явлению.

Как известно, закон был принят неоднозначно — с пониманием со стороны большинства государств-участников СНГ и критикой западных партнеров, в частности Венецианской комиссии. Полностью разделяя первую позицию, считаем, что следует разграничивать чисто «политические» и «юридические» составляющие, способствующие совершенствованию национального права в Актах толкования национального права Венецианской комиссии[10]. В нашем случае, в частности, о некорректности считать термины «неправительственная» и «некоммерческая» как взаимозаменяемые[11]. Данные положения учтены в модельном законе Межпарламентской ассамблеи го-

[7] ГАРАНТ.РУ. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71477404/#ixzz5Q2dp2uFD (дата обращения: 03.09.2018)

[8] Минасян Г., Восканян А., Минасян Г., Восканян А. Зарубежные НПО – механизмы влияния на внутреннюю политику // Обозреватель, 2013.№ 3.

[9] Минасян Г., Восканян А., Минасян Г., Восканян А. Зарубежные НПО – механизмы влияния на внутреннюю политику // Обозреватель, 2013.№ 3.

[10] Венецианская комиссия образована в 1990 г. в рамках Совета Европы. Уровень доверия между странами в тот момент был настолько высок, что страны согласились на получение иностранной экспертной помощи в вопросах, затрагивающих даже суверенитет.

Флаги стран СНГ

сударств-участников Содружества Независимых Государств 2016 г. «О неправительственных организациях».

С уверенностью можно говорить о том, что развитие в данной сфере правоотношений направлено на защиту суверенитета страны. Это современная мировая тенденция.

Так, в Заключении о законопроекте о прозрачности в Венгрии организаций, получающих поддержку из-за границы, Венецианская комиссия не нашла кроме нескольких, практически технических огрехов, ничего предосудительного. «Комиссия признает, что законопроект преследует законную цель обеспечения прозрачности организаций гражданского общества и может способствовать борьбе с отмыванием денег и терроризмом». Эксперты предполагают, что отсутствие термина «иностранный агент», замена его на «организация, получающая поддержку из-за границы» было основным «юридическим» доводом.

В этом же ключе развивается и законодательство Китайской Народной Республики. Очевидно, что на развитие законодательства, не только в сфере правоотношений в рассматриваемой области, повлияла необходимость почти моментального создания нового законодательства - перехода от одних идейных установок к совершенно другим.

Политика открытости как составная часть реформ в Китае привела к 1990-м годам к росту и активности неправительственных организаций. Эксперты оценивают их рост следующими показателями: 1992 г.– 154 тыс.; 1996 г. –200 тыс.; 2002 г. - 230 тыс.; 2006 – 354 тыс.; 2015 – 658 тыс.

Такая статистика связана с тем, что в 1998 году изменились правила регистрации. До этого времени все общественные объединения, кроме участвующих в Народном политическом или Консультативном совете Китая, должны были сначала получить официальное разрешение государственного учреждения, прежде чем зарегистрироваться на местном уровне[12]. Такая регистрация была затруднительной без государственной поддержки. Однако многие китайские НПО имеют довольно тесные связи с правительственными структурами.

Большинство лидеров китайских НПО видят свое предназначение в исполнении своей гражданской ответственности через сотрудничество с правительством[13]. Такое положение дел способствовало появлению так называемых неправительственных организаций, созданных правительством или с поручительством госучреждения. Эта норма используется для регистрации иностранных фондов, которые должны представить соответствующее решение госучреждения-поручителя — по сути, контролирующего органа. Представляемая при этом документация обширна: заявление, копия устава, доказательство юридического оформления в своей стране, удостоверения личности и биографические данные тех людей, которые будут выступать в качестве ответственных лиц. Представительства иностранных фондов обязаны представлять ежегодный отчет о своей работе в органы, осуществляющие регистрацию, и проходить ежегодную проверку. Годовой отчет включает

[11] Заключение No 814/2015 ЕВРОПЕЙСКАЯ КОМИССИЯ ЗА ДЕМОКРАТИЮ ЧЕРЕЗ ПРАВО (ВЕНЕЦИАНСКАЯ КОМИССИЯ) РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ФЕДЕРАЛЬНОМУ ЗАКОНУ No 129-ФЗ О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РФ (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН О НЕЖЕЛАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ)

[12] URL: http://publicverdict.org/articles_images/VC_opinion.pdf (дата обращения: 03.09.2018)

[13] Семенов А.А. Особенности законодательства КНР об общественных организациях и НПО // Известия Иркутского государственного университета. 2017. Т. 20. С. 60.

финансовый отчет, аудит сертифицированным бухгалтером, отчет о деятельности по полученным грантам и пожертвованиям, а также отчет о кадровых и организационных изменениях.

У МНПО, финансируемых из-за рубежа, государственное управление по иностранным валютам требует, чтобы переданные пожертвования «не противоречили общественной морали» и не наносили вреда общественным интересам или законным правам и интересам граждан, а пожертвования в иностранной валюте осуществлялись посредством идентифицируемых банковских счетов. При этом банковская отчетность состоит из: заявления, копии лицензии на ведение деятельности, нотариально заверенного соглашения о пожертвовании, свидетельства о регистрации зарубежной организации и других документов по требованию[14].

Дальнейшим развитием указанных тенденций для Российской Федерации можно считать Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 10.4 и 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 6 закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» (в части уточнения порядка ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением закона)». В нем появился раздел, касающийся СМИ-иноагентов. Также был расширен список инициаторов законопроекта (до семи человек). 15 ноября законопроект был принят сразу во втором и третьем чтениях. 25 ноября Президент России Владимир Путин подписал федеральный закон об изменениях в действующее законодательство, содержащих нормы о СМИ, выполняющих функции иностранных агентов[15]. В соответствии с внесенными изменениями, могут быть признаны иностранными средствами массовой информации, выполняющими функции иностранного агента, юридические лица, независимо от их организационно-правовой формы, зарегистрированные в иностранном государстве, а также иностранная структура без образования юридического лица, распространяющие информацию для широкого круга лиц, если они получают денежные средства и (или) иное имущество от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства либо уполномоченных ими лиц и (или) от российских юридических лиц, получающих денежные средства и (или) иное имущество от указанных источников. Стоит отметить, что в законе указан исчерпывающий перечень субъектов, которые могут быть отнесены к категории СМИ-иноагентов. Такой подход можно оценить в качестве ответственного маневра на пути сохранности конституционного строя государства.■

Литература:
1. Минасян Г., Восканян А. Зарубежные НПО – механизмы влияния на внутреннюю политику // Обозреватель. 2013. № 3.
2. Семенов А.А. Особенности законодательства КНР об общественных организациях и НПО // Известия Иркутского государственного университета. 2017. Т. 20. С. 60, 63.
3. Семенов А.А. Классификация неправительственных организаций в КНР // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 271.

TAGS: международные неправительственные организации, некоммерческие организации, социально ориентированные некоммерческие организации, СМИ-иноагенты, саморегулируемые организации

international non-governmental organizations, non-profit organizations, socially oriented non-profit organizations, media-foreign agents, self-regulatory organizations

Мишальченко Ю.В.,
доктор юридических наук, доктор экономических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры европейских исследований;

Торопыгин А.В.,
доктор политических наук, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор;

Полунина А.В.,
преподаватель кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

Annotation

This article discusses the problems of interpretation of the provisions of the legislation of the Russian Federation in the field of non-profit organizations. The article analyzes the development of legislation in the field of voluntary Association of citizens, which is a selfless Association of active people, guided by global values. On the basis of the study, the authors propose a number of measures aimed at transparency of organizations and promotion of activities aimed at providing free assistance to categories of citizens in need of this support. ■

Yuri V. Mishalchenko,
Doctor of Law, Doctor of Economics, St. Petersburg State University, Professor of the Department of European Studies.

Andrei V. Toropygin,
Doctor of Political Sciences, North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, professor.

Anastasia V. Polunina,
Lecturer, Department of Constitutional and International Law, St. Petersburg University of Management and Economics.

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы толкования положений законодательства Российской Федерации в сфере некоммерческих организаций. Проанализировано развитие законодательства в сфере добровольного объединения граждан, представляющего собой бескорыстную ассоциацию активных людей, руководствующихся общемировыми ценностями. На основе проведенного исследования авторами предлагается ряд мер, направленных на прозрачность деятельности организаций и популяризацию их деятельности, направленной на оказание безвозмездной помощи категориям граждан, нуждающихся в данной поддержке. ■

[14] Семенов А.А. Классификация неправительственных организаций в КНР Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С.271.

[15] Семенов А.А. Особенности законодательства КНР об общественных организациях и НПО. Известия Иркутского государственного университета 2017. т.20. С. 63.

Исторический документ права вооруженных конфликтов

The historical document of the armed conflict law

Среди множества знаменательных дат и событий 2018 года юбилей Санкт-Петербургской декларации о запрете применения во время войны некоторых разрывных снарядов, принятой по предложению России 150 лет назад, несомненно, занял особое место.

Подписавшие Декларацию государства взяли на себя обязательство, суть которого заключается в том, что в случае войны между собой они отказывались взаимно от употребления как сухопутными, так и морскими войсками снарядов, которые при весе менее 400 граммов имеют свойство взрывчатости или снаряжены ударным или горючим составом. Они также взяли на себя обязательство пригласить все государства, уполномоченные которых не принимали участие в совещаниях военной международной комиссии, проходивших в Санкт-Петербурге, присоединиться к настоящему договору.

Как известно, одна из первых в истории попыток запретить определенный вид оружия была предпринята еще в XII веке католической церковью. На состоявшемся в 1139 г. Втором Лютеранском соборе было принято решение запретить использование христианами против христиан арбалетов. Папа римский Иннокентий II выступил с осуждением арбалетов, утверждая, что данное оружие противно Богу и неприемлемо для использования христианами. Несколько лет спустя папа Иннокентий III подтвердил данный запрет. Специалисты отмечают, что введенный запрет не дал желаемых результатов и грозное оружие продолжало использоваться. Более того, к XIII веку арбалеты получили еще большее распространение. При этом использовались они не только простолюдинами, но и рыцарями. Историки утверждают, что 26 марта 1199 г. французский рыцарь Пьер Базиль ранил в шею из арбалета короля Англии Ричарда Львиное Сердце. Спустя неделю король умер от заражения крови.

Что касается подписанного в 1868 году документа о запрете применения во время войны разрывных пуль, то он до сих пор не был нарушен. Следует, впрочем, заметить, что несмотря на введенный запрет, практически все страны-участницы Первой мировой

войны, по свидетельству экспертов, использовали разрывные пули в авиации, так как они зарекомендовали себя как весьма эффективное средство борьбы с дирижаблями и самолётами того времени. Они также существенно облегчали корректировку стрельбы. Однако подобное использование снарядов вряд ли можно квалифицировать как нарушение Декларации, так как в указанных случаях с помощью разрывных пуль решались другие задачи, не связанные с причинением кому-либо чрезмерных страданий.

Хотя Декларация запретила использование упомянутого в ней оружия только в войнах между странами, подписавшими её, со временем данная норма приобрела обычно-правовой характер и, как следствие, стала обязательной для всех государств.

Обратим внимание, что Санкт-Петербургская декларация была принята всего лишь год спустя после ратификации Россией Первой Женевской конвенции 1864 года об улучшении участи раненых и больных на поле боя. И если Женевская конвенция заложила основы так называемого Женевского права, защищающего, главным образом, вышедших из строя раненых и больных; лиц, потерпевших кораблекрушение во время военных действий на море; военнопленных; лиц, не принимающих участие в боевых действиях (гражданское население), то Петербургская декларация на многие годы определила направление развития Гаагского права, ограничивающего право воюющих в выборе средств и методов нанесения ущерба противнику; исключающего причинение излишних страданий, не обусловленных военной необходимостью. Нормы Женевского и Гаагского права, формирующие подотрасли международного гуманитарного права, в совокупности составляют основное содержание этой одной из старейших отраслей международного публичного права.

Почему же, несмотря на то, что с момента принятия Санкт-Петербургской декларации прошло уже более 150 лет, о ней до сих пор говорят, пишут, отмечая ее непреходящее политико-правовое значение? Да, в этом документе были сформулированы такие основополагающие положения, как принцип проведения различия между воюющими (комбатантами), военными целями и гражданским населением, гражданскими объектами; принцип соразмерности: запрет на действия, которые ведут к разрушениям или человеческим потерям, но при этом не соответствуют цели ослабления военных сил неприятеля, установлен запрет на причинение излишнего страдания: нельзя использовать средства и методы ведения военных действий, которые увеличивают страдания людей, выведенных из строя, или делают их смерть неизбежной. В преамбуле Декларации говорится о том, что существуют «границы, в которых потребности войны должны остановиться перед требованиями человеколюбия». Это означает, что нельзя прибегать к любым средствам и методам ведения военных действий, ссылаясь на военную необходимость.

Но еще одним обстоятельством, придающим Санкт-Петербургской декларации особое значение, определяющим ее беспрецедентный в истории права вооруженных конфликтов характер, является то, что вместе с Первой Женевской конвенцией 1864 года они ознаменовали наступление новой эпохи в истории кодификации и прогрессивного развития норм права вооруженных конфликтов. Довольно продолжительный период существования источников права вооруженных конфликтов в виде законов и обычаев войны, при всей их сохраняющейся значимости, подошел к концу. Ему на смену пришла эпоха, в которую основная роль в регулировании военных действий от обычаев, двусторонних соглашений и законодательных актов отдельных государств стала переходить к многосторонним соглашениям. Это был крупный шаг вперед в развитии политико-правового сознания и правовой культуры, теории и практики

международного права. Закреплению новой парадигмы в сфере права вооруженных конфликтов способствовали международные конференции, прошедшие по инициативе России в конце XIX – начале XX века, по итогам которых были подписаны важные для этой отрасли международного права договоры. Многие из них содержат явные ссылки на Санкт-Петербургскую декларацию. Имеются в виду в первую очередь Гаагские конференции мира 1899 и 1907 годов и принятые на них конвенции, значительная часть которых до сих пор не утратила своего юридического значения.

Эксперты справедливо обращают внимание и на другие уникальные особенности, связанные с появлением Декларации. Отмечается, в частности, что Декларация была принята независимой международной военной комиссией, а не дипломатическим сообществом. Это обстоятельство подчеркивает высокую степень ответственности и указывает на ту важную роль, которую военные способны и должны сыграть в обеспечении интересов гуманности. Санкт-Петербургская декларация запретила вооружения, которые еще не использовались на поле боя. Наконец, примечательно, что инициатива о запрещении разрывных пуль пришла от того самого государства, которое их разработало, т.е. от России.

Говоря о Санкт-Петербургской декларации 1868 года, хотелось бы вновь напомнить имена тех людей, благодаря которым появился на свет этот документ. Практика персонификации обстоятельств, связанных с принятием того или иного международно-правового акта, насчитывает не одно столетие. Достаточно напомнить о кодексе Либера, оговорке Мартенса, пакте Бриана-Келлога… Появление Первой Женевской конвенции традиционно связывают с именем А.Дюнана — швейцарского мецената, которого отличало чрезвычайно чуткое отношение к человеческим страданиям. Именно он, став свидетелем ужасных последствий сражения при Сольферино, выступил инициатором принятия многостороннего соглашения, призванного смягчить положение жертв военных действий.

Идея принятия Санкт-Петербургской декларации также имеет своих авторов и вдохновителей. Имена некоторых из них мы можем назвать. О наших замечательных соотечественниках, в частности, говорится в материале «Война по правилам», подготовленном Международным комитетом Красного Креста на основе документов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) и Министерства иностранных дел Российской Федерации (МИД РФ)[1].

Как известно, в середине XIX века разработкой и испытанием новых видов оружия в России занимались подразделения Главного артиллерийского управления, которое возглавлял генерал-адъютант Александр Баранцов. Именно там была создана разрывная пуля 6-го калибра для подрыва зарядных и патронных ящиков неприятеля, которую в 1863 году взяла на вооружение русская армия. В то время это был один из совершенных видов оружия, изобретение которого стало возможным благодаря объединению российскими специалистами достижений науки и высокоразвитых технологий.

Ознакомившись с возможностями нового снаряда, главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич потребовал разработать разрывную пулю 7-го калибра. Эта идея вызвала озабоченность у Оружейной комиссии. Председатель комиссии, генерал-адъютант Георг Мекленбург-Стрелицкий, выразил эту озабоченность в своем рапорте следующим образом: «Для Кавказской армии, действующей против горцев, лишь в очень редких случаях имеющих артиллерию или патронные ящики, взрывчатая пуля будет почти бесполезна… Между тем снабжение взрывчатыми пулями войск, не имеющих случая употребить их по назначению, повлекло бы за собою стрельбу этими пулями против людей, что, по моему мнению, отнюдь не должно быть допускаемо». Однако под давлением великого князя Оружейной комиссии пришлось заняться созданием пули 7-го калибра. В 1864 году ее изготовили и испытали.

В 1867 году в России начинаются испытания бескапсульных пуль. Аналогичные исследования проводились и в других странах, в том числе в Австрии, Пруссии и Англии. Отмечалось, что при стрельбе в предмет, имеющий небольшую плотность (хлеб, паклю, тело животного), снаряд разрывался на 10 и более частей. В то же время пули специального назначения проигрывали сплошной пуле в дальности и кучности боя и были эффективны исключительно при точной прицельной стрельбе: ящики с боеприпасами взрывались только при прямом попадании. При этом во время войны имелась большая вероятность случайного попадания разрывными пулями в человека, что нанесло бы ему смертельную рану. Тем не менее многие европейские специалисты, в частности из Англии, выступали за использование разрывных патронов. В правительственных кабинетах Российской империи придерживались другой точки зрения[2].

Ознакомившись с результатами испытаний, начальник Главного артиллерийского управления А. Баранцов составил специальный доклад военному министру Д. Милютину, в котором предложил заключить межгосударственный договор о запрещении или ограниченном применении разрывных снарядов. «Нет сомнения, что для взрыва зарядных и патронных ящиков разрывные пули могут принести действительную пользу. Что же касается до употребления разрывных пуль как средства, усиливающего поражения и раны, наносимые отдельным людям и лошадям, то, конечно, в этом случае разрывные пули можно считать чисто варварским средством, не оправдываемым никакими боевыми требованиями», – написал А. Баранцов[3].

12 апреля 1868 года доклад был направлен Д. Милютину. Особенность этого документа состояла в том, что «впервые вопрос о введении нового средства поражения противника рассматривался не только с точки зрения военной целесообразности, но и с позиции гуманизма».

[1] Война по правилам. URL: https://declaration1868.tass.ru/index.html

[2] Там же.

[3] Там же

Предложение А. Баранцова о запрете или ограниченном использовании разрывных пуль получило поддержку со стороны Д. Милютина. В одном из своих писем начальнику Главного артиллерийского управления он писал: «Война есть такое зло, которое желательно, однако ж, сделать сколь можно менее жестоким для человечества, и поэтому нет причины вводить такие смертоносные средства, которые только увеличивают бедствия и страдания людей без всякой пользы для прямой цели войны».

Далее события развивались с участием внешнеполитического ведомства России. Военный министр 4 (18) мая 1868 года отправил письмо государственному канцлеру князю Александру Горчакову, который одобрил идею проведения международного совещания и, более того, предложил вообще отказаться от всех видов разрывных пуль. А. Горчаков, в свою очередь, проинформировал императора Александра II. После одобрения императором инициативы А. Баранцова начался этап подготовительной работы. В мае 1868 года А. Горчаков направил иностранным правительствам циркуляр, в котором предложил провести международное совещание и обсудить запрет или ограниченное использование разрывных пуль (только бескапсюльных) во время войны. В документе, помимо прочего, говорилось, что Россия снимет эти снаряды с вооружения, если другие государства примут аналогичные меры. Предложение приняли все страны, за исключением США.

17 (29) мая иностранным государствам был разослан второй циркуляр с проектом протокола международного договора. Основное содержание этого проекта вошло впоследствии в текст Декларации. В протоколе констатировалось, что успехи цивилизации должны по возможности уменьшить бедствия войны, и поэтому оружие, которое не только выводит людей из строя, но и наносит им мучительные смертельные раны, не должно применяться воюющими армиями, так как «употребление подобного оружия было бы противно законам человечности». Готовность принять предложенный протокол изъявили правительства Австрии, Испании, Турции, Швеции, Бельгии и Греции. Позже к ним присоединилась Англия.

Интересно отметить, что Франция, Дания, Швейцария, Португалия и Баден выступили за изъятие из арсеналов не только бескапсюльных пуль, обладающих более разрушительными свойствами, но и капсюльных. Пруссия предложила расширить круг вопросов и обсудить возможность запрещения таких средств поражения, как снаряды, покрытые или наполненные ядовитыми веществами, разрубленный свинец, стекло, цепные ядра и книппели, из современных в то время средств – изобретение лорда Дандональда – снаряд, наполненный ядовитыми газами, способный, по мнению изобретателя, отравить население большого города. Позже изобретение было отвергнуто английским правительством[4].

Большинство государств согласилось обсуждать предложение Пруссии. Инициатива Берлина не понравилась лишь Франции и Англии. В депеше из Парижа от имени маркиза де Мутье говорилось, что французское правительство дает свое согласие на запрещение разрывных пуль, однако не намерено обсуждать все усовершенствования в области артиллерии.

Главный секретарь английского правительства лорд Артур Стэнли заявил, что предложение Пруссии идет вразрез с интересами его страны, так как боеспособность английской армии, значительно уступающей по численности силам континентальных государств, поддерживается исключительно успехами науки и усовершенствованием военной механики.

[4] Там же

Основная работа по подготовке документов для участников военного совещания, которое было решено провести в Санкт-Петербурге, легла на плечи постоянного члена Артиллерийского комитета генерал-лейтенанта Александра Ферсмана. Чтобы окончательно выяснить разницу между капсюльными и бескапсюльными снарядами и сделать соответствующее заключение, Ферсман провел испытание стрельбой по мягким предметам[5].

Обсуждение вопроса о неприменении на войне взрывчатых и зажигательных пуль состоялось в ноябре 1868 года в здании Военного министерства, где прошли три заседания военной конференции с участием уполномоченных 18 государств: Австрии, Баварии, Бельгии, Дании, Великобритании, Вюртемберга, Греции, Италии, Нидерландов, Персии, Португалии, Пруссии, России, Турции, Франции, Швейцарии, Швеции и Норвегии.

Предложение о запрете любых видов разрывных руль единогласно поддержали все страны. Отметим сложность, заключавшуюся только в точности формулировки этого решения. Дело в том, что в некоторых языках отсутствуют равнозначные «пуле» понятия. Пришлось придумать универсальный термин, которым в итоге стал «снаряд». Но возник другой вопрос: разрывные пули какой массы стоит вывести из употребления? В ходе дискуссии участники конференции решили, что вес пули должен составлять не более 400 г. Возражения возникли только у представителя Швеции, который заявил, что это слишком большая величина для пули, но он в итоге согласился с мнением большинства. 9 ноября (11 декабря) 1868 года Санкт-Петербургская декларация о запрете применения во время войны разрывных пуль была подписана. Стороны обязались в случае войны между собой отказаться от их использования как в сухопутных, так и в морских войсках.

Выражая благодарность участникам конференции после принятия Декларации, генерал Д. Милютин заметил: «Пусть это начинание очень скромно по сравнению с размахом ведущегося всюду вооружения, но оно выступает как зримое свидетельство единодушного стремления держав облегчить по возможности страдания, приносимые войнами».

Действия российских высокопоставленных чиновников, касающиеся запрета разрывных пуль, на основе фактических данных о возможном негативном эффекте этих пуль в отношении живой силы противника более чем на сто лет опередили юридическое требование ст. 36 принятого в 1977 году Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 года, согласно которой «при изучении, разработке, приобретении или принятии на вооружение новых видов оружия, средств или методов ведения войны Высокая Договаривающаяся Сторона должна определить, подпадает ли их применение, при некоторых или при всех обстоятельствах, под запрещения, содержащиеся в настоящем Протоколе или в каких-либо других нормах международного права, применяемых к Высокой Договаривающейся Стороне».

В последующем к этому международному соглашению, призванному соблюсти принципы гуманизма и человеколюбия, присоединились и другие страны. Вопрос об отмене использования других средств поражения противника, поднятый ранее Пруссией, участники конференции рассматривать не стали.

Впору бы Гаагскому праву именоваться Санкт-Петербургским. Однако процесс кодификации и прогрессивного развития, начавшийся в Петербурге, тридцать лет спустя получил мощное продолжение благодаря созванным вновь по инициативе России, но теперь уже в Гааге, двум конференциям мира, 1899 и 1907 годов. Подготовка, созыв и сама работа этих конференций были связаны с именем известного российского ученого, юриста-международника и блестящего дипломата Ф.Ф. Мартенса, начало работы которого в МИД России совпало по времени с принятием Санкт-Петербургской декларации. Более десятка конвенций, принятых в Гааге, составили основу Гаагского права, а место, где они были приняты, определило название этой подотрасли права вооруженных конфликтов.

Принятые на них конвенции не только подтвердили положения Санкт-Петербургской декларации, но и сделали существенно важный шаг вперед в деле кодификации и прогрессивного развития права вооруженных конфликтов.

Дух и буква Декларации в известной мере, несомненно, связаны со знаменитой «оговоркой Мартенса», названной в честь российского делегата, предложившего на Мирной конференции 1899 года положение, которое вошло в преамбулу к Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны того же года. Предложение Мартенса устанавливало следующее: «Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие стороны остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания». С незначительными изменениями оговорка была включена в преамбулу Конвенции ООН о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, 1980 года, в статьях 63/62/142/158 соответственно четырёх Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 года, а также в преамбуле Дополнительного протокола I (1977) к названным конвенциям.

Современный период характеризуется постоянным расширением круга проблем, регулируемых международным и, в частности, международным гуманитарным правом. Среди наиболее серьезных выделяются, как и много лет назад, те, которые связаны с новыми средствами и методами ведения военных действий, которые специально не подпадают под действие норм права вооруженных конфликтов (кибервойна,

[5] С 10 саженей (более 20 м) стреляли по хлебу, сосновым ящикам и поленьям, а также по лошади.

автономное оружие, применение оружия взрывного действия в населенных районах и т.п.).

Под кибервойной (англ. cyberwarfare) понимают противоборство и противостояние в кибернетическом пространстве (киберпространстве), в том числе компьютерное противостояние в Интернете как одна из разновидностей информационной войны.

Что касается автономных систем вооружения (их также называют «смертоносное автономное оружие» или «роботы-убийцы»), то это оружие, способное самостоятельно, без вмешательства со стороны человека, разыскивать, выявлять и поражать цели. Проблемы гуманитарного характера состоят в сложности определения правового статуса указанных видов оружия, его применение конкретно не регламентируется нормами международного гуманитарного права.

Серьезным испытанием для системы гуманитарного права является террористическая угроза. К сожалению, реальность такова, что бандитские группировки способны не только наносить отдельные, точечные удары, но и вести полномасштабные боевые действия. При этом им абсолютно чужды не только законы, но и элементарные соображения гуманности. Такая ситуация очень остро ставит вопрос: как в рамках антитеррористических мероприятий применять международное гуманитарное право? Еще раз подчеркнем: применять его в борьбе с теми, кто вообще никакого права не признает.

Еще одна проблема – делегирование странами своих военных функций так называемым частным охранным структурам. По своей численности и оснащению некоторые из них уже сопоставимы с армиями целых государств. И все мы хорошо знаем, насколько активно они участвуют в боевых действиях и к чему это приводит.

Как отмечал В.В. Путин, сегодня гуманитарное право – важнейшая отрасль международного права и международной жизни в целом. И это является одним из определяющих факторов международной жизни сегодня. Это вселяет уверенность в том, что процесс развития военных технологий можно будет регулировать, можно поставить под контроль, в том числе не допускать распространения так называемого негуманного оружия. Для этого мы предлагаем всем государствам мира внедрить практику проверки соответствия положениям гуманитарного права всех разрабатываемых видов вооружения.

В. В. Путин специально подчеркнул, что важнейшим условием безопасности и устойчивого развития цивилизации может и должно стать безусловное соблюдение международной законности всеми, без всякого исключения, государствами мира. Россия, как страна, стоявшая у истоков международного гуманитарного права, чувствует свою ответственность за его сохранение и творческое развитие и будет использовать все возможности для укрепления его основ, соблюдения его норм и правил[6].■

TAGS: Санкт-Петербургская декларация 1868 года о запрете применения во время войны некоторых разрывных снарядов, Первая Женевская конвенция 1864 года, Гаагское право, Женевское право, излишние страдания, комбатанты, принципы международного гуманитарного права

The St. Petersburg Declaration of 1868 on the prohibition of the use of certain explosive ordnance during war, the first Geneva Convention of 1864, the Hague law, Geneva law, unnecessary suffering, combatants, principles of international humanitarian law

Егоров С.А.,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

Анисимов И.О.,
кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России

[6] См.: Международная конференция по вопросам международного гуманитарного права, посвященная 140-й годовщине принятия Санкт-Петербургской декларации 1868 года. Часть 1. Санкт-Петербург, 2008, с. 51-55.

Annotation

In the article questions are examined about influence of the St. Petersburg Declaration on the prohibition of the use of certain explosive devices during the war, adopted in Russia 150 years ago. The article reveals some historical circumstances in which this document was born, the names of those Russian specialists thanks to whose efforts the Declaration was born. According to the authors, the fact that the St. Petersburg Declaration is of particular importance is that, together with the first Geneva Convention of 1864, they marked the beginning of a new era in the history of codification and progressive development of the law of armed conflict. In place of the customs, bilateral agreements and laws of individual States, for all their continued importance, came the in which multilateral agreements began to play a decisive role in regulating hostilities. The article outlines the current challenges to international humanitarian law. ■

Sergey A. Egorov,
Doctor of Law, Professor, Professor of the International Law Department, Diplomatic Academy of the Foreign Affairs Ministry, Russia

Igor O. Anisimov,
PhD in Law, Deputy Head of the International Law Department, Diplomatic Academy of the Foreign Affairs Ministry, Russia

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы влияния Санкт-Петербургской декларации о запрете применения во время войны некоторых разрывных снарядов, принятой в России 150 лет назад, на развитие права вооруженных конфликтов. Авторами раскрываются некоторые исторические обстоятельства, в которых рождался этот исторический документ, приводятся имена тех российских специалистов, благодаря усилиям которых Декларация появилась на свет. По мнению авторов, обстоятельством, придающим Санкт-Петербургской декларации особое значение, является то, что вместе с Первой Женевской конвенцией 1864 года они ознаменовали наступление новой эпохи в истории кодификации и прогрессивного развития норм права вооруженных конфликтов. На смену обычаям, двусторонним соглашениям и нормам законодательства отдельных государств, при всей их сохранявшейся важности, пришла эпоха, в которой определяющую роль в регулировании военных действий стали играть многосторонние соглашения. В статье обозначены современные вызовы международному гуманитарному праву. ■

Основные методы совершения террористических атак на современном этапе

The main methods of committing terrorist attacks at the present stage

Традиционные способы террористического устрашения и насилия, которые связаны с ограничением свободы, причинением ущерба здоровью и жизни людей, обладают своей спецификой.

Так, в частности, в качестве специфической особенности современных международных террористов выступает их предельный цинизм и утрата нравственных норм. Рассмотрим некоторые примеры.

Экспертами выделяются три ключевые группы терактов:

- традиционные теракты, которые связаны с ограничением свободы, угрозой жизни и здоровью людей;
- теракты, которые направлены на разрушение объектов энергетики, промышленности и пр.;
- психологическое и информационное воздействие.

Террористическая организация «Боко Харам» терроризировала север Нигерии с 2009 года. В связи с действиями террористов в Нигерии за последние 5 лет погибло свыше 13 тысяч человек. Также можно наблюдать и гуманитарную катастрофу – свыше полутора миллионов человек стали перемещенными лицами или беженцами[1].

Только за последние несколько месяцев количество жертв, пострадавших от рук террористов, насчитывает несколько тысяч. Больше всего страдают граждане Пакистана, Нигерии, Сирии, Ирака и других государств, которые находятся на «периферии» интересов международных СМИ, где основная новость – серия терактов в Париже, несмотря на несопоставимость количества жертв в данных странах[2].

В качестве важнейшего тревожного фактора выступает то, что террористы все чаще пользуются новейшими научно-техническими разработками. По сообщению британской газеты The Sunday Times, международная террористическая организация «Аль-Каида» создала при помощи работающих на нее медицинских специалистов так называемую человеческую бомбу (в тело человека вживляются имплантаты, которые способны взрываться). В газете отмечается, что такие имплантаты предназначаются для незаметного проноса взрывчатки на борт самолета. По данным газеты, даже специальные сканеры, которые сегодня используются в международных аэропортах, не способны обнаружить такие взрывные устройства. Взрывчатое вещество активизируется путем впрыскивания с помощью шприца специальной жидкости в имплантаты. Такой экзотический способ проведения теракта уже использовался в Саудовской Аравии при покушении на принца Мохаммеда бин Найефа. Довольно долго оставалось загадкой то, каким образом террорист пронес взрывчатку в кабинет принца. По сведениям, полученным от французских специалистов, обнаружить такую взрывчатку с помощью традиционных методов было невозможно, поскольку она находилась в желудке смертника в виде капсулы, проглоченной им заранее. Обнаружить капсулу

[1] Вести.ru. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2270174&cid=5 (дата обращения: 10.01.2018).

[2] Ногмов А.М., Шангараев Р.Н., Васина А.А. К вопросу об имплементации военной силы России в Сирии // Дипломатическая служба. 2018. № 4. С. 59-65

можно было лишь в рентгеновских лучах, и только в случае наличии у эксперта большого профессионального опыта[3].

Большинство совершенных в последнее время террористических актов осуществлялось присягнувшими на верность ИГИЛ (запрещена на территории Российской Федерации) представителями исламских экстремистских организаций. Идеологи запрещенной организации стараются преподнести события, происходящие на Ближнем Востоке и в Европе, как «конфликт цивилизаций». Однако на практике происходило столкновение не только между исламской и христианской цивилизациями, но и создание так называемого «очищенного от примесей» исламистского подобия государства от Персидского залива до Восточного Средиземноморья, ведущего полномасштабную войну с другими мусульманскими странами и исламистскими образованиями.

Современными террористическими организациями используются криптографические методы передачи шифрованных данных. Это свидетельствует о том, что экстремисты являются высококвалифицированными специалистами по сбору и обработке данных. Уже сегодня в СМИ можно встретить заголовки о том, что многие страны готовятся к отражению кибератак.

Современными государствами создаются свои системы по противодействию кибертерроризму. Так, в частности, Пентагоном планируются различные превентивные кибератаки для защиты стратегических интересов Америки. Джеймс Клэппер, занимавший пост директора национальной разведки США, выступая в Конгрессе США, отметил, что кибератаки являются более опасными для США, чем исламский терроризм[4].

Повышается риск использования экстремистами самолетов и других воздушных судов как оружия поражения. Как показывают последние события, системы авиабезопасности гражданской авиации многих государств являются не способными в полной мере противостоять таким угрозам. В частности, довольно актуальной является задача по повышению уровня контроля доступа в транспортные терминалы и аэропорты[5].

После теракта, приведшего к крушению российского авиалайнера А-321 над Синайским полуостровом, наиболее острым направлением по противодействию террористическим атакам стало обеспечение высокого уровня авиационной безопасности[6].

Главной задачей террористов, как правило, является устрашение в целях заставить объект, на который оно направлено, выполнить требования, заявленные террористами. В преамбуле Резолюции ООН № 2170 решительно осуждаются акты захвата заложников и

[3] Михайлов А.В. Необходимость наращивания технических средств противодействия терроризму на объектах транспортной инфраструктуры // Транспортное право. 2013. N 2. С. 28 - 32.

[4] URL:http://nak.fsb.ru/nac/media/review/antiterror/detail.htm!id%3D10290258%40cmsArticle%26m%3Dv.html (дата обращения: 18.03.2018).

[5] Данельян А.А. Евразийский конституционализм // Евразийский юридический журнал. 2010. № 10 (29). С. 130-132.

[6] Версию теракта на А321 может подтвердить лишь ангарная сборка. URL: http://vz.ru/society/2015/11/5/776330.html (Дата обращения 10.06.2018)

похищения людей, которые совершаются представителями запрещенных террористических организаций ФАН, ИГИЛ и иными группировками, связанными с «Аль-Каидой», с целью получения каких-либо политических уступок или мобилизации финансовых ресурсов. Выражается определенная озабоченность по поводу притока в распоряжение ФАН и ИГИЛ иностранных боевиков. Также осуждается подстрекательство и прославление терактов, способное побудить террористов к совершению новых терактов[7].

По данным ООН, боевиками ИГИЛ в Сирии используется практика похищения людей для вербовки и обмена пленными. На счету боевиков ИГИЛ свыше 460 похищенных несовершеннолетних. ООН дает информацию и об иных зверских преступлениях исламистов.

Запрещённое в России «Исламское государство» осуществляет казни без предварительного следствия и суда. От рук боевиков погибло немало представителей этнических и религиозных общин, журналистов, интеллигенции и других людей. Таким образом боевики уничтожили свыше 700 человек. Кроме того, исламисты нередко используют пытки для принуждения людей к принятию своих идеологических концепций. Принимая во внимание сообщения о геноциде, всем членам СБ ООН необходимо предпринять комплекс мер, направленных на предотвращение в будущем таких международных преступлений[8].

Джихадистами была организована постоянная торговля «живым товаром». Данный метод заработка был популярным еще в «Аль-Каиде». Перед публичной казнью захваченных в заложники граждан США, Японии и Великобритании, за них запросили большой выкуп. Согласно данным «Foreign Policy», одной шведской компанией было выплачено около 70 тысяч долларов за освобождение захваченных коллег. Такие случаи предпочитают не афишировать, так как официально власти демократических государств не вступают в переговоры с террористами. Газета «Frankfurter Allgemeine», ссылаясь на немецкие спецслужбы, напечатала сообщение о том, что джихадисты продавали тела курдов, погибших в боях, за 10-20 тыс. долларов США[9].

Наиболее распространенным способом террора является захват транспортных средств и общественных зданий. Многие россияне до сих пор помнят массовый захват больницы в Буденновске, произошедший 13-17 июня 1996 г., захват театра в Москве, на Дубровке, в октябре 2002 г., захват школы в Беслане в 2004 году. В таких случаях захват заложников приобретает большой политический и общественный резонанс, принимая особо опасный характер, так как нередко связан с увечьем и гибелью многих мирных граждан.

Захват заложников используется террористами в целях шантажа должностных лиц, общественных организаций, органов власти. Террористы требуют удовлетворения своих требований, угрожая в противном случае расправиться с заложниками. Чтобы повысить эффективность подобной тактики, террористами максимально используются СМИ[10], отслеживаются материалы о совершенном террористическом акте в электронных и печатных изданиях, стимулируется общественный интерес к совершаемой деятельности посредством проведения интервью с захваченными людьми. В качестве яркого примера подобного самопиара можно назвать нашумевший в свое время захват свыше пяти сотен заложников в японском посольстве в Перу группировкой под руководством Тупаку Амару в декабре 1996 г. Телевидение и печатные издания многих стран максимально детально отражали данный теракт. Даже если раньше многие не слышали о группе Тупаку Амару, то практически за 6 месяцев информационной шумихи о ней узнал весь мир.

Особенно угрожающим фактором роста опасности современного террора можно назвать ориентацию террористов на использование нетрадиционных средств насильственного воздействия на массы населения, связанные с применением средств массового уничтожения. Подготовка терактов, направленных на химические, ядерные и иные объекты повышенной опасности, может не только нанести огромный материальный урон, но и сделать невозможным проживание людей на данной территории в течение многих лет и даже десятилетий.

В настоящее время еще не зарегистрировано фактов применения террористами ядерного оружия, однако угрозы его применения звучали неоднократно. Это происходило в период войны в Персидском заливе. Такие же заявления привели к обострению отношений между Пакистаном и Индией по вопросу о Кашмире. Также угрозы применения ядерного оружия привели к кризису на Корейском полуострове, вызванному намерением Северной Кореи выйти из участия в договоре о нераспространении ядерного оружия.

В этой связи необходимо обратить отдельное внимание на международный опыт в части предотвращения угроз ядерного террора. В частности, в США уже больше 10 лет действует специализированная структура, занимающаяся оперативным поиском сигналов о возможной подготовке акций, непосредственно связанных с применением террористами радиоактивных веществ. В нашей стране такой опыт пока изучен в недостаточной степени. Подчеркнем, что главная особенность современного терроризма заключается в способности и готовности террористов заимствовать опыт террористической деятельности одной страны на территории других стран, не ограничиваясь историческим опытом своего государства[11].

Еще одна опасная террористическая угроза – использование террористами биологического оружия. Биологические и химические средства стали сегодня вполне доступными. Кроме того, террористы могут и сами синтезировать некоторые виды таких средств, поскольку имеют в своем составе квалифицированных

[7] Резолюция № 2170 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7242-м заседании 15 августа 2014 года. URL: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/508/52/PDF/N1450852.pdf?OpenElement (дата обращения 11.06.2018)

[8] В ООН рассказали о зверствах «Исламского государства»: похищения людей, казни и секс-рабство // Общая газета, 24 июня 2015. URL: http://og.ru/news/2015/06/24/81037 (дата обращения 06.10.2015)

[9] Как зарабатывают террористы ИГИЛ. URL: http://vesti-ukr.com/mir/90075-kak-zarabatyvajut-terroristy-igil (дата обращения 03.06.2018)

[10] Карпович О.Г. Миротворческая деятельность в контексте трансформации системы международных отношений // Национальная безопасность / nota bene. 2014. № 1 (30). С. 79-85

[11] Ващенко Ю.В., Опыт борьбы с терроризмом за рубежом. М., 2002 С. 3.

специалистов в соответствующих отраслях знаний. С риском отравления водных запасов городов уже сталкивались некоторые правительства. К примеру, в США было доказано, что отравить запасы продовольствия и лекарства не так уж сложно, как это казалось. Наиболее известный случай химической атаки произошел в 1995 году в метро Токио. Нельзя не упомянуть о многочисленных рассылках вируса сибирской язвы почтовыми отправлениями, что имело место в Соединенных Штатах. Этими примерами подтверждается реальность угрозы такой формы терроризма. Биологическое оружие в руках представителей террористических организаций требует к себе особого внимания и адекватного ответа от правительств всех государств.

Еще одна группа методов совершения террористических атак и акций – психологические методы. Несмотря на то что целенаправленное психологическое воздействие сопровождает любые террористические акции, данный способ может быть выделен в отдельную форму террора.

Ярким примером является «кровавая пятница» 13 ноября этого года, когда в Париже была проведена целая серия террористических актов, которые стали крупнейшими за всю историю государства. Действия террористов были циничными и жестокими. Они двигались несколькими группами от периферии к центру Парижа. Было подорвано несколько взрывных устройств возле стадиона «Стад де Франс» (Сен-Дени), где в этот момент проходил футбольный матч между командами Германии и Франции, на котором присутствовал французский президент. Террористы расстреляли мирных людей, находившихся в кафе на бульваре в центре города, убив заложников, захваченных в концертном зале «Батаклан». Согласно имеющейся информации, было ранено свыше трех сотен человек и убито 129 человек.

Наиболее резонансный в современной истории Франции теракт произошел после того, как на протяжении нескольких месяцев Франция сотрясалась от террористических акций. Нападение в январе 2015 года на редакцию «Charlie Hebdo»; расстрел посетителей в кошерном магазине в Париже, осуществленный Амеди Кулибали (француз арабского происхождения), задержание в августе этого же года в поезде Амстердам-Париж вооруженного боевика. Всего жертвами январских терактов стали 17 человек: 14 гражданских и 3 полицейских[12]. Тем не менее французские спецслужбы пропустили ряд кровавых и жестоких террористических атак, хотя еще за несколько дней до парижской бойни в Германии было задержано авто с оружием, которое направлялось во Францию, но эта информация не была принята к сведению[13].

Сегодня все более явной становится тенденция, которую можно охарактеризовать как «психологическое привыкание к террору». Люди и структуры, которые призваны обеспечивать безопасность, начинают воспринимать расстрелы, захваты и взрывы в качестве неизбежного фона своей жизни. Вследствие такого «привыкания» приглушается восприятие остроты политической и общественной опасности таких преступлений, создается обманчивое впечатление их обыденности и повседневности, а многочисленные человеческие жертвы террористических актов приобретают обезличенный вид. Стоит подчеркнуть, что для «нового» терроризма характерно насаждение в социуме и сознании людей именно такого восприятия реальности.■

Литература:
1. Вести.ru. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2270174&cid=5 (дата обращения: 10.01.2018).
2. Ногмов А.М., Шангараев Р.Н., Васина А.А. К вопросу об имплементации военной силы России в Сирии // Дипломатическая служба. 2018. № 4. С. 59-65.
3. Михайлов А.В. Необходимость наращивания технических средств противодействия терроризму на объектах транспортной инфраструктуры // Транспортное право. 2013. N 2. С. 28 - 32.
4. URL:http://nak.fsb.ru/nac/media/review/antiterror/detail.htm!id%3D10290258%40cmsArticle%26m%3Dv.html (дата обращения: 18.03.2018).
5. Данельян А.А. Евразийский конституционализм // Евразийский юридический журнал. 2010. № 10 (29). С. 130-132.
6. Версию теракта на А321 может подтвердить лишь ангарная сборка. URL: http://vz.ru/society/2015/11/5/776330.html (Дата обращения 10.06.2018)
7. Резолюция № 2170 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7242-м заседании 15 августа 2014 года. URL: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/508/52/PDF/N1450852.pdf?OpenElement (дата обращения 11.06.2018)
8. В ООН рассказали о зверствах «Исламского государства»: похищения людей, казни и секс-рабство // Общая газета, 24 июня 2015. URL: http://og.ru/news/2015/06/24/81037 (дата обращения 06.10.2015)
9. Как зарабатывают террористы ИГИЛ. URL: http://vesti-ukr.com/mir/90075-kak-zarabatyvajut-terroristy-igil (дата обращения 03.06.2018)
10. Карпович О.Г. Миротворческая деятельность в контексте трансформации системы международных отношений // Национальная безопасность / nota bene. 2014. № 1 (30). С. 79-85
11. Ващенко Ю.В., Опыт борьбы с терроризмом за рубежом. М., 2002 С. 3.
12. Сергей Щербаков. Во Франции вспоминают жертв терактов против Charlie Hebdo и еврейского магазина в Париже (рус.). ТАСС (7 января 2016).
13. Контрразведка прозевала теракт. // Газета.ru. URL: http://www.gazeta.ru/social/2015/11/14/7892801.shtml. (дата обращения 22.06.2018)

TAGS: международная безопасность, международное право, международный терроризм, мировой порядок, ООН, Совет Безопасности, угроза

international security, international law, international terrorism, , risks, Security Council, the UN, threat, world order

Ногмов А.М.,
кандидат политических наук, эксперт,
Дипломатическая академия МИД России;

Шангараев Р.Н.,
кандидат экономических наук, научный сотрудник,
Дипломатическая академия МИД России

Annotation

The methods of implementing terrorist actions and actions have undergone significant changes in recent years. For the most part, this is connected with the development of science and technology, as well as with the expansion of the goals and objectives of terrorism. ■

Nogmov Anzor M.
PhD, Expert,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Shangaraev Ruslan N.
PhD, Researcher, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Аннотация

Методы реализации террористических действий и акций претерпели за последние годы значительные изменения. По большей части это связано с развитием науки и техники, а также с расширением целей и задач терроризма ■

Международные судебные органы: эволюционное развитие или «самоопределение»? (на примере Международного уголовного суда)[1]

International judicial authorities: evolutionary development or "self-determination"? (based on the International Criminal Court example)

Существование и развитие любой международной организации, в том числе и международных судов и трибуналов, определяется в первую очередь ее основополагающими документами: у Международного суда (МС) – это Статут суда, являющийся одновременно составной частью Устава ООН, у Международного уголовного суда (МУС) – Римский статут 1998 г., у Постоянной палаты третейского суда (ППТС) таких документов сразу два – Конвенции о мирном решении международных столкновений 1899 и 1907 гг. Ими закладывается фундамент таких структур и от них зависит их дальнейшая деятельность.

Однако эффективность и успешность международных органов требуют тщательного планирования и вдумчивого управления для того, чтобы они могли постоянно эволюционировать, соответствуя духу времени и отвечая интересам создавших их государств. В этом смысл любой структуры, будь она международной межправительственной или частной коммерческой, – от их работы ожидается результат.

Международные судебные учреждения в данном контексте обладают особой спецификой, поскольку они должны не столько представлять «общее» мнение (или тем более части) учредивших их государств, сколько действовать объективно и независимо, поскольку только таким образом они могут рассчитывать на доверие к себе, что и является залогом успешного исполнения ими собственных функций [1, стр. 486]. В случае же подрыва доверия к ним государства будут избегать обращаться к их услугам, тем самым вынося им молчаливый приговор.

Более того, на фоне увеличения числа разнообразных судебных органов и, как следствие, все возрастающей конкуренции между ними для руководителей таких структур становится все более актуальным вопрос необходимости их «ручного» управления, с тем чтобы привлекать как можно большее число «клиентов», т.е. государств. Это побуждает указанные органы на порой нестандартные методы, иногда же, как представляется, их главы теряют «чувство меры» в своем стремлении повысить престиж представляемой ими организации, опираясь единственно на искусственные методы в попытках подстроиться под текущую конъюнктуру, нежели на эволюционное развитие института.

Интересным примером в этой связи можно назвать опыт Морского трибунала по морскому праву (МТМП), который только относительно недавно включился в сферу рассмотрения споров о разграничении морских пространств. Данная область до того момента была прерогативой МС, зарекомендовавшего себя в качестве авторитетного органа в этой области. Для конкуренции с таким «гигантом» руководству МТМП пришлось предпринять ряд шагов, чтобы продемонстрировать свои преимущества. И представленное на рассмотрение МТМП дело Бангладеш пр. Мьянмы[2] позволило с успехом реализовать подобную задачу. Во-первых, были максимально ускорены сроки его рассмотрения, поскольку учитывалось, что критика, звучащая в адрес МС по «морским» делам, касается как раз затянутости их рассмотрения[3]. МТМП удалось завершить свою работу над делом менее чем за 3 года. Во-вторых, вердикт, который он вынес, оказался достаточно нова-

[1] К.В.Тимохин, к.ю.н., Первый секретарь Правового департамента МИД России. В настоящей статье излагается личное мнение автора, которое может не совпадать с официальной позицией учреждений и организаций, с которыми у автора существовали или существуют трудовые, договорные или иные отношения.

[2] См. Dispute Concerning Delimitation Of The Maritime Boundary Between Bangladesh And Myanmar In The Bay Of Bengal (Bangladesh/Myanmar). URL: https://www.itlos.org/en/cases/list-of-cases/case-no-16/

[3] Рекордом длительности рассмотрения дел в МС является 11 лет - именно столько лет потребовалось для вынесения решения по делу о территориях и разграничении морских пространств (Никарагуа пр. Колумбии).

Здание Международного суда ООН, г. Гаага, Нидерланды

торским [2]: Трибунал решился на разграничение континентального шельфа за пределами 200 миль в отсутствие рекомендаций Комиссии по границам континентального шельфа (КГКШ), которая своей рекомендацией и подтверждает его наличие. МС же на аналогичный запрос в деле Никарагуа пр. Колумбии, наоборот, отказался от разграничения континентального шельфа за пределами 200 миль [3].

В этой связи многие из следивших за процессом отметили, что таким образом МТМП повысил свой статус в вопросе разграничения морских пространств[4]. Нельзя исключать, что именно по этой причине МС был вынужден, «подстраиваясь» под данный сегмент «рынка», пересмотреть свой прежний подход при представившейся ему новой возможности[5].

Вышеописанный пример относится прежде всего к т.н. явлению «forum shopping»[6], что в целом несет позитивный заряд всей системе средств разрешения международных споров путем придания ей большей гибкости [4, стр. 299].

Однако есть случаи, где грань «добра и зла» намеренно пересекается, что уже ведет к злоупотреблению, когда необходимые меры административного характера и принимаемые судебные решения подверстываются под нужды и цели организации, чтобы искусственно направлять ее движение. Нельзя не согласиться с тем наблюдением, что международные уголовные суды «обнаруживают тенденцию выходить из-под контроля своих создателей, что диктуется логикой развития внутреннего права международной организации» [5, стр. 284]. Примером подобного, как представляется, является МУС, отпраздновавший в 2017 г. свое 15-летие.

Созданный в 2002 г., данный судебный орган стартовал вяло, издав свой первый вердикт только через 10 лет - в 2012 г. [6] К 2017 г. было осуждено лишь четыре фигуранта. По этой причине уже к 2010 г. в адрес Суда звучала вполне заслуженная критика, на которую тот был не в состоянии ответить реальными действиями и достижениями, настоятельно от него требовавшимися. На это накладывались и высокие ожидания и надежды, возлагавшиеся на данное учреждение.

Так, директор Гаагского института интернационализации права (HiiL) С. Мюллер, который сам ранее был сотрудником МУС, среди его проблем указывал на недостаточную эффективность и неполное задействование имеющегося потенциала Суда [7].

Генеральный секретарь ООН в своем выступлении по поводу переезда МУС в 2015 г. в новую штаб-квартиру позволил себе охарактеризовать его создание в качестве вехи в мировых усилиях по борьбе за права человека и верховенство права, выразив полную поддержку МУС со стороны ООН. При этом бросалось в глаза, что все похвалы и комплименты Пан Ги Мун выдавал авансом, подчеркивая только лишь «наличие механизма, который может реагировать на самые серьезные преступления» [8], поддерживая Суд и его цели (но не деятельность) и т.д. Это сильно контрастировало с его речью на параллельном праздновании 70-летия Международного суда, где Пан Ги Муном заслуженные похвалы высказывались в отношении именно проделанной работы, завоеванного авторитета и максимальной за все время его существования востребованности Суда ООН [9].

Такой подход Генсекретаря ООН понятен: МУС до сих пор не может похвастаться сколь-либо значительными результатами, не может заявить о непререкаемом авторитете в международном со-

[4] См., например: URL: http://hsfnotes.com/arbitration/2012/03/26/international-tribunal-for-the-law-of-the-sea-issues-judgment-in-bangladeshmyanmar/

[5] 16 сентября 2013 г. Никарагуа инициировало против Колумбии дело о разграничении континентального шельфа за пределами 200 морских миль. URL: http://www.icj-cij.org/files/case-related/154/17532.pdf

[6] См. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Агейченко К.В. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. Москва. Российский университет дружбы народов. 2011 г. Стр.299.

обществе, в том числе и среди своих членов.

Закрытое после многолетнего рассмотрения без каких-либо результатов кенийское досье показало, что ресурсы и время были затрачены впустую. К сожалению, это не единственный пример неэффективности МУС, не говоря о все более укрепляющемся восприятии этого органа как пристрастного и политизированного форума, руководимого далеко не идеалами правосудия.

В первую очередь это очевидно из имеющихся в его ведении дел - до недавнего времени они касались лишь африканского континента, за что МУС именуют Судом над африканцами, Судом Африки и т.д.

На этом фоне ставились вполне оправданные вопросы в связи со значительными расходами на его содержание. Так, в год его создания, в 2002 г., его бюджет составлял 31 млн. евро, в 2004 г. – уже 54 млн., в 2016 г. - 131 млн. евро, а на 2017 г. Суд просил 7%-ное его увеличение (т.е. дополнительно еще около 10 млн. евро) [10], но получил только 3%. При этом мусовцы не забывают и о себе: в бюджет 2017 г. было дополнительно заложено около 2.5 млн. евро на зарплаты судей и сотрудников аппарата.

В контексте постоянно увеличивающегося недовольства Судом и звучащей в его адрес критики необходимы были кардинальные действия. Ссылки на регламентирующие документы Суда, на необходимость решения административных вопросов уже более не могли оправдывать его фактический простой. И произошедший перелом совпал с появлением новых лиц в его руководстве: прокурора Ф. Бенсуды[7] (2012 г., Гамбия) и председателя Суда С. Фернандез[8] (2015 г., Аргентина).

Для достижения скорого и заметного результата, как представляется, была очевидна целесообразность адресных действий по устранению основы для критики. Самой опасной для МУС была критика его как Суда для Африки. Этим в первую очередь, с точки зрения самого МУС, можно объяснить внезапную трансформацию предварительного изучения по Грузии в полноценное расследование - первого в отношении государства вне африканского континента.

Таким образом, можно предположить, что здесь сыграли роль институциональные интересы Суда по расширению географии своей деятельности. Вероятно, немаловажным был и тот факт, что в этот процесс оказывалась вовлечена Россия, и обвинения были высказаны в отношении российских военнослужащих [11]. Прокурор МУС в своем обращении к Палате предварительного производства нарочито подчеркивала, что потенциал обвинений в России существует, а к тем, которые ею уже были обозначены, могут добавиться новые [12].

В Суде понимали, что такие, пусть и политически мотивированные, действия могут вдохнуть в него новую жизнь, а заодно увеличить и так немалую поддержку со стороны заинтересованных в этом стран. Например, 7 декабря 2015 г. французы озвучили свой взнос в 750 тыс. евро в созданный МУС Фонд жертв[9] (и это помимо регулярных выплат в бюджет и другой оказываемой Суду помощи). В этой связи стоит отметить, что руководству МУС, структуры де факто универсальной, пришлось сделать выбор в пользу ориентировки его на региональные (западные) ценности и, более того, западные оценки современной международной обстановки [13].

Указанные выше усилия дали результат: наметился рост количества расследований, процессов и предварительных изучений, а также некая их диверсификация. Так, в 2017 г. в бюджете МУС предусмотрено шесть расследований, три процесса и девять предварительных изучений [10]. Руководство Суда ежегодно с гордостью докладывает о подобных достижениях, однако у международных обозревателей уже сложилось понимание ограниченности его возможностей. Так, голландец К. Стан указывает, что «стало очевидно, что МУС может справиться лишь с несколькими ситуациями» [14]. Практика это подтверждает. Ниже приведены самые свежие примеры работы Суда.

21 июня 2016 г. третьим осужденным в истории МУС стал Ж.-П. Бемба Гомбо, бывший вице-президент Демократической Республики Конго (двое других осужденных, к слову, также из ДРК). Ему назначили 18 лет лишения свободы за преступления его войск, совершенные в Центральноафриканской Республике.

Он оказался самым высокопоставленным осужденным МУС с пока максимальным в истории Суда сроком, а данное дело, думается, имело особый интерес для МУС и его сторонников, поскольку оно является первым примером в его практике, когда за преступления, имевшие место на территории одного государства, наказывается один из руководителей соседней страны, имеющий эфемерную связь с эпизодами вмененных деяний.

Данный вердикт[10] многие уже успели окрестить «вехой в истории Суда», но на фоне заявлений защиты и приводимых ею фактов такие заявления вызывают сомнения. Так, адвокатами Ж.-П. Бемба Гомбо подчеркивается, что тот был обвинен за «отсутствие контроля над небольшой группой его солдат, находившейся за тысячи километров от него в иностранном государстве, и срок преступлений которых ограничивается 4 месяцами». Более того, указывается, что подсудимый был осужден за «совершение его солдатами 3 убийств и 28 изнасилований», что «в сравнении с практикой югославского или руандийского трибуналов ничтожно мало» [15]. Думается, МУС пришлось «дотянуть» некоторые из обстоятельств дела, делая упор не на массовость преступлений, а на их жестокость.

Как наиболее успешное в МУС подается дело малийца Ф. аль Махди[11], приговоренного в итоге к 9 годам заключения[12] (именно о таком сроке и договорились малиец и прокурор). Последний лич-

[7] Прокурор МУС Фату Бенсуда. URL: https://www.icc-cpi.int/about/otp/who-s-who/Pages/Fatou-Bensouda.aspx

[8] Председатель МУС Сильвия Фернандез де Гурменди. URL: https://www.icc-cpi.int/CourtStructure/Pages/judge.aspx?name=Judge%20Silvia%20Fern%C3%A1ndez%20de%20Gurmendi

[9] ICC News: French Minister of Justice visits the ICC and announces a contribution of €750,000 to the Trust Fund for Victims. 7 December 2015. URL: https://www.icc-cpi.int/Pages/item.aspx?name=pr1178

[10] Полный текст решения см. на сайте МУС. URL: https://www.icc-cpi.int/avgallery/Pages/AVItemPage.aspx?itemType=pictures&id=140

[11] См. заявление Прокурора МУС Ф. Бенсуды. URL: https://www.icc-cpi.int/Pages/item.aspx?name=160324-otp-stat-al-Mahdi

но дал признательные показания, сэкономив Суду столь критичные для того финансовые и людские ресурсы. Это разбирательство заняло всего 3 дня, процесс - менее года. Например, дело Т. Лубанги длилось более 10 лет[13] (сейчас еще продолжается рассмотрение вопроса компенсаций).

Важен данный случай был Суду, среди прочего, с точки зрения его существа. Прежде вопрос уничтожения памятников культуры не рассматривался в качестве самостоятельного состава преступления в рамках международных уголовных трибуналов. Завершив успешно данный процесс, МУС постарался закрепить за собой роль лидера среди защитников культурного наследия. Подобное «амплуа» позволит ему более настойчиво выступать за распространение юрисдикции на защиту уничтожаемых культурных ценностей в Ираке и Сирии (Пальмира). Прокурор Ф. Бенсуда не скрывала этого и не единожды упоминала данные страны в своих выступлениях[14]. Распространение юрисдикции МУС на Сирию, как известно, особенно лелеется рядом стран и продвигается под всеми возможными предлогами.

Примечательно, однако, то, что упомянутый малиец, будучи одним из лидеров террористической группировки «Ансар-ад-дин», тесно связанной с местной ячейкой Аль-Каиды, и попав на скамью подсудимых, неожиданно был обвинен лишь по одному пункту – уничтожение культурного наследия (были разрушены или повреждены десять исторических мавзолеев и мечетей Тимбукту). Сложно представить, что одному из лидеров террористической группировки, в отличие от его же «коллег», обвиняемых в стандартном наборе преступлений (убийства, мародерство, насилие и пр.), удалось провиниться лишь в уничтожении культурных ценностей. Знакомые с процессом обозреватели оказываются не способны объяснить тот факт, что малийцу не стали инкриминировать обвинения в убийствах и изнасилованиях, которые предположительно имели место.

Многие из аналитиков также сходятся во мнении об искусственности выбора именно этого дела [16, 17]. По-видимому, руководством Суда ему был дан ход в силу его актуальности с точки зрения рассматриваемой тематики (аналогичные случаи в Сирии, Ираке, Афганистане), а также того понимания, что аль Махди готов сотрудничать с МУС (отдельно оговаривается в решении судебной палаты). Последнее соображение для Суда имело особую важность, поскольку умелое использование данного факта позволило МУС показать, насколько он может быть эффективен и расторопен.

И вдруг разворот в подходе Суда - дело угандийца Д. Онгвена, переданного МУС, как и дело Ф. аль Махди, нигерскими властями в 2015 г. В отличие от последнего, обвиненного по одному пункту, Д. Онгвену предъявили и утвердили 70 обвинений [18]. Это подтверждает сказанное ранее: в отношении члена террористической группировки или, как в этом случае, самообъявленной армии спасения всегда можно обнаружить не одно преступление, но 70 даже для МУСа видится чрезмерным. Объяснение, которое в свете вышеизложенного само собой напрашивается: Суд на тот момент не определился, как лучше он может использовать нового подозреваемого и, соответственно, конкретизацию обвинений оставил на потом, с тем чтобы оценить все обстоятельства дела и просчитать возможные сценарии.

Одним из последних примеров судебной практики МУС, вызывающей закономерные вопросы у научного сообщества[15], стало единодушное решение Апелляционной палаты Суда в деле Прокурор пр. Боско Нтаганды [19] в рамках расследования ситуации в Демократической Республике Конго. В вынесенном решении говорится, что военное преступление, дабы считаться таковым, «не обязательно должно нарушать международное гуманитарное право» (в частности, дело касается сексуального насилия в отношении несовершеннолетних, вовлеченных в боевые действия в качестве комбатантов, со стороны «однополчан»). В комментариях западных экспертов данное решение как минимум квалифицируется как «вызывающее множество вопросов» [20]. Однако нельзя игнорировать тот факт, что такой подход противоречит не только устоявшейся практике, но и самому Римскому статуту.[16] Данное утверждение вступает в противоречие и со Статутами Международного трибунала по бывшей Югославии (ст. 3) и Руанде (ст.4). Как признают иностранные авторы, целью такой «подтасовки» может быть стремление Суда защитить жертв подобных преступлений, однако методы, используемые МУС для благой цели, не только «юридически незащитимы, но и рискуют подорвать легитимность Суда» [21]. Аналогичные манипуляции в рамках МУС, как отмечалось, не единичны, и то, что европейские и американские комментаторы начинают обращать внимание на эти факты, пусть и пытаясь их в некоторой степени оправдать, — дополнительный «звоночек» для МУС о том, что как минимум следует серьезнее относиться к основополагающим документам и не пытаться «творчески интерпретировать» и домысливать его положения.

Отрываясь от судебной практики МУС, небезынтересно взглянуть и на другой аспект его деятельности. Как известно, до начала конкретных процессов и появления ситуаций по отдельным странам в досье Суда им предшествуют т.н. предварительные изучения[17]. Открытие их входит в полномочия прокурора МУС «proprio motu»[18]. И последнее время этим правом прокурор пользуется особенно активно. Кстати, именно на основании подобных полномочий изучение по Грузии было трансформировано в полноценное расследование[19].

[12] С текстом решения можно ознакомиться на официальном сайте МУС. URL: https://www.icc-cpi.int/mali/al-mahdi

[13] Всю информацию по данному делу см. на официально сайте МУС. URL: https://www.icc-cpi.int/drc/lubanga

[14] См. заявление Прокурора МУС Ф. Бенсуды на официальном сайте МУС. URL: https://www.icc-cpi.int/pages/item.aspx?name=otp-stat-26-09-2015

[15] См., например, K.J. Heller, ICC Appeals Chamber Says A War Crime Does Not Have to Violate International Humanitarian Law, Opinio Juris Blog 2017. URL: http://opiniojuris.org/2017/06/15/icc-appeals-chamber-holds-a-war-crime-does-not-have-to-violate-ihl/

[16] Статья 8 Римского статута Международного уголовного суда 1998 г.

17 Более подробно о предварительных изучениях см. на официальном сайте МУС. URL: https://www.icc-cpi.int/about/how-the-court-works/Pages/default.aspx#legalProcess

[18] Статья 15(1) Римского статута Международного уголовного суда 1998 г.

[19] Статья 15(3) Римского статута Международного уголовного суда 1998 г.

Здание Европейского суда по правам человека, г. Страсбург, Франция

В 2016 г. таким способом было открыто изучение ситуации в Бурунди после беспорядков, прокатившихся по стране в связи с избирательной кампанией президента Бурунди П. Нкурунзизы[20]. Данный шаг Ф. Бенсуды, видимо, стал последней каплей для этой страны, вследствие чего Бурунди заявило о выходе из МУС, что горячо было встречено национальным парламентом.

Следует отметить, что в связи с ситуацией с выборами было инициировано и предварительное изучение ситуации в Кот-д'Ивуаре[21], которое далее трансформировалось в расследование и процесс над Л. Гбагбо. В этом контексте стоит вспомнить и кенийское досье против руководства данной страны, которое также было тесно связано с беспорядками в ходе выборов в Кении.

Параллельно, однако, есть и противоположные примеры. Так, Габон самостоятельно обратился в МУС с просьбой начать предварительное изучение ситуации в стране. Столь серьезный шаг связан также с беспорядками, имевшими место после оглашения результатов прошедших выборов, по итогам которых на второй срок был переизбран действующий президент А. Бонго (получил власть от своего отца О. Бонго, руководившего Габоном на протяжении 40 лет) с минимальным отрывом от своего преследователя Ж. Пинга. Запрос Габона, однако, достаточно слаб и фокусируется прежде всего не на совершенных преступных действиях, а на призывах к их совершению (геноцид, преступления против человечности). Адвокаты Ж. Пинга сообщают, что они готовы представить свои материалы в МУС, но уже в отношении «конкретных преступлений»[22] .

При таком количестве случаев, связанных с выборами, сам собой встает вопрос об уровне осторожности, которую должен проявлять МУС, чтобы не оказаться вовлеченным непосредственно во внутренние дела затронутых государств и не стать инструментом их политики.

Однако возможно и обратное, что связано с особым статусом предварительных изучений, которые являются не реальным расследованием, а лишь первоначальным рассмотрением доступных фактов. При этом подборка и анализ обстоятельств дела находятся полностью во власти прокурора, поэтому и исход процесса также в ее руках. Сквозь эту призму можно взглянуть и на заявленную ею возможность (а как упоминалось, полномочия такие у нее имеются) начала предварительного изучения по Филиппинам в связи с массовыми расправами с местными наркоторговцами. Под ударом – непосредственно президент страны Ф. Дутерте. Однако главная цель МУС может быть в другом – в получении поддержки США по другим трекам в обмен на данную «любезность».

[20] Более подробно см. на официальном сайте МУС. URL: https://www.icc-cpi.int/burundi

[21] Более подробно см. на официальном сайте МУС. URL: https://www.icc-cpi.int/cdi

[22] Более подробно см. на официальном сайте МУС. URL: https://www.icc-cpi.int/gabon

Нельзя исключать, что Ф. Бенсуду заинтересовала не столько судьба филиппинских наркоторговцев, в отношении которых, по ее словам, совершаются расправы «как часть распространенных и систематических атак на гражданское население в соответствии с государственной политикой о совершении подобных нападений»[23], сколько оскорбления в адрес некоторых западных лидеров со стороны президента Филиппин Ф. Дутерте. Тот факт, что выпад прокурора направлен непосредственно против него, даже не скрывается. Прокурор открыто заявляет, что любое лицо в Филиппинах, которое подстрекает или вовлекается в организацию массового насилия, включая приказание, требование, поощрение или содействие совершению преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС, имеет все шансы оказаться на скамье обвиняемых суда.

Как представляется, настоящим Ф. Бенсуда окончательно развеяла сомнения в том, что МУС не независимое и бесстрастное правовое учреждение, а прозападная структура, призванная выступать в качестве сторожевого пса ценностей этого мира.

Показателен пример и ситуации вокруг охоты за президентом Судана О. аль Баширом (сейчас этот сюжет дополняется и преследованием сына М. Каддафи), когда МУС позволяет себе напрямую запугивать страны, которые хотели бы его принять. В 2016 г. «жертвами» МУС стали Уганда и Джибути, которые посетил суданец и которые не предприняли никаких шагов по его аресту и выдаче. Вопрос об отсутствии сотрудничества с их стороны был передан по решению Палаты предварительного производства (ППП) МУС на рассмотрение Совбеза ООН и Ассамблеи государств-участниц Римского статута.

К слову, Уганда и Джибути не просто не подчинились запросам прокурора МУС Ф. Бенсуды на арест и выдачу суданца, но сознательно пошли на нарушение ст.97 Римского статута о сотрудничестве с МУС, направив приглашения на инаугурационные церемонии, проводившиеся в этих государствах.

Складывается впечатление, что охота на суданца стала личной «вендеттой» МУС и ведется она по всему миру. Как представляется, О. аль Башир становится приоритетной политической целью Суда, для которого начало процесса над ним могло бы принести дополнительные репутационные и медийные «бонусы».

Данные примеры показывают, однако, реальное отношение МУС к африканским государствам, которые, по сути, не имея влияния на этот орган и реализацию им своей политики, выступают лишь в качестве реципиентов его «услуг». Подобная ситуация объясняет попытки выхода африканских государств из МУС, и, в очередной раз подтверждает тот факт, что ценностная ориентировка МУС отражает интересы не всего международного сообщества, как это в идеале должно быть в случае нормального функционирования международного судебного органа, и даже не всех его членов, а лишь небольшой его части.

На примере МУС мы можем наблюдать, насколько утеря баланса в развитии органа и опора только на его ручное управление с точки зрения совершенствования его как эффективной международной структуры могут быть контрпродуктивны для его репутации и функционирования.

Резюмируя, следует отметить, что МУС в активизации своей деятельности и в стремлении к роли мирового полицейского с судебными функциями совершенно упускает из вида те идеи, на базе которых он был создан. В первую очередь нивелируется концепция дополнительности его юрисдикции, т.е. его включение целесообразно, когда другие механизмы не работают и когда его потенциал будет реально востребован, но не наоборот. Наделение же его полномочиями запуска собственных дел представляет собой лишь европейский взгляд на его будущее и значительно отличается от того, каким хотели бы видеть МУС другие государства.

Очевидно, что в последние годы в определении векторов его развития сыграли роль институциональные интересы Суда, формируемые новым руководством МУС. Частично такие действия позволили активизировать этот орган и выдать некие результаты его работы, однако при этом они еще более отдалили от него африканские государства, некоторые из которых, как упоминалось, предприняли шаги по выходу из состава МУС. Более того, и Российская Федерация отозвала свою подпись из-под Римского статута [22] (ранее подобное уже осуществили США и Израиль). Подобный шаг российской стороны явился реальным свидетельством отказа от участия в организации, решения которой мотивируются не принципами справедливости и добросовестности, а базируются как на сиюминутных интересах самого Суда, так и на тех ценностных установках, проводником которых он вызвался стать в ущерб ценностям универсальным, интересам всех регионов и всего международного сообщества.■

[23] Заявление Прокурора МУС Ф. Бенсуды о ситуации на Филиппинах от 13 октября 2016 г. URL: https://www.icc-cpi.int/Pages/item.aspx?name=161013-otp-stat-php

Литература:

1. Schermers H.G., Blokker N.M International Institutional Law, Fourth Revised Edition. Martinus Nijhoff Publishers, Boston/Leiden, 2003.
2. Решение Международного трибунала по морскому праву от 14 марта 2012 г. по делу о проведении морской границы между Бангладешем и Мьянмой в Бенгальском заливе (Бангладеш/Мьянма). URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_16/published/C16_Judgment.pdf.
3. Решение Международного суда от 19 ноября 2012 г. по делу о территориях и разграничении морских пространств (Никарагуа пр. Колумбии). URL: http://www.icj-cij.org/files/case-related/124/124-20121119-JUD-01-00-EN.pdf.
4. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Агейченко К.В. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. Российский университет дружбы народов, Москва, 2011 г.
5. Шинкарецкая Г.Г. Смешанные уголовные трибуналы: новый вид правосудия? // Международное право и международные организации. 2014. №2. DOI: 10.7256/2226-6305.2014.2.11599.
6. Judgement No. ICC-01/04-01/06-2842 of 4 April 2012, The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo, Situation in the Democratic Republic of Congo. URL: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2012_03942.PDF.
7. Brummelman W. Strafhof krijgt een nieuw gebouw, maar heeft niets te vieren // NRC Media. 11 декабря 2015 г. URL: https://www.nrc.nl/nieuws/2015/12/11/strafhof-krijgt-een-nieuw-gebouw-maar-heeft-niets-1569875-a910491.
8. United Nations Secretary-General's Remarks at Inaugural Ceremony of the Permanent Premises of the International Criminal Court, 19 April 2016. URL: https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2016-04-19/secretary-generals-remarks-inaugural-ceremony-permanent-premises.
9. United Nations Secretary-General's remarks at ceremony to commemorate the 70th Anniversary of the International Court of Justice, 20 April 2016. URL: https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2016-04-20/secretary-generals-remarks-ceremony-commemorate-70th-anniversary.
10. Proposed Programme Budget for 2017 of the International Criminal Court. ICC-ASP/15/10 of 17 August 2016. URL: https://asp.icc-cpi.int/iccdocs/asp_docs/ASP15/ICC-ASP-15-10-ENG.pdf.
11. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с обращением прокурора Международного уголовного суда за санкцией Суда на начало официального расследования событий августа 2008 года в Южной Осетии от 15 октября 2015 г. URL: http://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavitelya/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/1859488.
12. Corrected Version of "Request for authorisation of an investigation pursuant to article 15", 16 October 2015, ICC-01/15-4-Corr of 17 November 2016, Situation in Georgia, Pp.70,

98. URL: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2015_21221.PDF.
13. Отчет Канцелярии Прокурора о действиях по предварительному расследованию (2016 г.), Ситуация на Украине, Пара. 161. URL: https://www.icc-cpi.int/iccdocs/otp/161114-otp-rep-PE-Ukraine.pdf
14. Stahn C. Tribunals are Dead, Long Live Tribunals: MICT, the Kosovo Specialist Chambers and the Turn to New Hybridity // EJIL: Talk. 23 September 2016. URL: https://www.ejiltalk.org/tribunals-are-dead-long-live-tribunals-mict-the-kosovo-specialist-chambers-and-the-turn-to-new-hybridity/#more-14577
15. Closing Arguments of 13 November 2014, The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba Gombo, Case No. ICC-01/05-01/08. URL: https://www.icc-cpi.int/Pages/record.aspx?docNo=ICC-01/05-01/08-T-364.
16. Karnavas M. Ahmed al Faqi al Mahdi's trial or slow change of plea hearing at the ICC? URL: http://michaelgkarnavas.net/blog/2016/08/30/al-mahdi-trial-or-plea.
17. Whiting A. The First Case for the ICC Prosecutor: Attacks on Cultural Heritage. URL: https://www.justsecurity.org/26453/mali-icc-attacks-cultural-heritage.
18. Decision on the confirmation of charges against Dominic Ongwen No. ICC- 02/04-01/15-422-red of 23 March 2016, Case of the Prosecutor V. Dominic Ongwen, Situation in Uganda. URL: https://www.icc-cpi.int/Pages/record.aspx?docNo=ICC-02/04-01/15-422-red.
19. Mcdemott Y. ICC extends War Crimes of Rape and Sexual Slavery to Victims from Same Armed Forces as Perpetrator // IntLawGrrls Blog. 5 January 2017. URL: https://ilg2.org/2017/01/05/icc-extends-war-crimes-of-rape-and-sexual-slavery-to-victims-from-same-armed-forces-as-perpetrator.
20. Decision No. ICC-01/0402/06 OAS of 15 June 2017, Case of the Prosecutor V. Bosco Ntaganda, Situation in the Democratic Republic of Congo. URL: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2017_03920.PDF.
21. Heller K.J. ICC Appeals Chamber Says A War Crime Does Not Have to Violate International Humanitarian Law // Opinio Juris Blog. 15 June 2017. URL: http://opiniojuris.org/2017/06/15/icc-appeals-chamber-holds-a-war-crime-does-not-have-to-violate-ihl.
22. Заявление МИД России №2111 от 16 ноября 2016 г. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2523566.

References

1. Schermers H.G., Blokker N.M International Institutional Law, Fourth Revised Edition. Martinus Nijhoff Publishers, Boston/Leiden, 2003.
2. Judgment of the International Tribunal for the Alw of the Sea of 14 March 2012 in Case concerning Delimitation Of The Maritime Boundary Between Bangladesh And Myanmar In The Bay Of Bengal (Bangladesh/Myanmar). URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_16/published/C16_Judgment.pdf.
3. Judgment of the International Court of Justice of 19 November 2012 in Case concerning Territorial and Maritime Dispute (Nicaragua v. Colombia). URL: http://www.icj-cij.org/files/case-related/124/124-20121119-JUD-01-00-EN.pdf.
4. Abashidze A.H., Solntsev A.M., Ageychenko K.V. Mirnoe razreshenie mezhdunarodnyh sporov: sovremennye problemy. Rossiyskiy universitet druzhby narodov, Moscow, 2011.
5. Shinkaretskaya G.G. Smeshannye ugolovnye tribunaly: novyi vid pravosudia? // Mezhdunarodnoe pravo I mezhdunarodnye organizatsii. 2014. №2. DOI: 10.7256/2226-6305.2014.2.11599.
6. Judgement No. ICC-01/04-01/06-2842 of 4 April 2012, The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo, Situation in the Democratic Republic of Congo. URL: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2012_03942.PDF.
7. Brummelman W. Strafhof krijgt een nieuw gebouw, maar heeft niets te vieren // NRC Media. 11 December 2015. URL: https://www.nrc.nl/nieuws/2015/12/11/strafhof-krijgt-een-nieuw-gebouw-maar-heeft-niets-1569875-a910491.
8. United Nations Secretary-General's Remarks at Inaugural Ceremony of the Permanent Premises of the International Criminal Court, 19 April 2016. URL: https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2016-04-19/secretary-generals-remarks-inaugural-ceremony-permanent-premises.
9. United Nations Secretary-General's remarks at ceremony to commemorate the 70th Anniversary of the International Court of Justice, 20 April 2016. URL: https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2016-04-20/secretary-generals-remarks-ceremony-commemorate-70th-anniversary.
10. Proposed Programme Budget for 2017 of the International Criminal Court. ICC-ASP/15/10 of 17 August 2016. URL: https://asp.icc-cpi.int/iccdocs/asp_docs/ASP15/ICC-ASP-15-10-ENG.pdf.
11. Comment by the Information and Press Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation regarding the International Criminal Court Prosecutor's request for the Court's authorization to open an official investigation into the August 2008 events in South Ossetia of 15.10.2015. URL: http://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavitelya/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/1859488.
12. Corrected Version of "Request for authorisation of an investigation pursuant to article 15", 16 October 2015, ICC-01/15-4-Corr of 17 November 2016, Situation in Georgia, Pp.70, 98. URL: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2015_21221.PDF.
13. Report of the Office of the Prosecutor on Preliminary Examination Activities (2016), Situation in the Ukraine, Para. 161. URL: https://www.icc-cpi.int/iccdocs/otp/161114-otp-rep-PE-Ukraine.pdf
14. Stahn C. Tribunals are Dead, Long Live Tribunals: MICT, the Kosovo Specialist Chambers and the Turn to New Hybridity // EJIL: Talk. 23 September 2016. URL: https://www.ejiltalk.org/tribunals-are-dead-long-live-tribunals-mict-the-kosovo-specialist-chambers-and-the-turn-to-new-hybridity/#more-14577
15. Closing Arguments of 13 November 2014, The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba Gombo, Case No. ICC-01/05-01/08. URL: https://www.icc-cpi.int/Pages/record.aspx?docNo=ICC-01/05-01/08-T-364.
16. Karnavas M. Ahmed al Faqi al Mahdi's trial or slow change of plea hearing at the ICC? URL: http://michaelgkarnavas.net/blog/2016/08/30/al-mahdi-trial-or-plea.
17. Whiting A. The First Case for the ICC Prosecutor: Attacks on Cultural Heritage. URL: https://www.justsecurity.org/26453/mali-icc-attacks-cultural-heritage.
18. Decision on the confirmation of charges against Dominic Ongwen No. ICC- 02/04-01/15-422-red of 23 March 2016, Case of the Prosecutor V. Dominic Ongwen, Situation in Uganda. URL: https://www.icc-cpi.int/Pages/record.aspx?docNo=ICC-02/04-01/15-422-red.
19. Mcdemott Y. ICC extends War Crimes of Rape and Sexual Slavery to Victims from Same Armed Forces as Perpetrator // IntLawGrrls Blog. 5 January 2017. URL: https://ilg2.org/2017/01/05/icc-extends-war-crimes-of-rape-and-sexual-slavery-to-victims-from-same-armed-forces-as-perpetrator.
20. Decision No. ICC-01/0402/06 OAS of 15 June 2017, Case of the Prosecutor V. Bosco Ntaganda, Situation in the Democratic Republic of Congo. URL: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2017_03920.PDF.
21. Heller K.J. ICC Appeals Chamber Says A War Crime Does Not Have to Violate International Humanitarian Law // Opinio Juris Blog. 15 June 2017. URL: http://opiniojuris.org/2017/06/15/icc-appeals-chamber-holds-a-war-crime-does-not-have-to-violate-ihl.
22. Official statement by the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation № 2111 of 16 November 2016. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2523566.

TAGS: международное право, международное гуманитарное право, международные организации, международные суды и трибуналы, международные преступления, Международный уголовный суд, Международный суд, Морской трибунал по морскому праву

International law, international humanitarian law, international courts and tribunals, international crimes, International Court of Justice, International Criminal Court, International Tribunal for the Law of the Sea

Тимохин К.В.,
к.ю.н., Первый секретарь Правового департамента МИД России.

Annotation

The article dwells on the issue of the development of international judicial bodies. It is remarked that the proliferation of the number of such organs inevitably leads to the competition between them. This urges them to undertake unconventional steps to promote their image and the services they provide. In some cases these are justified actions directed at increasing the efficiency of the organization, in others – such steps may be seen as artificial, basing primarily on the internal policies of the institutions rather than the interests of its Member States. As an example, the practice of the International Criminal Court, both judicial and administrative, is analyzed. ■

Тимохин К.В.,
к.ю.н., Первый секретарь Правового департамента МИД России.

Аннотация

В статье рассматривается вопрос развития международных судебных органов и отмечается тот факт, что на фоне роста количества подобных структур между ними неизбежно возникает конкуренция. Это подталкивает их к нестандартным шагам по продвижению как собственного образа, так и предлагаемых услуг. В некоторых случаях это оправданные шаги, направленные на повышение эффективности института, в иных же - такие действия могут носить искусственный характер с оглядкой скорее на «внутреннее право» учреждения, нежели на интересы его государств-членов. В качестве примера приводится анализ судебной и административной практики Международного уголовного суда. ■

УДК 796:34 + 316.75

Юридические аспекты становления компьютерного спорта в России

Legal aspects of formation of e-sports in Russia

Начало XXI века ознаменовалось бурным ростом популярности соревнований по различным дисциплинам компьютерного спорта (киберспорта). Множится число их участников и зрителей, расширяются спонсорские возможности, растёт внимание рекламодателей, увеличиваются объёмы торговли правом на трансляции матчей в средствах массмедиа.

Международное признание киберспорта на сегодняшний день очевидно. В 2008 году была создана Международная федерация киберспорта (англ. International e-Sports Federation, IeSF) [1], объединяющая 48 национальных федераций разных стран со всех континентов, включая Россию, Украину, Белоруссию, Азербайджан, Казахстан и Узбекистан из стран бывшего СНГ. Федерация, в том числе, проводит чемпионаты мира по киберспорту (Esports World Championship). В мае 2013 года IeSF получила статус участника Всемирного антидопингового агентства, первые допинг-пробы на соревнованиях по компьютерному спорту были взяты на чемпионате мира 2013 года, который прошел в Бухаресте (Румыния).

Турнир The International 2018 по Dota 2 в г. Ванкувер, Канада

Вместе с тем системное международное и внутригосударственное правовое регулирование компьютерного спорта в настоящее время практически отсутствует. Во многом это связано с тем, что как вид спорта он признан официально только в 26 странах мира. Законодательные акты, принятые в отдельных странах, погоды не делают и, в основном, касаются только отдельных конкретных проблем, возникающих в национальных киберсообществах и в их отношениях как внутри федераций, так и с государством.

Так, например, во Франции в 2016 году был принят «Закон о цифровых технологиях», включающий отдельную статью [2], на законодательном уровне определяющую понятие компьютерного спорта и юридический статус киберспортсмена, виды соревнований и механизмы, обеспечивающие выплату денежных призов. Кроме того, в законе рассмотрены вопросы заключения контрактов и визового оформления киберспортсменов. Здесь следует отметить, что эти законодательные положения стали первыми в Европе нормативными актами в сфере компьютерного спорта. На другом континенте правительство США признало видеоигру «Лига Легенд» (англ. League of Legends) официальной дисциплиной спорта [3], в то же время остальные дисциплины, как и компьютерный спорт в целом, остаются непризнанными. Отдельные нормативные акты в сфере компьютерного спорта приняты в Китае, например касающиеся деятельности киберспортивных стримеров [4] и обязанности разработчиков видеоигр указывать вероятность выпадения различных предметов из внутриигровых «сундуков» [5]. Но, конечно, примером для всего мирового сообщества в отношении к киберспорту должна служить Южная Корея, где поддержка этого вида спорта осуществляется на государственном уровне. С апреля 2006 года в стране действует «Закон о продвижении игровой индустрии» [6], который постоянно совершен-

ствуется. Законом определено, что целью документа является содействие развитию национальной экономики и повышению качества культурной жизни людей посредством развития игровой индустрии и формирования здоровой игровой культуры населения путём создания фундамента игровой индустрии и установления норм, касающихся использования игровых продуктов. Документ охватывает сферу гораздо шире компьютерного спорта, являющегося только частью понятия «игровая индустрия».

Особенность и важность «Закона о продвижении игровой индустрии» для других государств состоит в том, что он юридически закрепляет в единой системе отношения между государством, организациями и личностью, их возможности и действия в цифровую эпоху. Документ включает в себя фундаментальные положения, начиная от содержания и порядка разработки комплексного плана развития игровой индустрии, обязанностей и прав государства и местных органов власти по разработке и выполнению планов по подготовке специалистов, развитию технологий и улучшению технических стандартов, до разработки и проведения политики по предотвращению чрезмерного погружения в игры, поддержки образования по вопросам использования игровых продуктов, защиты прав интеллектуальной собственности, прав и интересов пользователей.

В России признание компьютерного спорта как официального вида спортивных соревнований имеет долгую историю. Официальные соревнования по видеоиграм у нас в стране начали проводиться с середины 1990-х годов. Так, первые турниры по играм StarCraft и Quake состоялись в 1996 году. Повсеместно открывались игровые компьютерные клубы, одним из первых в 1997 году был создан культовый московский клуб «Орки». Начали издаваться специализированные журналы «Магазин игрушек» (1995) и «Игромания» (1997). С 2001 года в России проводятся отборочные турниры под эгидой первопроходца в организации международных профессиональных турниров по видеоиграм – профессиональной лиги киберспортсменов CPL (англ. Cyberathlete Professional League) [7], созданной в 1997 году.

В марте 2000 года состоялся учредительный съезд Федерации компьютерного спорта России (ФКС России, англ. Russian eSports Federation) – общероссийской общественной организации, взявшей на себя ответственность за развитие в РФ массового компьютерного спорта (киберспорта) [8]. Свидетельство о государственной регистрации некоммерческой организации при создании выдано 22 марта 2001 года.

Компьютерный спорт в России набирал обороты.

Вместе с тем правовое поле, необходимое для работы киберспортивных организаций и клубов, организаторов, судей и участников соревнований, а также для проведения самих соревнований, отсутствовало.

Впрочем, в те годы практически отсутствовало и нормативно-правовое регулирование деятельности в области физической культуры и спорта в целом. Действующий в стране документ «Основы законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте» [9], утверждённый Верховным Советом РФ 27 апреля 1993 года за № № 4868-1, имел для своего времени важнейшее значение. Он впервые законодательно закрепил многие принципиально важные положения, касающиеся разграничения компетенций государства, регионов и органов местного самоуправления, источников финансирования, а также ввёл такие понятия, как «система физической культуры» и «спорт». В то же время многие положения документа отличались декларативностью, чему были свои причины: на подготовку сколько-нибудь полноценного нормативного акта просто не было времени. Документ должен был быть подготовлен в срочном порядке в рамках приведения всего законодательства России в соответствие с Конституцией Российской Федерации. «Основы законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте» потеряли свою силу в связи с принятием Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 29 апреля 1999 года № 80-ФЗ [10]. Под действие положений именно этого закона и подпадал компьютерный спорт в случае его официального признания видом спорта.

Практически все публикации в СМИ и на электронных ресурсах называют датой такого признания 25 июля 2001 года. Однако это не так. В приказе Государственного комитета РФ по физической культуре и спорту (Госкомспорт России) от 25 июля 2001 г. № 449 «О введении видов спорта в государственные Программы физического воспитания» [11] нет ни слова о признании. Документ лишь предписывает включить компьютерный спорт «как (дисциплину) вид спорта в перечень видов спорта для введения в государственные

Киберспортсмены на турнире

программы физического воспитания населения и рекомендуемый для развития в Российской Федерации». В то же время эта дата стала знаменательной вехой в истории становления отечественного компьютерного спорта – он получил формальные юридические основания для своего развития в масштабах страны, пусть пока и в виде рекомендации.

А официальное признание компьютерный спорт получил 12 марта 2004 года. Именно этой датой был оформлен приказ Федерального агентства по физической культуре и спорту (Росспорт) от 12.03.2004 № 226 со всё разъясняющим названием: «О признании нового вида спорта – компьютерный спорт» [12]. Документ предписывал «признать новый вид спорта – компьютерный спорт и ввести его в Перечень видов спорта, признанных в Российской Федерации». Но если с признанием всё стало понятно, то с внесением в Перечень остаются вопросы.

Дело в том, что утверждённого Перечня признанных видов спорта как отдельного документа в это время в России не существовало. На дату подписания приказа № 226 о признании только что вступил в действие приказ Государственного комитета РФ по физической культуре и спорту (Госкомспорт России) от 15 января 2004 года № 22 «Об утверждении Всероссийского реестра видов спорта (ВРВС)» [13]. Его действие продлялось только до 15 июля 2004 года, всего было оформлено 5 редакций реестра. Ни в одну из них компьютерный спорт (а его место должно было быть между киокусинкаем и конным спортом) не был включен. Не было его и в заменившем документе, введённом приказом Министерства спорта РФ (Росспорт) от 28 сентября 2004 № 273 «О Всероссийском реестре видов спорта (ВРВС)» [14] в связи с изменением названия федерального ведомства.

При этом факт отсутствия компьютерного спорта в реестрах не помешал исключить его из оных приказом Росспорта от 04 июля 2006 № 414 «О компьютерном спорте» [15], как «не отвечающего требованиям пункта 3 Положения о Всероссийском реестре видов спорта (приложение № 2 к приказу Росспорта от 28 сентября 2004 г. № 273)». Пункт 3 указанного положения устанавливал, что «критериями включения вида спорта в ВРВС (кроме национальных и ведомственных) являются его развитие в более чем половине субъектов Российской Федерации и наличие зарегистрированного в установленном порядке общероссийского физкультурно-спортивного объединения». В то же время в комментарии порталу proplay.ru в ноябре 2006 года представитель ФКС России справедливо отметил и другие причины исключения, не связанные с развитием вида спорта в регионах: «Не смогли (пока) разработать должным образом список дисциплин компьютерного спорта, правил по каждой дисциплине, правил присвоения разрядов, званий и судейских категорий» [16].

Несмотря на исключение из числа признанных видов, компьютерный спорт не ушел «в подполье». Наоборот, он продолжал интенсивно развиваться, готовясь к новому прыжку в большой спорт. Огромную работу по популяризации компьютерного спорта проделала ФКС. Проводились соревнования, разрабатывались необходимые документы, создавались региональные федерации, спортивные и компьютерные клубы, открывались школы обучения и игровые центры, формировались профессиональные команды спортсменов, расширялся перечень киберспортивных дисциплин.

И, как результат большой работы, компьютерный спорт был восстановлен в своих правах. 29 апреля 2016 года его вновь признали официальным видом российского спорта. Приказом Министерства спорта РФ от 29 апреля 2016 г. № 470 он был включен в первый раздел ВРВС, который объединяет признанные виды спорта, не являющиеся национальными и развиваемыми на общероссийском уровне [17].

Процедура признания осуществлялась в соответствии с «Порядком признания видов спорта, спортивных дисциплин и включения их во Всероссийский реестр видов спорта и порядок его ведения», утвержденным приказом Министерства спорта РФ от 2 сентября 2013 г. № 702 [18].

Впрочем, 13 апреля 2017 года Министерство спорта России опубликовало на своем сайте приказ от 16 марта 2017 года № 183 «О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин, видов спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта» [19], в соответствии с которым компьютерный спорт был переведён во второй раздел реестра, то есть он стал относиться к видам, развиваемым на общероссийском уровне. Другими словами, начиная с даты опубликования приказа компьютерный спорт получил равные права с футболом, хоккеем, теннисом и другими общенациональными видами спорта. Это означает, что для компьютерного спорта стали возможными проведение официальных соревнований, присвоение спортивных разрядов и званий, а также разработка образовательных программ по подготовке судейского и тренерского составов. В соответствии с упомянутым выше приказом компьютерный спорт получил номер-код вида спорта 1240002411Л.

На сегодняшний день официально признаны пять киберспортивных дисциплин [20]: «Боевая арена» (номер-код спортивной дисциплины 1240012811Л), «Соревновательные головоломки» (1240022811Л), «Стратегия в реальном времени» (1240032811Л), «Технический симулятор» (1240042811Л) и «Спортивный симулятор» (1240052811Л). Это не конкретные видеоигры типа Dota 2, League of Legends, Counter-Strike, World of tanks или FIFA 17, а группы игр, сформированные по определённым признакам.

Признание компьютерного спорта видом спорта влечёт за собой определённые правовые последствия. Теперь на него распространяется действие целого ряда законов. В первую очередь это Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ [21], устанавливающий правовые, организационные, экономические и социальные основы деятельности в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и определяющий основные принципы законодательства о физической культуре и спорте. Среди других нормативных документов, под которые подпадают действующие в

сфере компьютерного спорта спортсмены и организации – это Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ [22], целями которого являются установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание благоприятных условий труда, защита прав и интересов работников и работодателей; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 4, раздел VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» [23]; Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ [24], регулирующий отношения, возникающие при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, применение информационных технологий и обеспечение защиты информации; Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ [25], регулирующий отношения, связанные с обработкой персональных данных, осуществляемой федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ, иными государственными органами, органами местного самоуправления, иными муниципальными органами, юридическими и физическими лицами с использованием средств автоматизации, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях; Закон РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1 (статья 26.1. Дистанционный способ продажи товара) [26] и др.

К числу обязательных для исполнения в сфере компьютерного спорта нормативно-правовых норм относятся и Правила вида спорта «Компьютерный спорт» [27], разработанные с учетом правил и технических регламентов Международной федерации компьютерного спорта и утвержденные приказом Министерства спорта РФ от 9 октября 2017 г. № 881. Они устанавливают требования к системам проведения соревнований, правилам и способам их проведения, порядку утверждения и содержанию Пположений и регламентов соревнований, к используемому инвентарю (включая оборудование, экипировку и программное обеспечение) и техническим требованиям к нему. Правила регламентируют также права и обязанности участников соревнований, работу организаторов, официальных лиц и представителей, судей и секретариата, а также требования к документации соревнований. В отдельном разделе документа изложены Правила проведения соревнований для каждой официально признанной спортивной дисциплины компьютерного спорта.

Однако для дальнейшего развития киберспорта перечисленных документов явно недостаточно, нормативно-правовая база этой сферы катастрофически не успевает отслеживать не только растущие, но и сегодняшние потребности законодательного обеспечения нового вида спорта. В отсутствие международно-правового регулирования сферы компьютерного спорта необходимо создавать собственную законодательную базу, превращая её в полноценную систему, элементы которой будут охватывать все направления и всех интересантов киберспортивной деятельности. Продолжающаяся в настоящее время цифровизация всех сфер жизни общества и повсеместное внедрение компьютерных технологий ставит перед правоведами качественно новые задачи, большинство из которых сходу не решить. По существу, нормативно-правовая база киберспорта будет пилотным проектом для будущих юридических решений во многих сферах.

Конечно, при её создании в полной мере необходимо использовать наработки и опыт других стран, уже реализовавших многие положения правового обеспечения киберспорта. А фундаментом отечественной нормативно-правовой базы должен стать закон о компьютерном спорте. В его положениях следует отразить все проблемные юридические вопросы, затрагивающие киберсообщество России.

В настоящее время о подготовке такого нормативного документа идут только разговоры. Так, в ноябре 2016 года глава Роскомнадзора Александр Жаров на конференции по защите персональных данных сообщил о разработке законопроекта о регулировании видеоигр [28]. По его словам, проект разрабатывают представители игровой индустрии. Здесь следует заметить, что представителей игровой индустрии для разработки, а тем более продвижения закона явно недостаточно. Конечно, их участие необходимо. Однако ведущая роль в создании и продвижении системы, регулирующей нормативно-правовые аспекты сферы компьютерного спорта, должна принадлежать Министерству спорта России при участии Минобрнауки РФ, Министерства просвещения РФ и Федерации компьютерного спорта России. Последняя, в соответствии с приказом Министерства спорта РФ № 618 от 05 июля 2017 г., наделена правами и обязанностями общероссийской спортивной федера-

ции по виду спорта «Компьютерный спорт».

За 18 лет существования под эгидой ФКС было проведено более 1000 турниров различного уровня, в которых приняли участие более 300 тыс. киберспортсменов. В Федерации к настоящему времени накоплен огромный опыт проведения соревнований и работы с киберспортивными командами, спортсменами, различными ведомствами и организациями. Благодаря этому она способна привлечь к решению существующих проблем высококвалифицированных экспертов.

А проблемы начинаются уже с отсутствия юридически закреплённого перечня терминов и определений, используемых в сфере компьютерного спорта. До настоящего времени чётко не прописаны видеоигры, входящие в утверждённые дисциплины компьютерного спорта, и порядок включения видеоигры в каждую отдельную дисциплину. Характерный пример: одна из самых популярных в России игр Counter-Strike:Global Offensive (CS:GO) не входит ни в одну дисциплину российского компьютерного спорта.

Одной из наиболее серьезных юридических проблем компьютерного спорта является контрактная система. В условиях наличия интернациональных команд трудовые отношения оформить достаточно сложно, здесь нужно максимально использовать опыт клубов и команд, выступающих в других видах спорта. Механизм правового регулирования отношений киберспортсменов между собой и со спортивными организациями, в которые они входят, должен быть чётким и прозрачным.

Здесь же можно назвать и проблему правовой защиты киберспортсменов. До настоящего времени не разработаны Положения о всероссийских и межрегиональных соревнованиях по компьютерному спорту, которые упоминаются в Правилах вида спорта «Компьютерный спорт».

Сразу же необходимо решать проблему допингового контроля и возрастных ограничений игроков, определения их роли и статуса. Остро стоит вопрос контроля принадлежности аккаунта конкретному человеку, должны быть приняты меры по исключению так называемого бустинга, когда сильный игрок садится играть за слабого. Используя опыт Китая, должно быть обеспечено правовое регулирование деятельности киберспортивных стримеров.

Среди других проблем, решение которых должно найти своё отражение в киберспортивном законодательстве, следует назвать защиту прав интеллектуальной собственности, неопределённость статуса киберспортивной организации, статус букмекерских «контор» и вопросы, связанные со ставками.

В заключение отметим, что необходимость разработки и принятия отдельного закона о компьютерном спорте может быть установлена только после всестороннего анализа соответствия вида спорта «Компьютерный спорт» требованиям действующего спортивного законодательства, в первую очередь – Федеральному закону «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ.■

Литература

1. International e-Sports Federation // Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ie-sf.org (дата обращения: 20.09.2018).
2. Сенат Франции принял закон о киберспорте. [Электронный ресурс]. – URL: https://cyber.sports.ru/dota2/1044413032.html (Дата обращения: 20.09.2018).
3. США приравняли игроков League of Legends к спортсменам. [Электронный ресурс]. – URL: httphttps://www.bbc.com/russian/sport/2013/07/130716_esport_usa_visas (дата обращения: 20.09.2018).
4. Министерство культуры Китая приняло закон о регулировании деятельности стимеров. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.sovsport.ru/others/cybersport/news/946704-v-kitae-prinjali-zakon-o-regulirovanii-dejatelnosti-strimerov (дата обращения: 20.09.2018).
5. Китайское правительство обяжет указывать шанс выпадения предметов из сундуков в играх. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cybersport.ru/news/kitayskoe-pravitelstvo-obyazhet-ukazyvat-shans-vypadeniya-predmetov-iz-sundukov-v-igrakh (дата обращения: 20.09.2018).
6. Game Industry Promotion Act. [Электронный ресурс]. – URL: http://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/subjectViewer.do?hseq=38906&type=subject&key=02&pCode=26&pName=Teenage%20Access%20to%20Internet (дата обращения: 21.09.2018).
7. Cyberathlete Professional League // Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: http://thecpl.com (дата обращения: 18.09.2018).
8. Федерация компьютерного спорта России // Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: https://resf.ru (дата обращения: 17.09.2018).
9. Основы законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте (в ред. Указа Президента РФ от 24.12.93 № 2288). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=12144&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.8043470102697065#0642663465137519 (дата обращения: 24.09.2018).
10. Федеральный закон от 29.04.1999 № 80-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (в ред. от 10.01.2003). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=40648&rnd=E6CB802804B7FA239E466D74BEA8C6EF&dst=100314&fld=134#02501598745271777 (дата обращения: 24.09.2018).
11. Приказ Государственного комитета РФ по физической культуре и спорту (Госкомспорт России) от 25.07.2001 № 449 «О введении видов спорта в государственные Программы физического воспитания». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=301217#01810225057380388 (дата обращения: 24.09.2018).
12. Приказ Федерального агентства по физической культуре и спорту (Росспорт) от 12.03.2004 № 226 «О признании нового вида спорта – компьютерный спорт». [Электронный ресурс]. – URL: http://kremlin-moscow.com/441309 (дата обращения: 24.09.2018).
13. Приказ Государственного комитета РФ по физической культуре и спорту (Госкомспорт России) от 15.01.2004 № 22 «Об утверждении Всероссийского реестра видов спорта (ВРВС)». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=327569#057154782747349 (дата обращения: 24.09.2018).
14. Приказ Министерства спорта РФ (Росспорт) от 28.09.2004 № 273 «О Всероссийском реестре видов спорта (ВРВС)». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=327569#057154782747349 (дата обращения: 24.09.2018).
15. Приказ Федерального агентства по физической культуре и спорту (Росспорт) от 04.07.2006 № 414 «О компьютерном спорте». [Электронный ресурс]. – URL: https://resf.ru (дата обращения: 24.09.2018).
16. Proplay.ru // Форум // О приказе от 4 июля 2006 г. № 414. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.proplay.ru/news/1619/ (дата обращения: 24.09.2018).
17. Приказ Министерства спорта РФ от 29.04.2016 № 470 «О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин, видов спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта, а также в приказ Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации от 17.06.2010 № 606 «О признании и включении видов спорта, спортивных дисциплин во Всероссийский реестр видов спорта"». [Электронный ресурс]. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201606070022 (дата обращения: 26.09.2018).
18. Приказ Министерства спорта РФ от 2.09.2013 № 702 «Об утверждении порядка признания видов спорта, спортивных дисциплин и включения их во всероссийский реестр видов спорта и порядка его ведения». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=151933&rnd=E6CB802804B7FA239E466D74BEA8C6EF&dst=100008&fld=134#05090384181281186 (дата обращения: 26.09.2018).
19. Приказ Министерства спорта РФ от 16.03.2017 № 183 «О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин, видов спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215519/ (дата обращения: 26.09.2018).
20. «Спортивный симулятор» – новая дисциплина киберспорта. [Электронный ресурс]. – URL: https://resf.ru/news/sportivnyy-simulyator--novaya-disciplina-kibersporta/ (дата обращения: 18.09.2018).
21. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 28.09.2018).
22. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 03.08.2018). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/4a31b57741dfbf7b99756f5338ab052b3fb209cc/ (дата обращения: 28.09.2018).
23. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 4. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 28.09.2018).
24. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 28.09.2018).
25. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 31.12.2017). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/d44bdb356e6a691d0c72fef05ed16f68af0af9eb/ (дата обращения: 27.09.2018).
26. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 04.06.2018). Статья 26.1. Дистанционный способ продажи товара (введена Федеральным законом от 21.12.2004 № 171-ФЗ). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/1525b1a2f037db240c8e6a749619f86e53857f13/ (дата обращения: 27.09.2018).
27. Министерство спорта РФ. Правила видов спорта. Виды спорта, развиваемые на общероссийском уровне. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.minsport.gov.ru/sport/high-sport/pravila-vidov-sporta/ (дата обращения: 28.09.2018).
28. В России готовят проект по регулированию компьютерных игр. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3461575 (дата обращения: 25.09.2018).

REFERENCES

1. International e-Sports Federation // Official site. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207422/ (accessed 20.09.2018) (InEngl).
2. The senate of France adopted the law on cybersport [Senat Francii prinyal zakon o kibersporte]. – URL: https://cyber.sports.ru/dota2/1044413032.html (accessed 20.09.2018) (InRuss).

3. The USA equated players of League of Legends to athletes [SShA priravnyali igrokov League of Legends k sportsmenam]. – URL: https://www.bbc.com/russian/sport/2013/07/130716_esport_usa_visas (accessed 20.09.2018) (InRuss).
4. The Ministry of Culture of China adopted the law on regulation of activity of steamers [Ministerstvo kul'tury Kitaya prinyalo zakon o regulirovanii deyatel'nosti stimerov]. – URL: https://www.sovsport.ru/others/cybersport/news/946704-v-kitae-prinjali-zakon-o-regulirovanii-dejatelnosti-strimerov (accessed 20.09.2018) (InRuss).
5. The Chinese government will oblige to specify chance of loss of objects from chests in games [Kitajskoe pravitel'stvo obyazhet ukazyvat' shans vypadeniya predmetov iz sundukov v igrah]. – URL: https://www.cybersport.ru/news/kitayskoe-pravitelstvo-obyazhet-ukazyvat-shans-vypadeniya-predmetov-iz-sundukov-v-igrakh (accessed 20.09.2018) (InRuss).
6. Game Industry Promotion Act [Электронный ресурс]. – URL: http://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/subjectViewer.do?hseq=38906&type=subject&key=02&pCode=26&pName=Teenage%20Access%20to%20Internet (accessed 20.09.2018) (InRuss).
7. Cyberathlete Professional League // Official site. – URL: http://thecpl.com (accessed 18.09.2018) (InEngl).
8. Russian eSports Federation // Official site [Federaciya komp'yuternogo sporta Rossii // Oficial'nyj sajt]. – URL: https://resf.ru (accessed 17.09.2018) (InRuss).
9. Principles of the legislation of the Russian Federation on physical culture and sport (in an ed. Presidential decree of the Russian Federation of 24.12.93 No. 2288) [Osnovy zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o fizicheskoj kul'ture i sporte (v red. Ukaza Prezidenta RF ot 24.12.93 № 2288)]. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=12144&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.8043470102697065#0642663465137519 (accessed 24.09.2018) (InRuss).
10. The federal law of 29.04.1999 No. 80-FZ «About Physical Culture and Sport in the Russian Federation» (in an ed. of 10.01.2003) [Federal'nyj zakon ot 29.04.1999 № 80-FZ «O fizicheskoj kul'ture i sporte v Rossijskoj Federacii» (v red. ot 10.01.2003)]. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=40648&rnd=E6CB802804B7FA239E466D74BEA8C6EF&dst=100314&fld=134#02501598745271777 (accessed 24.09.2018) (InRuss).
11. The order of the State committee of the Russian Federation on physical culture and sport of 25.07.2001 No. 449 «About introduction of sports to state programs of physical training» [Prikaz Gosudarstvennogo komiteta RF po fizicheskoj kul'ture i sportu (Goskomsport Rossii) ot 25.07.2001 № 449 «O vvedenii vidov sporta v gosudarstvennye Programmy fizicheskogo vospitaniya»]. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=301217#01810225057380388 (accessed 24.09.2018) (InRuss).
12. The order of Federal Agency for Physical Culture and Sport of 12.03.2004 No. 226 «About recognition of new sport – cybersport» [Prikaz Federal'nogo agentstva po fizicheskoj kul'ture i sportu (Rossport) ot 12.03.2004 № 226 «O priznanii novogo vida sporta – komp'yuternyj sport»]. – URL: http://kremlin-moscow.com/441309 (accessed 24.09.2018) (InRuss). 13. The order of the State committee of the Russian Federation on physical culture and sport of 15.01.2004 No. 22 «About the approval of the All-Russian Register of Sports (ARRS)» [Prikaz Gosudarstvennogo komiteta RF po fizicheskoj kul'ture i sportu (Goskomsport Rossii) ot 15.01.2004 № 22«Ob utverzhdenii Vserossijskogo reestra vidov sporta (VRVS)»]. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=327569#057154782747349 (accessed 24.09.2018) (InRuss).
14. The order of the Ministry of Sport of the Russian Federation of 28.09.2004 No. 273 «About the All-Russian Register of Sports (ARRS)» [Prikaz Ministerstva sporta RF (Rossport) ot 28.09.2004 № 273«O Vserossijskom reestre vidov sporta (VRVS)»]. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=327569#057154782747349 (accessed 24.09.2018) (InRuss).
15. The order of Federal Agency for Physical Culture and Sport of 04.07.2006 No. 414 «About computer sport» [Prikaz Federal'nogo agentstva po fizicheskoj kul'ture i sportu (Rossport) ot 04.07.2006 № 414 «O komp'yuternom sporte»]. – URL: https://resf.ru (accessed 24.09.2018) (InRuss).
16. Ðroplay.ru // Forum // About the order of July 4, 2006 No. 414 [Rroplay.ru // Forum // O prikaze ot 4 iyulya 2006 g. № 414]. – URL: http://www.proplay.ru/news/1619/ (accessed 24.09.2018) (InRuss).
17. The order of the Ministry of Sport of the Russian Federation of 29.04.2016 No. 470 «About recognition and inclusion in the All-Russian register of sports of sports disciplines, sports and modification of the All-Russian register of sports and also of the order of the Ministry of Sport, Tourism and Youth Policy of the Russian Federation of 17.06.2010 No. 606 «About recognition and inclusion of sports, sports disciplines in the All-Russian register of sports» [Prikaz Ministerstva sporta RF ot 29.04.2016 № 470 «O priznanii i vklyuchenii vo Vserossijskij reestr vidov sporta sportivnyh disciplin, vidov sporta i vnesenii izmenenij vo Vserossijskij reestr vidov sporta, a takzhe v prikaz Ministerstva sporta, turizma i molodezhnoj politiki Rossijskoj Federacii ot 17.06.2010 № 606 «O priznanii i vklyuchenii vidov sporta, sportivnyh disciplin vo Vserossijskij reestr vidov sporta"»]. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201606070022 (accessed 26.09.2018) (InRuss).
18. The order of the Ministry of Sport of the Russian Federation of 2.09.2013 No. 702 «About the statement of an order of recognition of sports, sports disciplines and their inclusions in the All-Russian register of sports and order of its maintaining» [Prikaz Ministerstva sporta RF ot 2.09.2013 № 702 «Ob utverzhdenii poryadka priznaniya vidov sporta, sportivnyh disciplin i vklyucheniya ih vo vserossijskij reestr vidov sporta i poryadka ego vedeniya»]. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=151933&rnd=E6CB802804B7FA239E466D74BEA8C6EF&dst=100008&fld=134#05090384181281186 (accessed 26.09.2018) (InRuss).
19. The order of the Ministry of Sport of the Russian Federation of 16.03.2017 No. 183 «About recognition and inclusion in the All-Russian register of sports of sports disciplines, sports and modification of the All-Russian register of sports» [Prikaz Ministerstva sporta RF ot 16.03.2017 № 183 «O priznanii i vklyuchenii vo Vserossijskij reestr vidov sporta sportivnyh disciplin, vidov sporta i vnesenii izmenenij vo Vserossijskij reestr vidov sporta»]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215519/ (accessed 26.09.2018) (InRuss).
20. «The sports simulator» – new discipline of cybersport [«Sportivnyj simulyator» – novaya disciplina kibersporta]. – URL: https://resf.ru/news/sportivnyy-simulyator--novaya-disciplina-kibersporta/ (accessed 18.09.2018) (InRuss).
21. Federal law of 04.12.2007 No. 329-FZ «About Physical Culture and Sport in the Russian Federation» [Federal'nyj zakon ot 04.12.2007 № 329-FZ «O fizicheskoj kul'ture i sporte v Rossijskoj Federacii»]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (accessed 28.09.2018) (InRuss).
22. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ (ed. of 03.08.2018) [Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 03.08.2018)]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/4a31b57741dfbf7b99756f5338ab052b3fb209cc/ (accessed 28.09.2018) (InRuss).
23. Civil code of the Russian Federation. Part 4 [Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Chast' 4]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (accessed 28.09.2018) (InRuss).
24. Federal law of 27.07.2006 No. 149-FZ «About Information, Information Technologies and on Information Security» [Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ «Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii»]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (accessed 28.09.2018) (InRuss).
25. The federal law of 27.07.2006 No. 152-FZ «About Personal Data» (in an ed. of 31.12.2017) [Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ «O personal'nyh dannyh» (v red. ot 31.12.2017)]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/d44bdb356e6a691d0c72fef05ed16f68af0af9eb/ (accessed 27.09.2018) (InRuss).
26. The act of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1 «About Consumer Protection» (in an ed. of 04.06.2018). Article 26.1. A remote way of sale of goods (it is entered by the Federal law of 21.12.2004 No. 171-FZ) [Zakon RF ot 07.02.1992 № 2300-1 «O zashchite prav potrebitelej» (v red. ot 04.06.2018). Stat'ya 26.1. Distancionnyj sposob prodazhi tovara (vvedena Federal'nym zakonom ot 21.12.2004 № 171-FZ)]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/1525b1a2f037db240c8e6a749619f86e53857f13/ (accessed 27.09.2018) (InRuss).
27. Ministry of Sport of the Russian Federation. Rules of sports. The sports developed at the all-Russian level [Ministerstvo sporta RF. Pravila vidov sporta. Vidy sporta, razvivaemye na obshcherossijskom urovne]. – URL: https://www.minsport.gov.ru/sport/high-sport/pravila-vidov-sporta/ (accessed 28.09.2018) (InRuss).
28. Russia prepares the project on regulation of computer games [V Rossii gotovyat proekt po regulirovaniyu komp'yuternyh igr]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3461575 (accessed 25.09.2018) (InRuss).

TAGS: компьютерный спорт, законодательство, нормативно-правовая база, видеоигры, реестр видов спорта, признание вида спорта, информационные технологии, цифровизация

e-sports, cybersport, legislation, law; regulatory framework, video games, register of sports, approval of sport, information technologies, digitalization.

Тарасенко В.А.,
директор Дирекции по правовым вопросам,
АО «МР Групп», Россия, Москва,
заместитель директора,
киберспортивная организация «OZ management»,
Россия, Москва.

Annotation

The rapid development of the video game market and the popularity of e-sports revealed a number of problems associated with the legislative basis of this social phenomenon as a product of digital technologies. At the same time, statutes adopted for this sphere in particular countries, including Russia, mostly relate only to specific problems in national cyber communities and to their relations with federations and the State.

The purpose of the work was to study the legal field in relation to the features of e-sports, with particular attention paid to the regulatory acts of Russian legislation. Separately, the task was to formalize the stages of development of e-sports in Russia, starting from the date of its official recognition.

An analysis of the state of the legal framework showed that the legal consequences of recognizing a new sport are currently not well understood. The main directions for improving the existing legislation are proposed, including both the sports component of legal relations and the legal problems of information and communication technologies. It was noted that in the absence of international legal regulation of the field of e-sports, it is currently necessary to create their own legal framework, turning it into a full-fledged system. Given the digitalization of all areas of society, it can be a pilot project for future legal decisions in many areas.

The study also found that the formally official date of recognition of e-sports in Russia should be considered April 29, 2016, when it was included in the all-Russian register of sports. ■

Vasily A. Tarasenko,
director of Directorate of legal questions,
JSC "MR Group", Russia, Moscow,
Deputy director,
E-Sports organization «OZ management»

Аннотация

Бурное развитие рынка видеоигр и рост популярности компьютерного спорта выявили ряд проблем, связанных с законодательным обеспечением этого социального явления как продукта цифровых технологий. В то же время законодательные акты, принятые для этой сферы в отдельных странах, включая Россию, в большей части касаются только отдельных конкретных проблем, возникающих в национальных киберсообществах и в их отношениях как внутри федераций, так и с государством.

Целью работы стало исследование правового поля применительно к особенностям компьютерного спорта, при этом особенное внимание уделено нормативным актам российского законодательства. Отдельно решалась задача формализации этапов развития компьютерного спорта в России, начиная с даты его официального признания.

Анализ состояния нормативно-правовой базы показал, что правовые последствия признания нового вида спорта в настоящее время изучены недостаточно. Предложены основные направления совершенствования существующего законодательства, включающие как спортивную составляющую правоотношений, так и правовые проблемы информационно-коммуникационных технологий. Отмечено, что в условиях отсутствия в настоящее время международно-правового регулирования сферы компьютерного спорта необходимо создавать собственную законодательную базу, превращая её в полноценную систему. С учётом цифровизации всех сфер жизни общества она может стать пилотным проектом для будущих юридических решений во многих сферах.

В ходе исследований также установлено, что формально официальной датой признания компьютерного спорта в России следует считать 29 апреля 2016 года, когда он был включен во Всероссийский реестр видов спорта. ■

Технические требования к материалам для публикации в журналах

Издательства АНО «Международный аналитическо-издательский центр правовой информации»

НАШИМ АВТОРАМ

Издательство АНО «Международный аналитическо-издательский центр правовой информации» и журнал «Международный правовой курьер» приглашают юристов и юристов-международников к сотрудничеству.

Мы всегда заинтересованы в сотрудничестве с новыми авторами и расширении пула экспертов, работающих с нами постоянно. Присылайте Ваши материалы: статьи, комментарии и тематические обзоры практики, экспертные отзывы, рецензии на новинки профессиональной литературы — в электронном виде в формате Word на адрес **yulia.firsova@fmc-media.ru**.

В связи с большим потоком статей срок рассмотрения составляет не менее одной недели. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы.

Вопрос о публикации решается редакцией издания.

Авторов просим сообщать о себе следующие сведения:

- Фамилия, имя, отчество
- Место работы и должность
- Ученая степень, почетные звания
- Контактные данные: номер телефона, e-mail.

Авторы, статьи которых ранее публиковались в одном из журналов издательства, могут сообщать только об изменении указанной информации. Статьи авторов, не сообщивших контактную информацию или предоставивших устаревшие/неактуальные данные, редакции журналов не принимают к рассмотрению.

Просим внимательно ознакомиться с правилами оформления материалов, направляемых в редакцию. Это поможет сократить срок подготовки статьи к публикации.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ И ИЛЛЮСТРАЦИЯМ:

1. Статьи для журнала принимаются в формате Word.
2. Обязательно наличие фотографии автора (-ов) статьи.
3. Количество знаков на полосе, включая пробелы:

	1* полоса	2 полосы	3 полосы	4 полосы	5 полос
Без иллюстраций	4 000	10 000	16 000	22 000	28 000
С иллюстрациями	3 000	8 000	13 000	18 000	23 000

* 1 полоса – С учетом заголовка

4. Фотографии принимаются в форматах tif, jpg (разрешение 300 dpi).
5. Фотографии в формате Word не принимаются!
6. Чертежи, схемы, логотипы – в векторных форматах: eps, cdr.
7. Графики и диаграммы – в векторных форматах или в формате Excel.
8. Схемы и чертежи формата AutoCAD желательно перевести в формат CorelDraw.

Объем материала, по общему правилу, не должен превышать 40 000 знаков с пробелами.

В сносках, по возможности, указываются только источники. При оформлении сносок на материалы, размещенные в Интернете, обязательно указывать полный адрес и дату рецепции.

Согласно требованиям ВАК, каждый материал должен быть дополнен аннотацией (до 400 знаков с пробелами) на русском и английском языке и ключевыми словами (3—5 слов или словосочетаний) на русском и английском языке.

Настоятельно советуем перед тем, как предоставить материал на рассмотрение, ознакомиться с условиями авторского договора (на сайте http://inter-legal.ru).

Принятые к публикации материалы проходят литературное редактирование и корректуру. Редакция оставляет за собой право без согласования с автором исправлять бесспорные ошибки и недостатки текста. Все статьи, поступающие на рассмотрение, проходят проверку на плагиат. Авторы статей, не выдержавших проверку, к сотрудничеству с редакцией более не привлекаются.

Вопросы о публикации можно задать по электронной почте @ yulia.firsova@fmc-media.ru.

Редакция не несет ответственности за содержание предоставленных материалов

РАЗМЕЩЕНИЕ РЕКЛАМЫ

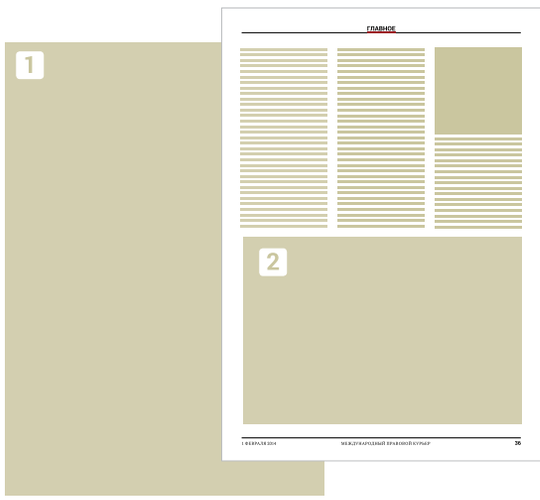
Аудитория: руководители и сотрудники юридических служб, консалтинговых компаний, дипломатические работники, юридические отделы и руководство компаний, ведущих международную деятельность, судьи, адвокаты, нотариусы, научные работники, студенты, аспиранты, а также все те, кто интересуется проблемами международного права.

Распространение: в розницу и по подписке на всей территории РФ, а также на выставках, семинарах, конференциях.

Сотрудничество: мы сотрудничаем с крупнейшими российскими и международными вузами — Дипломатическая академия МИД РФ, Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Московская государственная юридическая академия имени О.Н.Кутафина, Российский университет дружбы народов, Итальянский институт философских исследований (г.Неаполь), а также другими российскими и международными научными институтами и организациями. Нашими партнерами также являются Международная ассоциация юристов, Российская государственная библиотека.

РАЗМЕРЫ:

1. **Одна внутренняя полоса** (А4) – 213 х 302 мм + по 5 мм с каждой стороны под обрез.
2. **1/2 полосы** (А5 горизонтальный) – 186 х 128 мм
3. **Обложка** – 213 х 302 мм + по 5 мм с каждой стороны под обрез.



• Рекламные модули принимаются в форматах: eps, ai, cdr, tif (300 dpi, CMYK).

• Все используемые в модуле шрифты должны быть переведены в «кривые».

• Импортированные растровые изображения должны быть приложены отдельно к макету.

ВЕКТОРНАЯ ГРАФИКА:

• **Формат:** Adobe Illustrator до CS3, сохранение файла в формате Illustrator EPS, шрифты в кривых.

• **Содержание:** цветовая модель CMYK, слои сведены, растровая графика должна быть внедрена в файл в модели CMYK и иметь разрешение 300 dpi.

РАСТРОВАЯ ГРАФИКА:

• **Формат:** Adobe Photoshop до CS4, TIFF.

• **Содержание:** цветовая модель CMYK, разрешение 300 dpi, дополнительные обтравочные контуры и alpha-каналы отсутствуют. Все цвета в макете должны быть PROCESS CMYK, OVERPRINT должен быть отключен.

• Если используются цвета в модели Pantone, то их следует перевести в модель CMYK.

• Не следует делать композитным черный цвет текста, использовать только Black 100%.

• Сумма красок в растровых изображениях не должна превышать 300.

Все материалы принимаются в электронном виде.
Адрес электронной почты для пересылки материалов: **yulia.firsova@fmc-media.ru**

ИНФОРМАЦИОННОЕ СПОНСОРСТВО

АНО «Международный аналитическо-информационный центр правовой информации» предлагает услуги по информационному спонсорству на взаимовыгодных условиях сотрудничества для организатора какого-либо мероприятия.

Мы оказываем услуги по информационному спонсорству при организации конференций, симпозиумов и других событий, находящих отклик у широкой общественности. При информационном спонсорстве журнал оказывает информационную поддержку мероприятию, позволяет спонсорам представлять на своих страницах анонсы мероприятий и публиковать пресс-релизы, посвященные определенному событию, материалы по итогам мероприятия.

Сотрудничество с издательством на условиях информационного спонсорства предполагает, что организаторы мероприятий предоставляют со своей стороны различные рекламные возможности как во время самого мероприятия, так и до и после него.

Требования к макетам спонсорских объявлений – смотрите требования к рекламным модулям.

ВОПРОСЫ И ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

(499) 390-35-80
yulia.firsova@fmc-media.ru.

с. 41

Международные судебные органы: эволюционное развитие или «самоопределение»?

Здание Международного суда ООН, г. Гаага, Нидерланды